

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

1 (327) – 2023

Научно-информационный бюллетень

Издаётся с 1992 года

**Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки «Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук»**

Отдел Азии и Африки

Редакционная коллегия

Мирзеханов В.С. – д-р ист. наук, профессор, научный консультант (ИВИ РАН, ИНИОН РАН), *Дмитриева Е.Л.* – главный редактор, *Бибикова О.П.* – канд. ист. наук, первый зам главного редактора, *Гинесина Н.В.* – отв. за выпуск на англ. яз., *Ниязи А.Ш.* – канд. ист. наук, зам главного редактора (ИВ РАН), *Счененович В.Н.* – отв. секретарь

Аликберов А.К., д-р ист. наук, директор ИВ РАН

Аватков В.А., д-р полит. наук, ИНИОН РАН, Дипломатическая академия МИД РФ

Белинский А.В., канд. полит. наук, ИНИОН РАН

Белозёров В.К., д-р полит. наук, МГЛУ

Гордон А.В., д-р ист. наук, ИНИОН РАН

Добаев И.П., д-р филос. наук, канд. полит. наук, эксперт РАН, ЮФУ

Кашаф Ш.Р., магистр теологии, ИВ РАН

Кузнецов И.И., д-р полит. наук, МГУ им. М.В. Ломоносова

Малышева Д.Б., д-р полит. наук, ИМЭМО РАН

Следзевский И.В., д-р ист. наук, Институт Африки РАН

Флиши де ла Невиль Т. (Швейцария), канд. юр. наук, Университет в Пуатье, Реннская школа бизнеса (Франция)

Россия и мусульманский мир : научно-информационный бюллетень / ИНИОН РАН, Отдел Азии и Африки. – Москва, 2023. – № 1 (327). – 130 с.

ISSN 1998-1813

DOI: 10.31249/rimm/2023.01.00

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)
© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2023

**INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

**INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

**RUSSIA
AND
THE MOSLEM WORLD**

1 (327) – 2023

Science-information bulletin

Published since 1992

**Federal State Budgetary Institution of Science
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences**

Division of Asia and Africa

Editorial Board:

Velikan Mirzhanov – Scientific Consultant, INION, Russian Academy of Sciences, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; *Elena Dmitrieva* – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; *Olga Bibikova* – First Deputy Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; *Aziz Niyazi* – Deputy Editor-in-Chief, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; *Valentina Schensnovich* – Executive Secretary, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; *Natalia Ginesina* – Managing Editor, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alikber Alikberov, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vladimir Avatkov, INION, Russian Academy of Sciences, Diplomatic Academy of the MFA of Russia, Moscow, Russian Federation

Andrey Belinsky, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vasiliy Belozerov, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

Igor Dobaev, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Alexander Gordon, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Shamil Kashaf, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Igor Kuznetsov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Dina Malysheva, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Igor Sledzevsky, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Thomas Flých de La Neuville (Switzerland), Institute for the History of Law (University of Poitiers), Rennes School of Business, France

Russia and the Moslem World: Science Information Bulletin / INION RAN, Division of Asia and Africa. – Moscow, 2023. – N 1 (327). – 130 p.

ISSN 1998-1813

DOI: 10.31249/rimm/2023.01.00

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Добаев И.П. «Цветные революции» в геополитических трансформациях на постсоветском пространстве.....	9
Сченснович В.Н. Межэтнические отношения и СМИ в России. (Аналитический обзор).....	18

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Энгвалл Дж. // Между бандитами и бюрократами: 30 лет парламентского развития в Киргизстане. (Реферат).....	28
Кудаяров К.А. Киргизско-турецкое сотрудничество в военной сфере.....	52
Сченснович В.Н. Миграционные особенности стран Центральной Азии. (Аналитический обзор).....	59

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Бозкурт Угур.</i> Эмиграция мусульман Кавказа в Османскую империю и их роль в создании Турецкой Республики.....	72
<i>Кириченко В.П.</i> Иранский Азербайджан: прошлое и настоящее	88

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Садыкова Э.Л., Галимов Т.Р.</i> Место и роль межрелигиозного диалога в становлении русского централизованного государства	104
--	-----

CONTENTS

MODERN RUSSIA: IDEOLOGY, POLITICS, CULTURE AND RELIGION

<i>Dobaev I.P.</i> “Color revolutions” in geopolitical transformations in the post-soviet space	9
<i>Schensnovich V.N.</i> Interethnic relations and mass media in Russia. (Analytical review)	18

PLACE AND ROLE OF ISLAM IN REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION, THE CAUCASSUS AND CENTRAL ASIA

<i>Engvall J.</i> // Between bandits and bureaucrats: 30 years of parliamentary development in Kyrgyzstan. (Abstract)	28
<i>Kudayarov K.A.</i> Kyrgyz-Turkish cooperation in the military sphere.....	52
<i>Schensnovich V.N.</i> Migration features of Central Asian countries. (Analytical review)	59

ISLAM IN FOREIGN COUNTRIES

<i>Bozkurt Ugur.</i> Emigration of caucasian moslems to the Ottoman Empire and their role in the creation of the Turkish Republic. (Abstract)	72
<i>Kirichenko V.P.</i> Iranian Azerbaijan: past and present	88

THE MOSLEM WORLD: THEORETICAL AND PHILOSOPHICAL PROBLEMS

<i>Sadykova E.L., Galimov T.R.</i> The place and role of interreligious dialogue in the formation of the Russian centralized state	104
--	-----

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – НЕТ!
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – ДА!

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Добаев И.П.*

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ
ТРАНСФОРМАЦИЯХ НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ

DOI: 10.31249/rimm/2023.01.01

Для цитирования: Добаев И.П. «Цветные революции» в геополитических трансформациях на постсоветском пространстве. DOI: 10.31249/rimm/2023.01.01

Аннотация. В статье раскрываются природа и содержание «цветных революций», являющихся частным случаем так называемых «сетевых войн». Показано, что «цветные» «возбуждения» базируются на фундаменте внутренних конфликтогенных факторов (политических, социально-экономических, демографо-миграционных и этноконфессиональных). Однако они были бы невозможны без внешнего влияния и разноплановой подпитки, при этом основным внешним манипулятором «цветных революций» на постсоветском пространстве выступает «консолидированный Запад» во главе с США. «Цветные» девиации представляют реальную угрозу для национальной безопасности стран на постсоветском пространстве, а потому нуждаются в дальнейшем детальном осмыслении и эффективном противодействии.

Ключевые слова: агенты влияния; государственные перевороты; идеологии; неправительственные организации; сетевые войны; цветные революции.

* Добаев И.П., доктор философских наук, профессор, эксперт РАН, руководитель Центра региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, e-mail: ipdobaev@sfedu.ru

© Добаев И.П., 2023

В 1996 г. была опубликована работа американских авторов Дж. Аркиллы и Д. Ронфельдта *The Advent of Netwar*, в которой был предложен новый подход к изменениям в военной сфере, вызванным информационной революцией. Исследователи отталкивались от системы координат «кибернетическая война – психологическая война – сетевая война». Избранный термин для обозначения нового явления – «сетевая война» – подчеркивал влияние информационной революции на организацию и управление в конфликтах, на развитие сетевых форм организаций, доктрины и стратегий. В дальнейшем этот подход получил развитие в их других работах. К теме «сетевой войны» обращались и другие исследователи, в частности М. Кастьельс. Сегодня этот подход стал доминирующим в военно-политическом и научном сообществе США; а организационно-управленческие аспекты вышли на первый план, отодвинув технические.

На основе наработок этих авторов американскими военными была разработана новая концепция ведения войн (*emerging theory of war*). Речь идет об Офисе Реформирования ВС Секретаря Обороны (*Office of Force Transformation*) под управлением вице-адмирала Артура К. Сибровски (*Cebrowski*). В последующем она активно внедрялась в практику ведения боевых действий США в Ираке и Афганистане, тестиировалась на учениях и симуляторах. Разработчики этой теории были убеждены, что уже в ближайшем будущем эта теория, если не заменит собой традиционную теорию войны, то существенно и необратимо качественно изменит ее. Под новой концепцией войны подразумевалась так называемая «сетевая война»¹.

Теория сетевых войн утверждает, что современные конфликты развертываются в четырех смежных областях человеческой структуры: в физической, информационной, когнитивной (рассудочной) и социальной. Каждая из них имеет важное самостоятельное значение, но решающий эффект в сетевых войнах достигается синергией (однонаправленным действием различных сил) всех этих элементов.

Физическая область – это традиционная область войны, в которой происходит столкновение физических сил во времени и в пространстве. Эта область включает в себя среды ведения боевых действий (море, суша, воздух, космическое пространство), боевые единицы (платформы) и физические носители ком-

¹ Дугин А.Г. Обществоведение для граждан новой России. М.: Евразийское движение, 2007. С. 395–402.

муникационных сетей. Этот аспект лучше всего поддается измерению и ранее служил основой при определении силы армии и ее способности вести боевые действия. В информационную эпоху это становится не столь очевидным, и следует рассматривать физический аспект как некий предельный эффект действия сетевых технологий, основная часть которых расположена в иных областях, но которые проецируют на физическую область свои эффекты.

Информационная область – это сфера, где создается, обрабатывается и распределяется информация. Эта область покрывает системы передачи информации, базовые сенсоры (датчики), модели обработки информации и т.д. Это преимущественная среда эпохи сетевых войн, которая выделилась в самостоятельную категорию – «информосферу» наряду с физическими средами, приобретя важнейшее – если не центральное – значение. Информационная область в эпоху сетевых войн связывает между собой все уровни ведения войны и является приоритетной. Преимущества или недостатки в накоплении, передаче, обработке и охране информации в данном случае постепенно приобретают решающее значение.

Когнитивной областью является сознание бойца. Именно она является тем пространством, где преимущественно осуществляются так называемые «операции базовых эффектов, ОБЭ». Все основные войны и битвы развертываются и выигрываются именно в этой сфере. Именно в когнитивной области располагаются такие явления, как «намерение командира», доктрина, тактика, техника и процедуры. Сетецентричные войны уделяют этому фактору огромное значение, хотя процессы, происходящие в этой сфере, измерить значительно сложнее, чем в области физической. Но их ценность и эффективность подчас намного важнее.

Социальная область представляет собой поле взаимодействия людей. Здесь преобладают исторические, культурные, религиозные ценности, психологические установки, этнические особенности. В социальном пространстве развертываются отношения между людьми, выстраиваются естественные иерархии в группах – лидеры, ведомые и т.д., складываются системы групповых отношений. Социальная область является контекстом сетевых войн, которую следует принимать во внимание самым тщательным образом.

Центральной задачей ведения «сетевых войн» является проведение упомянутых выше «операций базовых эффектов» (ОБЭ).

ОБЭ определяются как совокупность действий, направленных на врагов, нейтралов и даже союзников в ситуации мира, кризиса и войны¹.

Однако применение американцами концепции сетевых войн в военных действиях в Афганистане и Ираке оказалось эффективным лишь на первой, бесконтактной стадии этих кампаний. Кроме того, она потребовала значительных материальных ресурсов. В связи с этим, особенно после смерти Сибровски, от ее применения на практике отказались.

Однако теоретические и практические наработки сетевых войн оказались востребованными при организации и проведении «цветных революций». Этот термин впервые был использован в 2004 г. при написании автором данной работы статьи «Роль и место “цветных революций” в geopolитических трансформациях на Юге России», которая была опубликована в 2005 г. в сборнике Центра системных и региональных исследований и прогнозирования Ростовского государственного университета (ныне – Центр региональных исследований ЮФУ)². Нами «цветная революция» понимается как прозападный, а чаще – проамериканский переворот, производимый в той или иной стране в интересах Запада (США) с использованием инструментария сетевых войн³.

Следует подчеркнуть, что «цветные революции» осуществляются не на пустом месте. Для их успешной реализации в той или иной стране необходимо наличие комплекса внутренних конфликтогенных факторов: политических, социально-экономических, демографо-миграционных, этноконфессиональных. Эти девиации активно подпитываются извне. Можно утверждать, что главным субъектом «цветных революций», а лучше сказать – «цветных путей», выступает «внешний игрок», опирающийся на уже созданные внутри той или иной страны западные и прозападные неправительственные организации (НПО). «Внешний игрок» во всех известных «цветных революциях» даже в роли собственно наблюдателя оказывал воздействие на происходящие преобразования и организовывал широкую общественную и дипломатическую под-

¹ Добаев И.П. Геополитика и geopolитические процессы в Черноморско-Каспийском регионе. Ростов н/Дону: Фонд науки и образования. С. 85–94.

² Добаев И.П. Роль и место «цветных революций» в geopolитических трансформациях на Юге России // Евразийский проект: кавказский вектор. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005.

³ Добаев И.П. Механизмы и технологии осуществления Западом «цветных революций» на постсоветском пространстве // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2008. № 2. С. 128–141.

держку путчистов. Он непосредственно или косвенно участвовал как внейтрализации власти (принуждая отказываться от активного противодействия), так и в стимуляции и организации действий оппозиции. Одним словом, в значительной мере определял и методы, и направления преобразований. Более того, если последовательно рассмотреть такие «революционные» изменения на постсоветском пространстве, как поочередную смену правящих группировок, окажется, что каждая следующая из них становилась, как правило, все более зависимой от Запада – США, ЕС или НАТО.

Однако не вызывает сомнения то обстоятельство, что причина подавляющего числа крупных социально-политических конфликтов в современном мире носит геополитический характер, в то время как их конкретное содержание формируется из ткани объективно существующих межэтнических, конфессиональных, политических, социально-экономических и иных противоречий. Внезапное обострение конфликта, радикализация оппонентов, выбор необычайно агрессивных методов его «разрешения», затяжной характер противоборства, – все это верные признаки внешнего, субъективного вмешательства «третьей силы». Применительно к постсоветскому пространству и шире – Черноморско-Каспийскому региону, такой «третьей силой» является, как правило, трансатлантическое сообщество – США и их спутники, преследующие в регионе свои геополитические интересы¹.

Среди иностранных структур, а их множество, активно работавших и продолжающих работать на постсоветском пространстве, оказываются организации, различающиеся по влиятельности, идеологии, источникам финансирования и степени связи с правительствами. Некоторые НПО объявляют себя абсолютно частными, как, например, Институт «Открытое общество» американского миллиардера Джорджа Сороса. Другие (например, World Vision), будучи частными организациями, получают финансирование от государства. Есть также структуры при политических партиях: в США это Национальный демократический институт и Международный республиканский институт, в Германии – Фонд Фридриха Эберта (существующий при Либерально-демократической партии), Фонд Конрада Аденауэра (Христианско-демократический союз) и Фонд имени Генриха Бёлля (связанный с партией «зеленых»). Присутствуют также организации, заявленной целью кото-

¹ Добаев И.П., Черевков О.С. Сетевые войны в Черноморско-Каспийском регионе: угрозы национальной безопасности России // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4. С. 182–199.

рых является реализация программ социально-экономического развития в зарубежных странах, например, Агентство США по международному развитию (USAID) или швейцарское Агентство по развитию и сотрудничеству (SDC) и т.д.

Эти организации финансируют самые разнообразные программы, декларирующие защиту прав женщин, поддержку малых предприятий, укрепление гражданского общества с его главной идеей «прав человека», профилактику СПИДа, защиту окружающей среды, подготовку журналистов или судей, реформу образования и т.п. Однако все их начинания объединены единой целью: они призваны содействовать внедрению так называемых западных «ценностей» и «принципов демократии». В таких проектах условием получения финансирования становится готовность страны, тех или иных групп населения к «демократизации» по западным образцам.

После крушения Советского Союза большинство вновь образованных государств стали придерживаться принципа диверсификации во внешней политике, ориентации на различные страны и блоки государств, в том числе на западные. Такой подход, безусловно, облегчил коллективному Западу процесс внедрения своих структур на постсоветском пространстве и создания многочисленных (сотни и даже порой тысячи) западных и прозападных НПО в новых суверенных государствах. Эти организации финансируют самые разнообразные программы, ориентированные на определенную «либерализацию» населения этих стран. Однако все их начинания объединены единой целью: они призваны содействовать внедрению «принципов демократии». В таких проектах условием получения финансирования становится готовность страны к «демократизации», а их целью является переформатирование сознания человека. Такой подход приносит свои плоды в форме реализации государственных переворотов в ходе осуществления «цветных революций» в той или иной стране.

Многие действующие на постсоветском пространстве про-западно ориентированные сетевые структуры в своей совокупности представляют собой сложную, многомерную, тотальную сеть. Следует подчеркнуть, что практически все эти сети развернуты, прежде всего, в интеллектуальном сегменте обществ, охватывая собой сферу воспитания и образования, в том числе высшего; научные и творческие структуры. Отдельным и важным направлением деятельности таких НПО по разворачиванию сетей считается молодежь, работа с которой ведется в школах, средних и высших учебных заведениях, а также вне этих учреждений, путем формирования различных молодежных структур и организаций.

Безусловно, финансово зависимые от Запада структуры используются их организаторами и спонсорами в следующих основных целях: добывание под прикрытием научных, культурных и других контактов конфиденциальной информации; влияние на потоки информации в интересах США и их союзников; подбор и последующая подготовка конкретных лиц, в том числе как инструмент организации и проведения «цветных путей».

На Западе и в научном, и в прагматическом ключе основательно разработаны технологии осуществления «цветных переворотов», прежде всего, путем применения «мягкой силы», как достаточно действенной и относительно дешевой. В первую очередь здесь следует назвать труд американского автора Джина Шарпа «От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения», опубликованный в 1993 г. Однако следует подчеркнуть, что эта работа была написана еще в 1988 г., в преддверии первого и неудачного для американцев «цветного переворота», который они планировали осуществить в Бирме (Мьянме). Тем не менее используя «мягкую силу», они в дальнейшем достигли успеха в Грузии (2003), на Украине (2004), Армении (2018). Случались и неудачи: в Киргизии, Узбекистане, Азербайджане, Белоруссии. Провалы «цветных» характерны для стран, где менее всего в практику введены так называемые «демократические» нормы, а правящий режим жестко пресекает выступления несистемной оппозиции, и наоборот.

Если же «мягкие» формы не срабатывают, инициаторы «цветных» готовы использовать и «жесткие» средства ведения борьбы. Примером может служить так называемая «революция достоинства», которая была осуществлена на Украине зимой 2014 г., а также январские события 2022 г. в Казахстане, сопровождавшиеся погромами и жертвами. Упомянутую «революцию достоинства», в отличие от предшествующих «цветных» переворотов, можно назвать «многоцветной революцией», поскольку ее участники являлись носителями «разноцветных» идеологических взглядов. Представители студенческой молодежи, научной и творческой интеллигенции выступали под оранжевыми и даже радужными знаменами, радикалы из числа крымских татар – под голубыми¹, украинские националисты – бандеровцы – под черно-красными и т.д. Нет сомнения, что такое взаимодействие носителей разных идеологий стало возможным в результате единого для всех них кукловода – консолидированного Запада. Как

¹ Анисимова Н.А., Добаев И.П. Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе. Москва ; Ростов н/Дону: Социально-гуманитарные знания, 2016. 186 с.

отмечалось выше, в январе 2021 г. попытка проведения «многоцветной революции» была предпринята в Казахстане, однако она не увенчалась успехом в связи с решительными действиями стран – членов ОДКБ.

Безусловно, «цветные» методы борьбы в «мягкой», «жесткой» и «смешанной» формах, осуществляемые США и их союзниками по НАТО, под предлогом «демократизации» и «либерализации» многих стран мира, в том числе в России и на постсоветском пространстве, с использованием зарубежных и местных НПО, представляют собой угрозу для национальной безопасности этих государств и народов. В связи с этим они нуждаются в осмыслении, детальном изучении, выборе форм, методов и средств для наиболее эффективного противодействия инспираторам «цветных» возмущений.

Серьезным опытом для осмыслиения сущности и этапов развертывания «разноцветных» сетей стали беспорядки, инспирированные Западом в январе 2022 г. в Казахстане. Совершенно очевидно, что правящий режим удержался у власти лишь благодаря военной помощи ОДКБ. За протестами в казахских регионах, особенно в Алма-Ате, стояли те же силы, что и за попытками государственных переворотов в других постсоветских государствах, включая Российскую Федерацию. Как представляется, успешный опыт других стран полезен для изучения и практического применения. Особый интерес представляет практика противодействия «цветным» в Белоруссии, где в 2020 г. власти самостоятельно, без внешней силовой поддержки, сумели подавить разрастающийся мятеж, обеспечив не только собственную безопасность, но и безопасность своих партнеров по интеграционным структурам.

Как показал белорусский опыт, выбранная руководством этой республики политика зачистки страны от западных «агентов влияния» («киноагентов»), является единственно верной. Отказавшись от заигрывания с иностранными НПО, за последние годы в Белоруссии практически были ликвидированы все организации, так или иначе финансируемые из-за рубежа. Одновременно были закрыты все так называемые «независимые» СМИ, а некоторые из них, как и ряд телеграм-каналов, были признаны экстремистскими. После казахстанских событий борьба с остатками этих элементов была только усиlena.

Однако в Белоруссии внимание обращается и на противодействие тем «цветным» силам, которые, по примеру Украины (2013–2014) и Казахстана (2022), могут применять не только «мягкую», но и «жесткую» силу. Подтверждением этому стало создание совместной российско-белорусской группировки войск на территории союзного для России государства, проводимые совместные учения

по улучшению слаженности подразделений и повышению боевой подготовки. Разумеется, такие действия были подстегнуты действиями коллективного Запада, ведущего прокси-войну против России, используя территорию Украины и ее ресурсы.

Опыт некоторых постсоветских государств показывает, что там, где укрепляется властная вертикаль, совершенствуется «антицветное» законодательство, ликвидируются западные и прозападные НПО, производится зачистка от «агентов влияния», там резко снижается возможность для внешней инспирации «цветных» инсинаций (примером может служить Азербайджан и нынешняя Белоруссия). Наоборот, там, где ведется бесшабашная политика «многовекторности», такие государства становятся беззащитными перед «цветными» (например, Украина, Армения, ряд центральноазиатских государств). Что касается России, с середины «нулевых» здесь ведется последовательная работа по противодействию внешнему влиянию и понижению потенциала внутренних конфликтогенных факторов, которые и являются той питательной почвой, на которой паразитируют разрушительные внешние силы, с их якобы частными «фондами», НПО и «агентами влияния»¹. В частности, приняты законы по таким НПО, «агентам влияния» и т.д. Однако, как представляется, эта работа нуждается в дальнейшем усилении и улучшении.

Статья поступила в редакцию 15.11.2022.

Принята к публикации 09.12.2022.

Dobaev I.P.

**“Color revolutions” in geopolitical
transformations in the post-soviet space**

Igor P. Dobaev,

DSc (Philosophy), Professor,
Expert of Russian Academy of Sciences,
Director of Center of Regional Studies,
Institute of Sociology and Religion,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: ipdobaev@sfedu.ru

¹ Добаев И.П. Сетевые структуры «оранжевых» в ЮФО: угрозы национальной и региональной безопасности России // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. СПб.: Алтейя, 2008. С. 190–199.

***Abstract.** The article reveals the nature and content of the «color revolutions», which are a special case of the so-called «network wars». It is shown that «colored» agitations are based on the foundation of internal conflict-causing factors (political, socio-economic, demographic-migration and ethno-confessional). However, they would not have been possible without external influence and diverse feeding, while the main external manipulator of the «color revolutions» in the post-Soviet space is the «consolidated West» led by the United States. «Color» deviations pose a real threat to the national security of countries in the post-Soviet space, and therefore need further detailed reflection and effective counteraction.*

Keywords: agents of influence; coups d'etat; ideologies; non-governmental organizations; network wars; color revolutions.

**Сченнович В.Н.*
МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
И СМИ В РОССИИ.
(Аналитический обзор)**

DOI: 10.31249/rimm/2023.01.02

Для цитирования: Сченнович В.Н. Межэтнические отношения и СМИ в России. (Аналитический обзор). DOI: 10.31249/rimm/2023.01.02

Аннотация. В обзоре рассмотрены различные подходы к освещению межэтнических конфликтов в российских изданиях. Приведен контент-анализ текстов печатных и электронных федеральных и региональных СМИ, статей, выпусков интернет-изданий, комментариев блогеров, выступлений политических деятелей, сообщений в социальных сетях, отражающих проблемы межэтнических отношений. Дано оценка конструируемым СМИ образом внешних трудовых мигрантов и бытующим в обществе негативным установкам по отношению к ним.

Ключевые слова: межэтнические отношения; медиапространство; СМИ; мигранты; мигрантофобия; новые медиа; коммуникационная среда; цифровизация; онлайн-формат; ксенофобия; национальная политика.

* Сченнович В.Н., научный сотрудник, отдел Азии и Африки ИНИОН РАН, e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

Введение

По результатам контент-анализа приводятся содержательные и оценочные характеристики межэтнических отношений в России, противоречия в формировании образа внешних мигрантов в современном медиапространстве, намечены возможные стратегии взаимодействия, к которым готово общество в настоящее время.

В связи с увеличивающимся влиянием новых медиа коммуникационная среда взаимодействия традиционных СМИ и аудитории переживает период трансформации. Исследователи выявили условия развития работы с целевой аудиторией новых медиа, в первую очередь социальных сетей и блогосферы.

Отражение проблем межэтнических отношений в СМИ РФ

Доктор социологических наук, доцент В.Ю. Леденева [1] (ФНИСЦ РАН, г. Москва), отражая объективность подачи информации о межэтнических отношениях в СМИ, анализирует роль медиапространства в противодействии распространению ксенофобии и национализма. Автор рассматривает также конструируемые СМИ образы внешних трудовых мигрантов и сложившиеся в обществе негативные установки по отношению к ним. Определен механизм дискурсивного конструирования в виде текстов, провоцирующих эмоциональное восприятие внешней миграции в противовес ее рациональному осмыслению.

Одна из основных функций СМИ заключается в формировании общественного мнения, в том числе и в отношении к разным национальностям. СМИ могут смягчать межкультурные различия или усугублять их. Для России этот вопрос актуален в силу ее многонациональности и интенсивности миграционных потоков из бывших советских республик. Адекватное освещение в СМИ межэтнических и межрелигиозных отношений необходимо в рамках критического дискурса-анализа, так как некоторые вопросы конструирования межнациональных отношений рассматриваются в медиапространстве односторонне.

Подавляющее количество работ о дискурсивном конструировании межнациональных отношений посвящено анализу миграционных процессов. Часто объектом таких публикаций являются трудовые мигранты, образ которых используется в негативном свете. Эксплуатация такого образа осложняет отношения между

представителями разных национальностей и формирует у пользователей устойчивый негатив ко всем мигрантам, что отрицательно оказывается на уровне межэтнических коммуникаций.

Основой для возникновения и функционирования межэтнических отношений являются конкретные проблемы, противоречия, инциденты, фобии и иррациональные страхи. Конфликтные заголовки и лексемы, употребляемые в российских СМИ, стали сегодня визитной карточкой многих изданий. Часто заголовки публикаций дают оценочную интерпретацию событию, формируя эмоциональную тональность текста, особенно это проявляется в миграционной тематике. Такие заголовки усугубляют и без того сложную межэтническую ситуацию в некоторых регионах страны.

Автором был проведен контент-анализ публикаций различных изданий федерального и регионального значения. В качестве источников были выбраны популярные новостные порталы, а также сообщения в социальных сетях «ВКонтакте», Telegram, Facebook, Instagram и др. Акцент был сделан на анализе публикаций, касающихся проблем трудовых мигрантов (легализация, взаимодействие с органами власти и местным населением, совершение преступлений). В общей сложности было изучено 78 публикаций, представленных на этих порталах с января по июль 2021 г., и отобраны статьи для проведения контент-анализа на основании заголовков, содержащих ключевые лексемы: «этноконфессиональная напряженность», «этнорелигиозная ситуация», «межнациональные и религиозные отношения», «мигранты». При этом наибольшее количество ключевых лексем сделано на сайтах федеральных изданий TASS.ru (10%), «Коммерсант. ру» (23%), «Российская Газета» (10%), «Царьград» (34%); на региональные СМИ приходилось от одной до пяти публикаций, в зависимости от события, получившего резонанс в обществе.

Значительное количество публикаций в СМИ по проблемам межнациональных отношений посвящено трудовым мигрантам. Пандемия COVID-19 стала катализатором обострения межнациональных отношений – сформировались устойчивые шаблоны и стандарты, которые порождают антииммигантскую риторику в обществе. Мигрантофobia в условиях коронавируса стала проблемой во всем мире. В российском медиапространстве произошла вспышка ксенофобских настроений, связанная с опасением, что в условиях потери работы мигранты начнут совершать преступления. Негативное отношение к мигрантам формируют стереотипы о культурных и религиозных различиях: мигранты плохо знают язык, забирают и удешевляют рабочие места.

Активно используются маркеры национальности при освещении конфликтов, если речь идет о внешних трудовых мигрантах. Постоянно подогревается тема о высоких темпах миграции, изменяющей этнический состав регионов России, что создает предпосылки для возникновения межэтнической напряженности.

Функционально деятельность СМИ направлена на обеспечение межнационального согласия и регулирование межнациональных отношений, однако в большей степени в российских СМИ преобладает негативная риторика в отношении иностранных мигрантов, что усиливает уровень мигрантофобии среди населения, в то время как результатом работы журналистов должны быть аналитические тексты, выступающие «мягкой силой» в гармонизации межэтнической обстановки.

Латентная мигрантофобия в региональных СМИ

Тему мигрантофобии развивают доктор исторических наук, профессор А.В. Мартыненко (Мордовский гос. пед. ун-т, г. Саранск) и кандидат исторических наук О.В. Орлова (Марийский НИИ языка, литературы и истории, г. Йошкар-Ола) [2]. Авторы анализируют особенности общественного восприятия иностранной трудовой миграции в современной России, выявленные в ходе проведенного ими опроса населения в Республике Марий Эл и Республике Мордовия в 2020 г. Наиболее эффективными управлеченческими мерами по предупреждению этнополитических и межэтнических конфликтов, связанных с миграцией, являются поддержка национально-культурных объединений, межведомственная и межуровневая координация в сфере реализации государственной национальной политики, включая профилактику экстремизма, раннее предупреждение конфликтов, и постоянный мониторинг этнополитической сферы и межнациональных отношений.

Россия относится к группе стран, привлекательных для миграции, которую характеризуют мощные миграционные потоки и важная роль иностранной рабочей силы в экономике. При наличии проявлений мигрантофобии (латентной или открытой) в большинстве российских регионов, миграционная ситуация для страны не носит критического и острого характера. Ее особенности авторы прослеживают на примере социологического опроса населения в столицах Республики Марий Эл и Республики Мордовия – Йошкар-Оле и Саранске (по 300 респондентов в каждом городе).

Опрос затрагивал широкий спектр этнокультурных и этнополитических проблем. В частности, вопросы были призваны выявить общественные настроения в отношении трудовой миграции. При наличии определенной специфики, ситуация с мигрантами в двух указанных поволжских республиках схожа. Как и в Марий Эл, в Мордовии развита учебная и академическая миграция из многих стран мира. Однако значительная часть респондентов в обеих республиках выразила негативное отношение к прибытию мигрантов: 42% участников опроса в Марий Эл и 43% в Мордовии отметили, что мигранты могут повлиять на общественно-политическую ситуацию в регионах России «скорее отрицательно». Однозначно отрицательное влияние обозначили 22% респондентов в Марий Эл и 13% в Мордовии. Таким образом, отрицательное отношение к иностранной трудовой миграции характерно для 64% респондентов в Марий Эл и для 58% в Мордовии, превышая половину участников опроса. Соответственно, о положительном влиянии мигрантов высказалось меньше респондентов («положительно» – по 3% и в Марий Эл, и в Мордовии, «скорее положительно» – 12% в Марий Эл и 5% в Мордовии). Значительное число респондентов убеждено, что следует ограничить въезд в Россию мигрантов из стран Средней Азии (49% в Марий Эл и 28% в Мордовии). Ограничить въезд из Закавказья предлагают 46% респондентов в Марий Эл и 23% в Мордовии. Из других стран предлагают ограничить въезд 40% респондентов в Марий Эл и 5% в Мордовии. В то же время 23% респондентов в Марий Эл и 28% в Мордовии считают, что ограничения на въезд мигрантов не нужны.

Существенная часть респондентов рассматривает мигрантов как угрозу экономической безопасности данных регионов. В качестве аргумента обычно выдвигается тезис о «дешевизне» труда мигрантов, благодаря чему они якобы имеют большие шансы получить работу, чем местные, которым «надо платить больше». Традиционно раздражение этой части респондентов вызывает многолетняя, берущая начало с советских времен, торговля, которую ведут выходцы с Закавказья и из Центральной Азии на местных рынках, особенно продуктовых. Имеет место и отношение к мигрантам как источнику инфекционных заболеваний, страх заразиться от них.

Однако в случае возникновения уличных акций, направленных против мигрантов, их не готово поддержать большинство респондентов в обеих республиках – 63% в Марий Эл и 69% в Мордовии. Население Марий Эл и Мордовии не выказывает готовности к

агрессивным действиям в отношении мигрантов. Последнее свидетельствует о латентном характере мигрантофобии в рассматриваемых регионах.

Негативную роль в культивировании мигрантофобских настроений играют и представления о якобы предрасположенности мигрантов к совершению уголовных преступлений. Отчасти такие настроения провоцируются региональными СМИ и связанными с республикой интернет-ресурсами, которые в материалах на криминальную тему зачастую акцентируют внимание на этническом происхождении преступников: указание в новостных сообщениях на то, что преступление совершено мигрантом, поддерживает стереотип «Все мигранты – преступники». Если аналогичное преступление совершается местным жителем, как правило, не делается акцент на его гражданстве, национальности и вероисповедании. В СМИ активно используются высказывания «мигранты-мусульмане», часто дается указание на национальность мигранта («мигрант-таджик», «мигрант-узбек» и т.п.). При этом негативные, агрессивные и враждебные выпады в адрес мигрантов, как правило, основываются на убеждении в том, что миграция несет в себе угрозу для целостности и безопасности принимающего социума. Речь здесь может идти об угрозе как личной, так и коллективной безопасности. В последнем случае подразумеваются опасения, связанные с возможностью возникновения диаспор, районов компактного проживания мигрантов, опасных для местного населения. Кроме того, у местного населения существуют страхи по поводу проникновения вместе с мигрантами эмиссаров и боевиков террористических группировок, разного рода «спящих ячеек», подрывная деятельность которых направлена как на раскол в региональном мусульманском сообществе (умме), так и на общую дестабилизацию. В частности, салафитский экстремизм заявил о себе в 1990–2010 годах как в Мордовии, так и в Марий Эл.

Противодействие салафитскому экстремизму может быть эффективным в случае реализации широкого комплекса мер, включающего в себя не только силовое подавление террористов, но и продуманную социально-экономическую и культурно-просветительскую политику. В том числе – в среде иностранных трудовых мигрантов. Важно, по мысли авторов, и совершенствование механизмов адаптации и интеграции мигрантов. Наиболее эффективными управлеченческими мерами по предупреждению этнополитических и межэтнических конфликтов, связанных с миграцией, являются поддержка национально-культурных объе-

динений, межведомственная и межуровневая координация в сфере реализации государственной национальной политики, включая профилактику экстремизма и раннее предупреждение конфликтов, равно как и постоянный мониторинг этнополитической сферы и межнациональных отношений.

Новые медиа – инструмент трансформации медиапространства в регионах России

Доктор экономических наук С.Г. Пьянкова (Уральский гос. экон. ун-т, г. Екатеринбург), кандидат экономических наук О.Т. Ергунова (Уральский гос. экон. ун-т, г. Екатеринбург) и зав. лабораторией информационных технологий О.П. Горшкова (Ин-т экономики и управления, Волгоградский гос. ун-т, г. Волгоград) [3] разработали структурную модель функций современной коммуникационной среды на уровне региона, которая обеспечивает информационные потребности населения. По их убеждению, все платформы в современном обществе врачаются вокруг аудитории и от этого взаимодействия выигрывает не только платформа, но и пользователи, экономящие время.

В современных условиях новые средства массовой информации влияют на все общество в целом из-за масштабов распространения информации в сочетании с оперативностью и открытостью, а также в связи с развитием цифровых технологий. Влияние новых медиа, убеждены исследователи, будет постепенно расширяться и становиться все более масштабным, что ускорит их проникновение во многие области политики, экономики и культуры в различных странах мира.

Пандемия COVID-19 – первая настоящая глобальная эпидемия, с которой сталкивается общество в эпоху Интернета и социальных сетей. Быстрое распространение вирусной информации представляет собой гиперинформацию различной достоверности, часто ложную, приводящую к явлению «инфодемии». Как неоднократно указывали эксперты медиа, мировоззрения формируются читателями и зрителями, которые находятся под влиянием того, что пишут и говорят СМИ, и последние сейчас являются чуть ли не единственным окном в мир.

Пандемия активизировала все цифровые информационные процессы и привела к трансформации новых медиа благодаря изменяющимся условиям создания и потребления контента. В современной научной литературе феномен новых медиа имеет

несколько основных характеристик. В первую очередь мультимедиа, гипертекст, взаимодействие, поставка, оцифровка, ресурсы относятся к существованию медиапространства и цифровых медиа.

С непрерывным развитием сетевых технологий и постоянной популяризацией мобильных устройств, платформа мобильных видеороликов стала новой площадкой коммуникации, короткое мобильное видео стало способом продвижения контента в Интернете.

Обобщив определения понятия «институт средств массовой информации», авторы статьи конкретизировали его с позиций поставленной цели: это сложно организованный комплекс человеческих, материальных, технологических ресурсов, функционирующий на пересечении сфер государства и гражданского общества, обладающий институциональной структурой с системой нормативного и правового регулирования, подготовки кадров, и иерархического закрепления по ролям и статусам. Исследователи разработали структурную модель функций средств массовой коммуникации (СМК), которая обеспечивает информационные потребности населения, реализацию потребностей в социализации, гражданской солидарности и мобилизации населения. Каждая функция описана при помощи критериев и показателей, которые составили основу анкетного опроса населения и интервьюирования специалистов, профессионально занятых в СМИ.

Термин «социальные медиа», редко используемый отечественными маркетологами, является синонимом более широкого термина «новые медиа». Помимо цифрового формата, это определение включает в себя практически любые электронные (цифровые) или интернет-СМИ, которые являются мультимедийными и интерактивными. Новые медиа обычно включают в себя: интернет-медиа (онлайн-медиа), в том числе онлайн-производство онлайн-медиа, службы подкастов (интернет-радио); услуги потокового мультимедиа, такие как интернет-телевидение, интернет-радио и широковещательные медиа, мобильное ТВ; социальные сети (сети); блоги, сервисы микроблогов и т.д.

Хотя пандемия ускорила некоторые процессы трансформации рынка СМИ в России, но традиционные СМИ также занимают значительные позиции на региональном рынке СМИ. Телевидение все еще остается основным источником информации, но его влияние сокращается. За 5 лет доля населения субъектов РФ, предпочитающих получать новостную информацию по телевизору сократилась с 90 до 62% за счет существенного роста новых медиа, при этом в целом, учитывая все каналы потребления новостной информации,

интенсивность потребления данного контента снизилась, в то время как отчетливо прослеживается тренд увеличения популярности социальных сетей и перераспределения аудитории между разными платформами. Рейтинг лидеров новых медиа в России возглавляет ВКонтакте (44% от населения РФ), YouTube (37%), Instagram (34%), TikTok (16%). С 2016 г. произошло утройение показателей популярности мессенджеров – средств для мгновенного обмена сообщениями, лидерами рейтинга являются: WhatsApp, который используют 64% населения страны; Viber (31%), Telegram (21%).

Утвержденные версии региональных бюджетов на 2022–2024 гг. на реализацию информационно-коммуникационных технологий планируется повысить на 18,7% – до 243,4 млрд руб. Хотя большинство субъектов РФ в 2022 г. стремятся значительно увеличить расходы на реализацию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), однако чуть менее половины регионов предварительно предполагают снижение расходов на ИКТ в среднем на 25–45%.

Заключение

Освещение в СМИ такой острой и деликатной проблемы, как межэтнические отношения, требует от журналистов высокого профессионализма. Необходимо учитывать не только культурные и религиозные особенности этносов, но также исторические, психологические, экономические и многие другие аспекты. Опыт показывает, что стереотипы, навязываемые СМИ, способны создавать глубокие противоречия на межэтническом уровне.

Мигрант в СМИ часто предстает как угроза безопасности гражданам России, а при наличии как позитивных, так и негативных сообщений о мигрантах читатели наиболее остро воспринимают негативную информацию, которая усиливает уровень мигрантофобии в обществе.

С развитием технологий возникает потребность создания новых форм коммуникаций с аудиторией. Пользователи сети узнают сведения не только из традиционных средств массовой информации, но и используя социальные сети. Кроме того, имеют возможность в едином информационном пространстве получать информацию разной тематики, анализировать высказывания лидеров мнений и комментировать их. Таким образом, новые медиаплатформы в современном мире оказывают существенное влияние на развитие средств массовой коммуникации.

Список литературы

1. Леденева В.Ю. Отражение проблем межэтнических отношений в российских СМИ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 128–137.
2. Мартыненко А.В., Орлова О.В. Латентная мигрантофобия в региональном измерении: на материалах Марий Эл и Мордовии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. № 4. С. 700–706.
3. Пьянкова С.Г., Ергунова О.Т., Горшкова О.П. Новые медиа как инструмент трансформации региональной информационной среды взаимодействия аудитории и СМИ // Региональная экономика. Юг России. 2022. Т. 10. № 2. С. 60–68.

Обзор поступил в редакцию 02.11.2022.

Принят к публикации 15.11.2022.

Schensnovich V.N. Interethnic relations and mass media in Russia. (Analytical review)

Valentina N. Schensnovich,
Research Associate, Asia and Africa Department,
INION RAN,
e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

Abstract. The review examines various approaches to the coverage of interethnic conflicts in Russian publications. The content analysis of the texts of printed and electronic federal and regional media, articles, issues of online publications, bloggers' comments, speeches of political figures, messages on social networks reflecting the problems of interethnic relations is provided. The assessment of the images of external labor migrants constructed by the media and the negative attitudes existing in society towards them is given.

Keywords: interethnic relations; media space; mass media; migrants; migrant phobia; new media; communication environment; digitalization; online format; xenophobia; national policy.

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Энгвалл Дж. //

МЕЖДУ БАНДИТАМИ И БЮРОКРАТАМИ: 30 ЛЕТ ПАРЛАМЕНТСКОГО РАЗВИТИЯ В КИРГИЗИИ. (РЕФЕРАТ)

DOI: 10.31249/rimm/2023.01.03

Engvall Johan. Between Bandits and Bureaucrats: 30 Years of Parliamentary Development in Kyrgyzstan / Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program. Washington – Stockholm: Silk Road Paper, January 2022. – 134 p.

Автор реферата: Кудаяров К.А.*

Для цитирования: Энгвалл Дж. // Между бандитами и бюрократами: 30 лет парламентского развития в Киргизии. (Реферат. Авт. Кудаяров К.А.). DOI: 10.31249/rimm/2023.01.03.

Ключевые слова: Киргизия; парламент; власть; президент.

Целью исследования Дж. Энгвалла является анализ парламентского развития Киргизии за последние три десятилетия. Автор рассмотрел роль парламента в политической жизни страны; изучил его формирование, функционирование и эффективность; провел анализ эволюции законодательной ветви власти за последние 30 лет. В хронологическом порядке Энгвалл рассмотрел семь различных парламентов Киргизии, которые существовали в рес-

* Кудаяров Каныбек Акматбекович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН, e-mail: kana8306@mail.ru

публике в период с 1991 по 2021 г. Анализируются социальный состав, коллективное поведение и деятельность законодательных органов, включая взаимоотношения между законодательной и исполнительной ветвями власти.

С момента избрания «легендарного парламента» в феврале 1990 г. до его преждевременного распуска в сентябре 1994 г. Верховный Совет (с мая 1993 г. – Жогорку Кенеш), пережил насыщенную политическую жизнь. Первоначально Центральный Комитет Коммунистической партии Киргизской ССР формально контролировал выдвижение кандидатов через трудовые коллективы, учебные заведения и воинские части [17]. Его контроль над процессом отбора гарантировал, что ведущие партийные деятели могли беспрепятственно баллотироваться в Верховный Совет. Тем не менее в результате наличия настоящей конкуренции, выборы привели в парламент респектабельную оппозицию, что свидетельствует о неспособности аппарата компартии контролировать процесс выдвижения кандидатов. Состав Верховного Совета, являющегося одновременно последним парламентом Киргизской ССР и первым законодательным органом после обретения независимости, включал в себя крестьян и рабочих, политическую, экономическую и интеллектуальную элиту.

На уровне элиты парламент дал «приют» как старшему поколению, оно продолжало влиять на политику Киргизии в течение первого десятилетия независимости, так и молодому поколению, которое расширило свое влияние за этот период.

Рассматриваемый с точки зрения обычных современных парламентов, встречающихся, например, на Западе, Верховный Совет Киргизии был своеобразным учреждением. Во-первых, в советской системе парламент в значительной степени играл декоративную роль, собираясь на заседания лишь пару раз в год, чтобы утвердить законы, выдвинутые Коммунистической партией [18]. Следовательно, члены парламента были не готовы осуществлять законодательную деятельность независимым образом. Во-вторых, место в парламенте не является профессией. Депутаты выполняли свои законодательные функции на стороне, поскольку их основной род деятельности отличался от депутатской. Некоторые парламентарии занимали высокие посты в исполнительной и судебной ветвях власти, другие – в региональных и местных администрациях, а третьи – были руководителями промышленных и сельскохозяйственных предприятий.

Инаугурационная сессия Верховного Совета 12-го созыва состоялась в апреле 1990 г. Согласно протоколу, депутаты избрали председателем нового парламента лидера компартии Масалиева. Следуя традиционной привычке ускорять принятие новых законов в соответствии с пожеланиями компартии, парламенту потребовалось всего три часа, чтобы принять несколько десятков законов о частной собственности, аренде и землепользовании. Тогда еще никто не брал в расчет тот факт, что законы должны обсуждаться постатейно [20].

Уже с первых дней независимости существовали идеиные разногласия относительно будущего пути Киргизии. Предпочтение президента А. Акаева экономической либерализации и инклузивной политики государственного строительства с упором на концепцию «Киргизия – наш общий дом» столкнулось с сопротивлением со стороны тех парламентариев, которые выступали за государственную экономическую систему и принятие киргизской национальной идентичности в качестве основополагающей [22]. Эти разногласия привели к столкновениям между исполнительной и законодательной властями по поводу нескольких политических мер, включая «Закон о языке», земельную реформу и конституционную реформу.

Таким образом, киргизский парламент решительно заявил о необходимости осуществления своего законодательного надзора, а готовность оспаривать президентские инициативы принесла ему ярлык «легендарного» среди населения. По сей день легендарный парламент сохраняет репутацию более сильного противовеса исполнительной власти, чем его преемники. Несмотря на то что депутаты были избраны при советской власти, они стали демонстрировать растущее разнообразие политических взглядов: одни остались верны идеалам коммунизма, другие поддержали политику Акаева по маркетизации и демократизации, в то время как другие представляли собой зарождающуюся националистическую политическую ориентацию [23].

Члены парламента были продуктами совершенно иной системы, чем та, которая зарождалась. Она в значительной степени формировалась в соответствии с социальными слоями: от политической и экономической элиты до рабочих и пастухов. Поэтому подавляющему большинству депутатов не хватало необходимого опыта и знаний для выполнения законодательных задач. Только около 15% депутатов (из 350) были активно вовлечены в законодательный процесс. Сам парламент в основном работал во время

сессий, которые проводились два раза в год. Поэтому он не был задуман как профессиональный орган, способный работать над законодательством на постоянной основе. Этот пробел в принятии решений был в значительной степени заполнен президентской канцелярией, выпускающей указы [23].

После запрета компартии депутаты больше не имели никакой формальной партийной принадлежности. В отсутствие партийного механизма для дисциплинирования членов они руководствовались собственными убеждениями и интересами, а также инерцией, обеспечиваемой старыми коммунистическими структурами, которые все еще сохранялись, несмотря на официальное осуждение. Тот факт, что многие депутаты одновременно служили в правительстве, размыл границы между законодательной и исполнительной ветвями власти и повлиял на роль и идентичность парламента. По мнению автора, киргизские власти воспользовались этим, назначив своих людей везде, где это было возможно: на должности в центральной администрации или в администрациях регионального и районного уровней. Для этих депутатов их главная лояльность была уже не к парламенту, который они продолжали представлять, а к президенту. В конце концов, эта ситуация стала фатальной для первого независимого парламента страны [28]. Акаев таким образом ограничил независимую власть парламента. В последующем, разделив Жогорку Кенеш на две палаты, он ожидал, что новый законодательный орган станет более слабым политическим институтом, чем был его предшественник. В результате конституционных преобразований новый парламент представлял собой своего рода «промежуточный пункт», еще не готовый для того, чтобы стать полностью независимой ветвью власти. [30].

Парламентские выборы 1995 г. были опытом использования так называемого административного ресурса при формировании результатов выборов в постсоветской Киргизии. Те кандидаты, которые пользовались поддержкой администрации президента, могли рассчитывать на поддержку кампании со стороны центральных, региональных и местных администраций, а также оплачиваемых государством работников, таких как учителя, врачи, полицейские, судьи и сельские власти [32]. Первые выборы в Киргизии, полагает Энгвалл, не привели к созданию коммунистического законодательного органа, как это произошло в то время в других бывших советских республиках и странах Восточной Европы.

Доминирующей группой в новом парламенте был формирующийся класс бизнесменов и политиков. Некоторые из них име-

ли прошлое в номенклатуре и использовали свой политический и административный капитал для получения прибыли от процесса приватизации. Другие пришли не из номенклатуры и добились успеха благодаря ранней массовой приватизации в секторах торговли и услуг, а также на черном рынке [34]. Как отметил эксперт Ю. Хаски, парламентские выборы 1995 г. определялись не в консолидации демократии, а в криминализации и регионализации политики в Киргизии. Появление большого числа коррумпированных бизнесменов в законодательном органе, несомненно, осложнило попытки Акаева очистить свою администрацию и сделать менее вероятной приверженность элиты демократическим правилам и процедурам. Чтобы обеспечить свое влияние на распространение таких товаров, как табак, алкоголь, нефть и опиум, «мафия» уже участвует в политическом процессе внутри страны [34].

Избирательная система (по одномандатным округам) привела к тому, что парламент был заполнен депутатами, представляющими конкретные местные избирательные округа, а не конкретные политические идеологии. Акаев расширил право выдвигать кандидатов общественным объединениям и местным сообществам и отменил особый статус политических партий как единственных общественных объединений, которым разрешено выдвигать кандидатов. Это подорвало роль партий в выдвижении кандидатов, размыв границы между политическими партиями и другими общественными объединениями в тот момент, когда развитие политических партий находилось еще в зачаточном состоянии [38].

Тот факт, что некоторые депутаты были выдвинуты политическими партиями, не означал, что у них была принадлежность к политической партии в парламенте. Парламентарии имели «свободный» мандат и в основном представляли себя и жителей в своих избирательных округах, они полагались на свои собственные возможности, а не на возможности какой-либо партии. Одним словом, парламентские дела в Киргизии были раздроблены по узким региональным и деловым направлениям в ущерб политическим вопросам национального уровня. Местные «сильные мира сего», в том числе управляющие местными торговыми монополиями, пользовались популярностью на своих избирательных участках, но в масштабах всей страны им не хватало поддержки, а некоторых даже называли криминальными авторитетами [44].

Парламент изначально оказался более независимым, чем того ожидал президент. Жогорку Кенеш успешно отклонил инициативу о продлении срока президентства Акаева до октября 2001 г. на том

основании, что это являлось вопиющим нарушением Конституции. Парламент также упорно пытался добиться того, чтобы Акаев отказался баллотироваться на пост президента в третий раз, но безуспешно, поскольку Конституционный суд постановил предоставить ему это право в 1998 г. Парламент одобрил множество весьма важных законов, которые практически не оставили нетронутыми ни одну сферу. Среди них были основные рыночные законы, гражданский кодекс, налоговый кодекс, закон о государственных предприятиях и закон об иностранных инвестициях [40]. Кроме того, была введена совершенно новая система административного, уголовного, гражданского и трудового законодательства, включая гражданский процессуальный кодекс, уголовный кодекс, уголовно-процессуальный кодекс, арбитражный процессуальный кодекс, трудовой кодекс, кодекс об административной ответственности и многие другие новые законы. Всего с 1995 по 2000 г. Жогорку Кенеш принял более 500 законов. Таким образом, проблема в Киргизстане в конце первого десятилетия переходного периода заключалась не в фактическом принятии законов. По сравнению со многими другими постсоветскими странами с переходной экономикой, Киргизия приняла значительное количество законов. Главной проблемой был существенный разрыв в имплементации между недавно принятыми законами и использованием и исполнением этих законов. Киргизия продемонстрировала самый большой на постсоветском пространстве разрыв между правовой обширностью (количеством законов) и юридической эффективностью (качеством или фактическим исполнением законов).

Неудивительно, что новый парламент страдал от организационных недостатков, включая нечеткое разделение труда и полномочий между Законодательным собранием и Собранием народных представителей. На практике две палаты дублировали работу друг друга, в результате чего деятельность парламента была плохо организована. Обе палаты могли принимать законы лишь в случае их одобрения другой палатой. В новом двухпалатном парламенте, в составе 105 депутатов, насчитывалось около 350 помощников и консультантов. В результате расходы на содержание нового парламента возросли в десять раз. В целом, первый созыв Жогорку Кенеша, избранный после обретения независимости, не обеспечил президенту Акаеву лояльный корпус депутатов, на который он надеялся, когда распускал легендарный парламент. В течение 1995–2000 гг. руководство республики приняло более авторитарный оборот. Чтобы обойти возражения парламента, были проведены

референдумы в 1996 и 1998 гг. для внесения изменений в Конституцию, которые расширили полномочия президента за счет парламента и премьер-министра. Конституционные поправки, одобренные на референдуме 1996 г., в значительной степени устранили контрольные функции парламента в экономической сфере и других секторах. Парламент также потерял право утверждать министров: ему было предоставлено право утверждать только премьер-министра, который мог быть уволен президентом без согласия парламента [42].

Референдумом 1998 г. был снят депутатский иммунитет от судебного преследования, что сделало пребывание в парламенте все более неопределенным. Несмотря на ограниченные полномочия, Жогорку Кенеш продолжал критиковать политику Акаева, особенно в экономической и социальной сферах. Были признаки формирования оппозиционных блоков, хотя их политические требования были расплывчатыми, а организация – неустойчивой. Вместо политически мотивированных разделительных линий внутри парламента депутаты в основном сближались на основе неформальных отношений, таких как личные и профессиональные связи или региональная принадлежность. Политика разделилась по линии «Север-Юг», и примерно полдюжины депутатов от Юга стали главными противниками Акаева.

В преддверии парламентских выборов 2000 г. были произведены изменения в избирательном кодексе, согласно которым двухпалатный парламент остался на месте, но численность Законодательного собрания выросла с 35 до 60 мест, в то время как численность Собрания народных представителей сократилась с 70 до 45 мест. Из 105 имеющихся в парламенте мест 90 были распределены в одномандатных округах на мажоритарной основе, а оставшиеся 15 мест в Законодательном собрании были распределены пропорционально на основе общегражданских партийных списков.

Введение 25%-ной квоты мест в нижней палате парламента для представителей политических партий создало дополнительные стимулы для партийной конкуренции. Статус политических партий также укрепился после принятия нового закона «О политических партиях» в 1999 г. До этого времени закон «Об общественных объединениях» от 1991 г. регламентировал положения о создании и функционировании политических партий. В результате создание и регистрация политической партии стали простым делом, а число политических партий в стране неуклонно росло: с не-

скольких партий-первоходцев в начале 1990-х до более чем 30 в 2000 г. Однако большинство новых партий находились в процессе самоорганизации или существовали исключительно на бумаге. Многие из них ограничивались обслуживанием ветеранов войны, женщин, пенсионеров или молодежи. Лишь некоторые партии демонстрировали определенные признаки стремления к более широкому охвату общества. Новые партии также были ограничены изменениями в законе о выборах, принятymi Законодательным собранием в апреле 1999 г., которые требовали, чтобы «политические партии, участвующие в выборах, регистрировались по крайней мере за 12 месяцев до выборов» [44].

В день выборов, 20 февраля, в одномандатных округах баллотировались 414 кандидатов – 219 в Законодательное собрание и 195 – в Ассамблею народных представителей. После первого тура голосования власти обрушили гнев на нескольких ведущих противников режима. Суд отстранил действующего депутата Данияра Усенова, который побеждал в своем округе, перед окончательным голосованием за то, что он не раскрыл всю свою собственность. После выборов он был приговорен к трем годам тюремного заключения, после того как государственный обвинитель возобновил против него дело четырехлетней давности. Суд снял с регистрации еще восемь кандидатов, прошедших во второй тур, по аналогичным основаниям. Кулов оказался на стороне проигравшего в результате сфальсифицированного голосования. Вскоре после этого Кулов был арестован и приговорен к тюремному заключению за злоупотребление, которое многие считают политически мотивированным.

Таким образом, по сравнению с 1995 г. выборы 2000 г. были еще более непрозрачными и во многих случаях сфальсифицированными. На этот раз наблюдатели за выборами из ОБСЕ согласились с отчетом о наблюдении за выборами, отметив множество препятствий, которые государственные власти ставили перед оппозиционными партиями и кандидатами. Результаты подтвердили картину предыдущих выборов с преобладанием бизнесменов и местных боссов, которых сельский избирательный округ предпочел городским представителям или базирующимся в Бишкеке политическим партиям. В одномандатных округах кандидаты пришли к выводу, что участие в выборах в качестве независимого кандидата представляют собой более выгодную стратегию по сравнению с объединением с политической партией.

В целом результаты выборов оказались успешными для президента Акаева, поскольку только 11 депутатов были связаны с оппозиционными партиями (коммунисты, Ата Мекен, Народная партия и Эркин Киргизстан) после выборов, в то время как правительственные партии насчитали в своих рядах 21 депутата. Более того, большинство из 73 официально неаффилированных депутатов считались «проакаевскими» [47].

Социальный состав парламента, сформированный в 1995 г., был представлен примерно на 60% представителями бюрократии центрального и регионального уровней. Вторыми по величине группами были бизнесмены, на которых приходилась одна четверть депутатов парламента. Избирателя хотели видеть кандидатов, имеющих прочные связи с их соответствующими избирательными округами, которым можно было бы доверять, чтобы они заботились об их интересах, предлагая ощущимую поддержку на местном уровне. Это требование стало особенно очевидным в свете резкого ослабления государственной власти в Киргизии после обретения независимости.

Таким образом, кандидаты на местах, обладающие экономическими ресурсами для поддержки своих избирателей, все чаще стали заменять слабых и неэффективных местных государственных органов. Другими словами, региональные фракции продолжали одерживать верх над фракциями политических партий в определении политического баланса в парламенте. Слабая партийная структура также усугубила некоторые из основных проблем парламента. Например, депутаты продолжали расширять практику взимания платы за свои услуги и использования своего мандата для личной выгоды. В результате коррупция еще больше укоренилась в законодательной власти. Во все более авторитарной политической среде парламент стал безопасным убежищем для богатых людей, ищущих защиты от налоговых органов и финансовой полиции с помощью политического влияния. Следовательно, в законодательной ветви власти процветало лоббирование теневых экономических интересов и коррупция. Депутаты использовали свои законодательные полномочия для лоббирования вопросов, связанных с определенными видами экономической деятельности, включая добычу полезных ископаемых, азартные игры в казино и различную торговую деятельность, в качестве формы давления на определенные местные и иностранные предприятия в обмен на откаты и другие формы коррупционных сделок. Слабое соблюдение дисциплины и персонализированный мандат означали, что

парламентские сессии неизменно демонстрировали низкий уровень посещаемости. Внутриинституциональные процедуры были столь же фрагментированы: Законодательное собрание имело целых 28 комитетов, в которые могли входить не более 60 депутатов [48].

Привычка Акаева объявлять референдумы подорвала парламентскую автономию как в финансовом, так и в политическом плане. Более того, основные оппозиционные фигуры смягчили свои реплики после оглушительной победы Акаева на президентских выборах в октябре 2000 г. Однако относительное затишье продлилось недолго. Первый кризис разразился в начале осени 2001 г., когда парламент атаковал президента и правительство после утечки меморандума между правительствами Киргизии и Узбекистана о передаче территории Киргизии Узбекистану. Парламент решительно отверг меморандум.

Другим спорным вопросом было решение Акаева подписать соглашение с Соединенными Штатами, которое позволяло ВВС США арендовать базу в международном аэропорту «Манас» за пределами Бишкека для поддержки военной кампании в Афганистане. Ратификация договора вызвала бурные дебаты в парламенте, а оппозиционные политики приняли участие в нескольких митингах против американского присутствия. Однако эти проблемы побледнели бы по сравнению с конкретной серией событий, которые привели бы к затяжному политическому кризису в стране и постоянной потере легитимности Акаевым. Все произошло в начале 2001 г., когда Азимбек Бекназаров, в то время малоизвестный в стране депутат, выступил с резкой критикой в адрес Акаева и решения правительства передать спорные, но незаселенные земли граничащему Китаю. Это решение было принято несколькими годами ранее, но без одобрения парламентом, как того требует Конституция. Под руководством Бекназарова, небольшие протесты переросли в кампанию, призывающую к импичменту Акаева за предательство интересов государства. К движению присоединились и некоторые другие парламентарии, в основном с Юга страны [49].

В попытке заставить замолчать Бекназарова, власти арестовали его в феврале 2002 г. по обвинению в злоупотреблении властью еще в 1995 г., когда он работал районным прокурором в своей родной Джалал-Абадской области. В ответ сторонники Бекназарова объявили голодовку и организовали акции протеста с требованием освободить парламентария. Во время демонстраций в небольшом городке Кербен в родном районе Бекназарова Аксы в марте 2000 г. полиция открыла огонь, убив шесть человек и ранив более 50.

Эти «события в Аксы» вызвали шок по всей стране. Впервые с момента обретения независимости политическое руководство приказалось полиции применить насилие для подавления протестующих. В результате насилия премьер-министр Бакиев и его кабинет подали в отставку. Летом суд закрыл дело и освободил Бекназарова, которому было разрешено сохранить свой депутатский мандат. Одновременно парламент принял закон об амнистии для лиц, причастных к «аксыским событиям», и в результате ни один из виновных так и не был привлечен к ответственности [50]. События в Аксы ознаменовались рождением нового движения под названием «За отставку Акаева». Из этого движения возник радикальный оппозиционный блок «За народную власть», возглавляемый Бекназаровым и двумя южными депутатами парламента, известными своей бескомпромиссной позицией против Акаева, Исмаилом Исаковым и Бектуром Асановым.

События в Аксы также создали более широкий прецедент для оппозиционных политиков в парламенте и за его пределами. Если бы оппозиция раньше была в значительной степени бессильна, столкнувшись с преследованиями со стороны государства, события в Аксы ясно продемонстрировали политическим элитам защитную силу мобилизации сторонников на их родной территории. Эта практика «превращения социальных сетей сообщества в политическое оружие», по словам Скотта Радница, в последующем будет доминировать в политических противостояниях в Киргизии на протяжении десятилетия [51].

Внутри парламента депутаты сделали первые шаги по организации и объединению во фракции и парламентские группы на основе идеологических различий. Три блока сформировались по классической политической шкале, причем правое крыло и центр были преимущественно пропрезидентскими, в то время как левое крыло стало главной оппозицией. Таким образом, по сравнению со своим предшественником второй созыв Жогорку Кенеша стал шагом вперед в развитии политического плюрализма в стране. Тем не менее основные подразделения парламента продолжали действовать в соответствии с неформальными принципами, такими как личные интересы и преданность, основанные на профессии или межличностных отношениях [51].

В начале 2000-х годов политическая жизнь в Киргизии становилась все более нестабильной. Небольшая, но громкая парламентская оппозиция заняла центральное место в противостоянии Акаеву по растущему списку вопросов, однажды даже попытав-

шился объявить ему импичмент. Между двумя ветвями власти вспыхнули многочисленные столкновения. Это можно объяснить проведением множества референдумов, которые Акаев провел в 1990-х годах, что значительно сократило полномочия парламента. В условиях сокращения официальных политических полномочий парламентские представители были вынуждены концентрировать свои оппозиционные действия по конкретным вопросам и использовать внеконституционные методы вместо того, чтобы придерживаться обычной парламентской практики в высказывании своей критики. Попытки Акаева дискредитировать законодателей, в частности с помощью кампаний в государственных СМИ, называя их демагогами, работающими против государственных интересов и сосредоточенными на набивании своих карманов вместо принятия законов, мало что сделали для подавления оппозиции.

Энгвалл утверждает, что никогда еще выборы в Киргизии не были такими драматичными, как парламентские выборы 2005 г., отличающиеся жесткой политической конкуренцией в сочетании с отчаянными усилиями государственных властей, а также самих кандидатов использовать любые доступные средства, чтобы склонить баланс голосов в свою пользу. Ставки уже значительно повысились после очередного референдума в 2003 г., который ввел новые правила игры. После десятилетия двухпалатного правления парламент вернулся к однопалатной структуре. Более того, число парламентских мандатов было сокращено до 75, что представляет собой сокращение почти на 30%. Все места были отданы по одномандатным округам, что полностью исключило пропорциональное представительство по партийным спискам. Новая конституция, одобренная на референдуме, восстановила некоторые полномочия парламента, в том числе и парламентский иммунитет от судебного преследования. В то же время конституционная реформа ввела дополнительные президентские привилегии [54]. Была подготовлена почва для того, чтобы бизнесмены, местные влиятельные лица, бывшие правительственные чиновники, криминальные авторитеты, представители президентской семьи и ее окружения и другие выступили друг против друга на выборах. В общей сложности около 400 кандидатов боролись за 75 мест, имеющихся в обновленном Жогорку Кенеше.

В бюллетени для голосования были включены только четыре партии, в том числе две «проакаевские» партии «Алга Киргизстан» и «Адилет». Среди кандидатов были двое старших детей президента, а также два близких родственника первой леди Майрам Акаевой.

За исключением партии коммунистов, оппозиция выставляла исключительно самовыдвиженцев, поскольку отмена пропорционального представительства на основе партийных списков фактически сделала партийную принадлежность бессмысленной. Фактически, большинство партий советовали своим членам баллотироваться в качестве независимых кандидатов.

Беспорядки произошли до, во время и после первого тура выборов 27 февраля, когда сторонники дисквалифицированных или проигравших кандидатов вышли на улицы в северных провинциях – Иссык-Кульской, Нарынской и Таласской областях, а также в южных провинциях. Протестующие мобилизовались против несправедливых, сфальсифицированных выборов. По итогам первого тура выборов было выдвинуто чуть более 30 кандидатов, половина из которых связана с пропрезидентской партией «Алга». Масштабные протесты вспыхнули по всей стране. На Юге сторонники проигравших оппозиционных кандидатов захватили региональные и местные административные здания. По мере того как все больше представителей элиты покидали слабеющий режим Акаева, протесты впоследствии распространились на Бишкек. 24 марта, когда массы людей прошли маршем по улицам столицы, требуя отставки Акаева, президент и его семья бежали из страны в Москву [57].

Новый парламент утвердил правительство во главе с Бакиевым, который выполнял функции премьер-министра и исполняющего обязанности президента. Таким образом, в конце концов, новые власти решили не распускать новый парламент, опасаясь, что такой шаг еще больше дестабилизирует страну [58].

Отношения нового президента Бакиева с частью парламента быстро приняли неожиданный оборот. Группа экономических баронов, ранее действовавших под эгидой семьи Акаевых, либо в одночасье перешла на сторону Бакиева, либо яростно сопротивлялась подчинению новому «покровителю» и, таким образом, стала злейшим врагом нового президента. В дополнение к угрозе собственности, самый основной аспект – личная безопасность – находился под постоянной угрозой после «революции тюльпанов». До окончания 2005 г. были убиты три члена парламента и несколько других высокопоставленных лиц, предположительно из-за споров, связанных с преступным миром, или споров из-за собственности [60].

Одной из главных тем для разговоров в столице в то время было слияние политики и организованной преступности, в центре которого находился новый парламент. По мнению некоторых экспертов, из 75 членов парламента до 12 человек имели связи с орга-

низованной преступностью либо в качестве непосредственных лидеров организованных преступных групп, либо обеспечивая защиту интересов этих групп. Отсутствие целостности сделало парламент уязвимым для попыток президента разделить и кооптировать его членов. Были предприняты попытки структурировать внутрипарламентскую работу в рамках нескольких полуофициальных фракций и парламентских групп. Сформировалось около 6–8 таких групп, как правило, на основе общих политических, экономических или региональных интересов. Однако члены этих фракций часто расходились в своих позициях по отношению к президенту. Альтернативой обычной парламентской оппозиции было давление на Бакиева с помощью испытанного метода организации массовых демонстраций. На протяжении 2006 г. «куличная политика» стала определяющей чертой политической конкуренции Киргизии. В трех случаях оппозиция во главе с депутатами парламента организовывала крупные акции протesta, каждый раз собирая тысячи сторонников на улицах Бишкека [62].

Как и Акаев до него, Бакиев обошел парламент и использовал всенародный референдум для укрепления своих конституционных полномочий. Изменения предоставили парламентскому большинству право назначать премьер-министра, который предлагал бы членов кабинета на утверждение президента. Основным изменением избирательной системы стал переход к пропорциональной системе, при которой 90 членов парламента должны были избираться по общенациональным партийным спискам. Новое законодательство ввело специальные квоты для женщин и молодежи (30%) и национальных меньшинств (15%), что привело к более разнообразному включению кандидатов [67].

Период с 2008 по 2010 г. обычно рассматривается как «темный период» в современной истории Киргизии. Страна стремительно приближалась к полноценной диктатуре. Поскольку Бакиев «перехитрил» оппозицию и лишил ее оплота в парламенте, больше не было никаких препятствий для того, чтобы президентская семья в полной мере проявила свою алчность и жестокость [70]. В конце концов, клептократия Бакиева оказалась не такой долгоживущей, как опасались. Его стратегия построения власти вокруг небольшой сети близких родственников и доверенных лиц привела к обратным результатам, поскольку он оттолкнул слишком много влиятельных элит и радикально настроенных слоев населения. Ни конкурирующие элиты, ни общественность не верили, что Бакиев собирался регулировать политическую преемственность консти-

туционными средствами. В результате в апреле 2010 г. произошла еще одна «революция». В отличие от Акаева, который отказался от власти без кровопролития, Бакиев попытался жестоко подавить восстание, что привело к гибели 89 человек и еще большим жертвам. Первоначально Бакиев бежал из Бишкека на родину в Джалаал-Абадскую область, откуда предпринял попытку контрреволюции. Однако, столкнувшись с отсутствием поддержки даже в своем родном регионе, а также с угрозой ареста, он бежал в Белоруссию, где режим Лукашенко предоставил ему убежище [72].

После падения администрации Бакиева оппозиция создала временное правительство, чтобы взять на себя управление страной и определить будущее направление развития. Новые лидеры немедленно издали ряд указов. Первым указом был распущен парламент; другими – распущена администрация президента и признана недействительной Конституция, принятая в 2007 г. После революции напряженность росла по всей стране, особенно на Юге, где временное руководство испытывало трудности с установлением своей легитимности. Ситуация становилась все более опасной по мере того, как она переросла в противостояние между киргизской и узбекской элитами и их сторонниками в Джалаал-Абадской и Ошской областях соответственно. Дошло до того, что временное правительство в Бишкеке во главе с президентом переходного периода Р. Отунбаевой стало бессильным наблюдателем, когда вспыхнуло массовое межэтническое насилие, длившееся с 10 по 14 июня 2010 г.

В результате ожесточенных столкновений погибло несколько сотен человек и десятки тысяч были вынуждены покинуть свои дома. Тем временем Текебаев, один из лидеров временного правительства, отвечал за разработку новой конституции с наделением законодательной власти полномочиями и децентрализацией исполнительной власти. Новая форма правления имела своей главной целью снизить риск узурпации государства одной семьей / кланом, обеспечив тем самым определенный баланс между конкурирующими интересами [79]. На референдуме 27 июня 2010 г. 90% избирателей одобрили новую конституцию, которая определила президента, избираемого прямым путем, и премьер-министра, избираемого парламентом. Конституция наделила президента беспартийной ролью с ограниченными полномочиями в нескольких областях, таких как составление бюджета и влияние на законодательный процесс. Конституция также ограничивала полномочия президента одним шестилетним сроком.

Кропотливый процесс формирования хрупкого коалиционного правительства свидетельствовал о грядущих событиях. Поскольку Атамбаев одержал победу на президентских выборах 30 октября 2011 г. и был приведен к присяге в качестве президента 1 декабря, была сформирована новая коалиция с Бабановым в качестве премьер-министра. (Бабанов пробудет на своем посту менее года.)

В общей сложности, в течение избирательного цикла с 2010 по 2015 г. в Киргизии было не менее пяти различных коалиционных правительств во главе с таким же количеством премьер-министров. Все пять партий в какой-то момент времени входили по крайней мере в одну из правящих коалиций. Партии, формирующие различные коалиционные правительства, разделили между собой все национальные министерства и ведомства, а также региональные администрации на уровне провинций, районов и городов. Такое же разделение распространялось и на прибыльные финансовые и экономические секторы. Эта практика ослабила легитимность центрального правительства, сделала местное управление неэффективным и вызвала конфликты между местными жителями и их администрацией, поскольку доверенные лица различных партий с ограниченными полномочиями на местном уровне были назначены для управления различными частями страны на основе своего рода системы квот [79].

Наиболее распространенным образованием среди парламентариев были профессии учителей, инженеров, юристов, экономистов и специалистов в области сельского хозяйства. Тем не менее наблюдалось заметное отсутствие высококвалифицированных юристов и экономистов, способных писать законы. Чтобы покрыть дефицит, парламентский аппарат был увеличен. В результате этого 120 депутатов обслуживались более чем тысячью сотрудников. По сравнению с предыдущим парламентом, он тратил в разы больше государственных средств на каждый принятый новый закон.

Хотя парламент 2010 г. был избран на конкурентной основе и сбалансирован с точки зрения представительства элиты, его низкий уровень компетентности и профессионализма, возможно, означал шаг назад по сравнению с его предшественниками [81].

Распад партий, прошедших в парламент в 2010 г., оказал глубокое влияние на парламентские выборы в октябре 2015 г. Несмотря на то что 93 из 120 членов уходящего парламента решили баллотироваться заново в 2015 г., большинство из них предложили изменить свою партийную принадлежность [85].

С осени 2015 г. по осень 2017 г., когда Атамбаев должен был покинуть свой пост, он и его партия (СДПК) усилили свое влияние на парламент. К 2016 г. появились признаки слияния СДПК с администрацией президента, поскольку несколько главных помощников Атамбаева заняли должности в политическом совете партии. Атамбаев использовал парламент, чтобы добиться внесения изменений в Конституцию, и 11 декабря 2016 г. парламент принял законопроект о проведении референдума для утверждения ряда конституционных поправок. Поправки были направлены на передачу большей власти от президента премьер-министру. Представители гражданского общества раскритиковали изменения за ослабление законодательной и судебной ветвей власти [91]. Подавляющее большинство граждан одобрило поправки, которые в конечном итоге оказали незначительное общее влияние на систему управления, что было продемонстрировано после окончания президентского срока Атамбаева в 2017 г. Некоторые парламентарии во главе с Текебаевым предприняли несколько попыток оспорить попытку президента подорвать парламент. Однако открытое противодействие Текебаеву дорого обошлось, поскольку он был арестован по обвинению в коррупции и впоследствии приговорен к восьми годам лишения свободы. После этого большинство депутатов предпочли промолчать и проголосовать за одобрение пожеланий администрации президента.

Еще один определяющий момент во время работы шестого созыва Жогорку Кенеша произошел, когда президент Атамбаев покинул свой пост в соответствии с его шестилетним одномандатным лимитом. В качестве преемника Атамбаев лично выбрал премьер-министра Сооронбая Жээнбекова, для продвижения которого он проводил агрессивную предвыборную кампанию в ходе президентской гонки в ноябре 2017.

Когда Жээнбеков одержал победу, Атамбаев, казалось, выполнил свою задачу по приведению к власти лояльного союзника. Однако то, что произошло потом, никак не входило в планы Атамбаева. Вскоре выяснилось, что Жээнбеков не собирался позволить бывшему президенту руководить страной «из-за кулис». Даже по киргизским меркам, Жээнбеков провел беспрецедентную чистку своего ближайшего окружения из числа «атамбаевских людей», включая премьер-министра Сапара Исакова.

Лишенный всех своих союзников в правительстве и с учетом того, что многие из его некогда верных союзников в парламенте встали на сторону Жээнбекова, поле для маневров вокруг Атам-

баева еще больше сжалось в июне 2019 г., когда парламент проголосовал за лишение его иммунитета от судебного преследования, которым он пользовался в качестве экс-президента. В отчаянной попытке оказать сопротивление задержанию Атамбаев забаррикадировался со своими сторонниками в загородной резиденции за пределами Бишкека. Противостояние закончилось 8 августа. В конце концов Атамбаев сдался полиции. Ему были предъявлены уголовные обвинения по нескольким пунктам, связанным с периодом его президентства, а также с сопротивлением аресту. Он был приговорен к 11 годам тюремного заключения в июне 2020 г. [92].

Энгвалл также отмечает, что качество законодателей ухудшилось. Значительная часть членов парламента доказала свою полную неспособность обеспечить страну законодательными актами, подобающими национальному парламенту. Многие из обсуждавшихся и принятых законов касались популистских и краткосрочных вопросов. При этом широкому кругу насущных вопросов стратегического характера уделялось мало внимания.

Автор полагает, что тезис о том, что формально усиленный парламент послужит гарантией против президентского авторитаризма, – не оправдался. Он был укомплектован представителями бизнеса и теневыми экономическими интересами, независимая функция парламента превратилась в приложение к администрации президента, по сути, служащее для легитимации его решений. Эта ситуация имела сходство с ситуацией, характерной для последних лет пребывания Бакиева у власти. С 2010 г. парламент не принимал никаких важных законодательных актов, которые могли бы поддержать реформы в таких областях, как судебная система, борьба с коррупцией, государственное управление или экономическое развитие [93].

В октябре 2020 г. большинство партий в парламенте не смогли заручиться лояльностью своих членов. СДПК, доминирующая партия в парламенте, распалась после конфронтации между Жээнбековым и Атамбаевым.

Результаты выборов показали, что три из четырех партий, преодолевших 7%-ный барьер, были проправительственными, в результате чего одна треть избирателей осталась без представительства. В новый парламент в основном вошли сторонники президента, деятели теневого бизнеса и лица, предположительно связанные с преступными группировками [96].

На следующий день после выборов десятки тысяч людей собрались на акцию протesta в центре Бишкека с требованием

аннулировать результаты голосования и провести новые выборы. Мирная манифестация вскоре привлекла внимание правоохранительных органов. После этого ситуация обострилась и привела к жестокому столкновению между большой группой демонстрантов и полицией. Столкновения затянулись до поздней ночи, когда агрессивная толпа, наконец, одолела полицию и ворвалась в освобожденную штаб-квартиру президента и парламента. Несколько заключенных в тюрьму высокопоставленных фигур были освобождены своими сторонниками, в том числе и экс-президент Атамбаев, бывший премьер-министр Исаков и бывший депутат парламента Садыр Жапаров.

Столкнувшись с беспорядками, ЦИК отменила результаты парламентских выборов. В течение недели различные партии и группы выдвигали претензии на заполнение вакуума власти. В конце концов, Садыр Джапаров и его сторонники стали решающей силой, определившей исход дела. 15 октября Жээнбеков подал в отставку. Также был распущен новый состав парламента. Старому парламенту был продлен мандат до лета 2021 г. Был принят закон, откладывающий парламентские выборы и приостанавливающий действие нескольких статей Конституции до проведения конституционной реформы. После этого Джапаров подтолкнул законодателей к принятию закона о проведении референдума, предполагающего выбор между парламентской и президентской системами правления. Также были проведены досрочные президентские выборы. 10 января 2021 г. в ходе двойного голосования избиратели подавляющим большинством голосов избрали Джапарова новым президентом и поддержали его стремление вернуть страну к президентской форме правления.

11 апреля 2021 г. состоялся еще один референдум, в ходе которого новая президентская конституция была одобрена 85% избирателей. Новая Конституция Киргизии, вступившая в силу 5 мая, ввела беспрецедентную форму президентства с минимальными ограничениями исполнительной власти. При этом была сокращена численность парламентариев со 120 до 90 членов, а также урезаны их полномочия. Парламент больше не избирает премьер-министра для руководства правительством. Вместо этого был создан кабинет министров, возглавляемый назначенцем президента. Депутатская неприкосновенность была отменена [97].

В политике страны произошла решительная и постоянная смена поколений. Поколение, родившееся между окончанием Второй мировой войны и 1965 г., – ушло. Это было последнее

по-настоящему советское поколение, чьи взгляды и методы работы отражали менталитет советской системы. Они также определяли политический и экономический курс суверенной Киргизии. В целом, 45% новых членов парламента родились в 1970-х годах, 23% – в 1980-х и 18% – в 1960-х. Средний возраст новых депутатов парламента составляет 45,5 года.

Новые депутаты, как отмечает Энгвалл, имеют высшее образование, как того требует закон. Многие имеют два и более дипломов. Более трети из них имеют юридическое образование, четверть – экономисты и около 20% – инженеры. Биографический анализ показывает, что многие парламентарии получили второе высшее образование довольно поздно, часто одновременно работая в трудоемких профессиях на государственной службе или в качестве частных предпринимателей.

При этом автор ставит под сомнение высокую образованность депутатов, утверждая, что система высшего образования Киргизии коррумпирована, а покупка академических дипломов является стандартной практикой. Ни у кого нет опыта обучения за границей, и только один человек учился в Американском университете Центральной Азии (АУЦА).

В политическом плане новое поколение политиков придерживается национально-патриотических взглядов. Традиционные и националистически ориентированные ценности находят отклик среди большой группы граждан Киргизии, особенно в сельской местности, где люди давно отказались от старых светских советских ценностей и где либеральные, плуралистические влияния никогда не имели места. В этом идеологическом ландшафте старые советские идеи и ценности, а также либеральные политические идеи отступают. Таким образом, в то время как советский отпечаток на киргизскую политику и общество быстро исчезает, его заменяют не либеральные идеи под влиянием Запада, а возвращение к старым традициям.

Основные правила политической системы Киргизии неоднократно менялись с момента обретения независимости. Эти изменения повлияли на социальную структуру парламента и на его работу. Они также вынудили элиты адаптировать под них свои стратегии. Несколько нам известно, первоначальная Конституция 1993 г. была изменена и дополнена в 1994, 1996, 1998 и 2002 гг. В целом, большинство поправок были направлены на повышение полномочий президента по сравнению с правительством

и парламентом, что привело к искажению основного первоначального распределения полномочий по закону.

В 2003 г. на референдуме была одобрена новая Конституция, которая еще больше расширила полномочия президента за счет парламента. После нескольких лет разногласий между президентами и оппозицией по поводу конституционных реформ Бакиев в конце концов протолкнул в 2007 г. новую, еще более жесткую пропрезидентскую конституцию. Временное правительство, пришедшее к власти после смены руководства в 2010 г., быстро аннулировало конституцию Бакиева, разработало новую ее версию с более широкими парламентскими и урезанными президентскими полномочиями. Это смешанная президентско-парламентская форма была впоследствии утверждена на плебисците в июне 2010 г.

После референдума по поправкам в 2016 г. и решения избирателей Киргизии утвердить новую президентскую Конституцию в апреле 2021 г., конституция претерпела одиннадцать серьезных изменений с момента обретения независимости.

Анализ Конституции 2010 г. показывает, что конституционные реформы имели как преднамеренные, так и непреднамеренные последствия. Смысл конституции парламентского образца 2010 г. заключался в том, чтобы обеспечить «страховку» от президентского семейственно-кланового правления, которое доминировало в политических системах Киргизии при Акаеве и Бакиеве. Однако на практике это не защитило Киргизию от захвата / узурпации президентской власти.

Главная проблема заключалась в двусмысленности самой конституционной конструкции: она повышала статус премьер-министра, не уменьшая полностью полномочий президента. Конституция предписывала президенту широкие полномочия и функции в сфере внутренней и внешней политики государства. В сочетании с неформальным влиянием эти полномочия позволили сначала Атамбаеву, а затем Жээнбекову обеспечить доминирование президентской администрации в управлении делами страны [107].

Таким образом, как полагает Энгвалл, хотя многие наблюдатели, а также население в целом в Киргизии считали, что страна жила при парламентской форме правления, на самом деле это была смешанная система, с разделенной исполнительной властью, очень уязвимой для президентских «махинаций».

Конституция 2010 г. выровняла условия игры и облегчила доступ к парламенту и правительству путем формирования правя-

ших коалиций, вместе с тем она раздробила политическую власть. Эта форма «парламентаризма» еще больше ослабила управление.

На практике партии Киргизии часто являются «временными инструментами для обслуживания политических интересов», а не массовыми политическими организациями. Почти все партии имеют очень небольшую базу членов и являются персоналистическими в том смысле, что их привлекательность основывается на идентификации с лидерами, а не на абстрактных политических идеях. В этом контексте выборы представляют собой конкуренцию не между партиями за идеи и программы, а между личностями и их соответствующими финансовыми ресурсами. Как таковые, партии, как правило, фрагментируются по партикуляристским линиям, с отсутствием устойчивых связей с населением в целом. В Киргизии есть политические партии, но нет партийного разнообразия в строгом смысле этого слова [115]. Политические партии Киргизии основаны не столько на жестких идеологических платформах, сколько являются носителями определенных «систем ценностей».

По словам киргизского дипломата Муратбека Иманалиева, в течение первых полутора десятилетий своего рода посткоммунистическая система ценностей оставалась доминирующей призмой большинства партий Киргизии. Постсоветская политическая элита, конечно же, была сформирована советским коммунизмом, и после обретения независимости сохранились многие из основополагающих ценностей и политических взглядов старой системы, включая светский взгляд на политику. Партии, основанные на либеральных ценностях и более широком мировоззрении за пределами постсоветского пространства, представляли собой основную альтернативу посткоммунистическим ценностям. Эти партии в основном базировались в Бишкеке и представляли прогрессивных чиновников и деловые круги.

Однако в последнее десятилетие посткоммунистические и либеральные ценности все чаще заменяются культурно-националистической системой ценностей, которая стала пронизывать киргизскую политику, включая партии. В той или иной степени, все значимые политические партии включили эту идею сохранения и защиты традиций и ценностей киргизского народа от врагов внутри страны и за ее пределами. Эта ускоряющаяся тенденция соответствует аналогичным событиям почти во всем мире [117].

Выводы

Национальный парламент Киргизии, Жогорку Кенеш, уже три десятилетия является зеркалом киргизской политики и общества. Он был как источником больших надежд, так и отчаяния. Примером может служить конституционная реформа 2010 г. в Киргизии, предусматривающая введение парламентской формы правления. Встреченный со скептицизмом среди соседей, он был воспринят на Западе как логичный шаг на пути страны к демократическому прорыву. Однако после введения предположительно парламентской формы правления организация «Freedom House» вскоре определила Киргизию как консолидированный авторитарный режим из-за его отступления от политических прав и гражданских свобод.

В подтверждение провалившегося парламентского эксперимента народ избрал новым президентом Садыра Жапарова и решил вернуть страну к президентской форме правления в 2021 г. Чтобы понять провал парламентского эксперимента, стоит обобщить основные тенденции в парламентской практике за три десятилетия и семь различных парламентов, прошедших с тех пор, как Киргизия отметила свое 30-летие в качестве независимого государства.

Роль национального парламента в политике Киргизии менялась на протяжении последних трех десятилетий. В течение некоторых периодов она была в центре политической борьбы, обеспечивая некоторые сдержки и противовесы президентским амбициям. В этом отношении первоначальный «легендарный» парламент неожиданно поднял планку, быстро превратившись в главную арену политических дебатов в первые переходные годы.

Второй этап серьезного парламентского сопротивления пришелся на период с 2005 по 2007 г., когда парламент поверг Киргизию в неопределенность, одновременно сдерживая Бакиева от попыток узурпировать власть. Заключительный период наступил в первые годы после конституционной реформы 2010 г., направленной на создание сбалансированной политической системы с более сильным парламентом и ослабленным президентством. В начале 2010-х годов, казалось, также удалось отодвинуть власть от президента, поскольку политика Киргизии была сосредоточена на дебатах, проходящих в парламенте, в то время как президент Атамбаев казался несколько отстраненной фигурой в новой конфигурации власти. В промежутках между этими периодами и

после них парламент служил более гибким органом. Такая ситуация характерна для конца 1990-х и начала 2000-х годов, когда правление Акаева приняло авторитарный оборот, а независимая роль парламента ослабла. Тем не менее Акаеву так и не удалось по-настоящему создать парламент, который безоговорочно подтверждал бы его решения. Бакиеву, однако, удалось сделать это, пусть и на короткое время, в конце 2000-х годов. Парламент 2015 г. представляет собой аналогичное творение, в значительной степени спроектированное тогдашним президентом Атамбаевым и заполненное молчаливыми депутатами, которые осознавали риски открытой оппозиции.

Учитывая значительное сокращение полномочий парламента в новой Конституции, эксперт полагает, что парламенту, избранному осенью 2021 г., похоже, суждено играть сдержанную роль в ближайшие годы. Его полномочия в отношении политики существенно сокращаются, что делает его более вероятным в качестве платформы или дискуссионного клуба для обсуждения вопросов.

*Реферат поступил в редакцию 10.12.2022.
Принят к публикации 23.12.2022.*

Engvall J. //
Between bandits and bureaucrats:
30 years of parliamentary development in Kyrgyzstan.
(Abstract)

Keywords: Kyrgyzstan; parliament; government; president.

The author of the abstract:
Kanybek A. Kudayarov,
PhD (History), Research Associate,
Center for Interdisciplinary Research,
INION RAN,
e-mail: kana8306@mail.ru

Кудаяров К.А.*
КИРГИЗСКО-ТУРЕЦКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
В ВОЕННОЙ СФЕРЕ

DOI: 10.31249/rimm/2023.01.04

Для цитирования: Кудаяров К.А. Киргизско-турецкое сотрудничество в военной сфере. DOI: 10.31249/rimm/2023.01.04

Аннотация. Статья посвящена обзору развития киргизско-турецких отношений в военной сфере. Уделяется внимание характеру двустороннего сотрудничества, преимущественно представленного в виде материально-технической и образовательной помощи Турции Киргизской Республике.

Ключевые слова: киргизско-турецкие отношения; военное сотрудничество; материально-техническая помощь; вооружение; БПЛА.

Дипломатические отношения между Киргизской Республикой (КР) и Турцией были установлены 24 декабря 1991 г. Турецкая Республика одной из первых в мире признала независимость Киргизстана. С тех пор довольно активно развиваются политические, экономические, культурно-образовательные контакты между двумя странами.

Несмотря на периоды некоторой турбулентности в киргизско-турецких отношениях (2016–2017), двустороннее партнерство за прошедшие три десятилетия характеризуется как поступательное и выгодное для обоих государств. При этом турецкая сторона выступает не только как партнер, близкий по культуре и языку, но и как крупный донор Киргизии в образовательной сфере, а также в области военно-технического сотрудничества. Говоря о военной помощи, оказываемой со стороны Турции Киргизии, следует сказать, что, по крайней мере, с 2000-х годов ее ежегодный размер в среднем оценивался в 1 млн долл. США.

В отличие от образовательной сферы, на проекты в которой (университет «Манас», школы «Маариф» и др.) Анкара ежегодно выделяет десятки миллионов долларов США, военная помощь вы-

* Кудаяров Каныбек Акматбекович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН, e-mail: kana8306@mail.ru

глядит не столь значительной. Тем не менее сотрудничество в военной сфере также составляет один из важных аспектов двустороннего сотрудничества, которое продолжает развиваться и сегодня.

Основополагающими документами, определяющими сотрудничество между Бишкеком и Анкарой, являются: договор «О вечной дружбе и сотрудничестве между Киргизской Республикой и Турецкой Республикой» (1998)¹, Совместное заявление «Киргизия – Турция: вместе в XXI век» (1999) и Совместное заявление «О создании Совета стратегического сотрудничества высокого уровня между Турецкой Республикой и Киргизской Республикой» (2011). На данный момент в общей сложности подписано более 120 соглашений, договоров и протоколов^{2, 3}.

Киргизско-турецкое сотрудничество в военной сфере началось в 1993 г. с подписания договора о военном образовании⁴, а в последующие годы – международных нормативно-правовых актов, предполагающих регулярную материально-техническую помощь⁵, обучение сотрудников⁶ Вооруженных сил Киргизии, а также

¹ Закон Кыргызской Республики «О ратификации Договора о вечной дружбе и сотрудничестве между Кыргызской Республикой и Турецкой Республикой» / Сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/tu-ru/149> (дата обращения: 18.12.2021).

² *Yüce M. Orta Asya Türk Cumhuriyetleri ve Türkiye ile ilişkiler* [Тюркоязычные тюркоязычные республики Центральной Азии и их отношения с Турцией] / SETA (siyaset, ekonomi ve toplum arastirmalari vakfi). Ankara, 2022. – S. 36.

³ Карымшаков К., Богатырев В., Тұрдубаева Э. Роль и восприятие Турции в Кыргызстане / Бишкек: Фонд Ф. Эберта, 2012. – С. 34.

⁴ Договор о сотрудничестве по военному образованию между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Турецкой Республики / Сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/tu-ru/902107> (дата обращения: 18.12.2022).

⁵ Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Турецкой Республики о безвозмездной военной помощи (2006); Протокол между Министерством обороны Кыргызской Республики и Генеральным штабом Турецкой Республики о предоставлении материально-технической помощи для Вооруженных Сил Кыргызской Республики (2006); Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Турецкой Республики о безвозмездной военной помощи (2007) и др.

⁶ Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Турецкой Республики об образовании и сотрудничестве в области военной медицины (2014) и т.д.

сотрудничество в других областях, касающихся военного дела¹. В целом, взаимоотношения в военной сфере включают военную подготовку, совместные учения, поставку военной техники и материалов, а также некоторых военно-транспортных средств и вооружений из Турции в Киргизию.

Активизация двусторонних отношений пролеживает только с 2000-х годов. Определенную роль в выстраивании более эффективного и динамичного сотрудничества сыграли «баткенские события» (1999–2001), когда большая группа террористов Исламского движения Узбекистана (ИДУ) вторглась на киргизскую территорию, не встречая серьезного противодействия со стороны военных формирований республики. Именно тогда обнаружилась вся слабость киргизской армии перед лицом внешней агрессии. После того, как террористы ИДУ были выдвинуты из Киргизии (благодаря военной помощи России, Узбекистана и Турции), местные власти решили всерьез заняться реформированием вооруженных сил республики.

Поскольку Киргизия испытывала острую нехватку бюджетных средств на поддержку своих вооруженных сил, республика практически никогда не отказывалась от любого вида военной помощи, предлагаемой государству со стороны региональных и глобальных акторов (России, США, КНР, Турции и др.).

Большую роль в развитии киргизско-турецкого военного сотрудничества сыграли также события 11 сентября 2001 г. в США, вслед за которыми началась общемировая борьба с терроризмом. С этого периода значительно увеличивается количество тренингов и учений, проводимых как на двусторонней основе, так и в рамках программ НАТО. За два десятилетия безвозвездной материально-технической помощи, оказываемой Киргизии со стороны Турции, в перечень передаваемого имущества вошли автотранспортные средства, большегрузные рефрижераторы, ручные неподвижные автомобильные центральные радио, коммутаторы, генераторы и аккумуляторы, силовые установки, громкоговорители, цифровые ретрансляторы, приборы ночного видения, лазерные прицелы, ручные бинокли, сигнальные пистолеты, металлоискатели, посуда, походные кухни, двухъярусные кровати и обувь.

Начиная с 2005 г. начинает развиваться сотрудничество в совершенно новом направлении, ранее не существовавшем в дву-

¹ Протокол между Министерством обороны Кыргызской Республики и Генеральным штабом Турецкой Республики о сотрудничестве в области военной истории, военных архивов, музеев и изданий (2003) и т.д.

сторонних контактах, – военной медицине. Турецкая сторона стала оказывать посильную помощь в подготовке медицинских специалистов, приобретении медицинского и технического оборудования, медикаментов. Регулярно выделяются средства со стороны турецкого правительства на поддержку военной медицины, закупку имущества для Министерства обороны и Национальной гвардии Киргизии¹.

Односторонняя военная материально-техническая помощь в последние годы начинает чередоваться с закупками киргизскими властями турецкой продукции военного назначения. Такие изменения связаны с напряженностью на киргизско-таджикской границе, где уже не первый год происходят вооруженные столкновения между представителями силовых ведомств двух стран. В частности, в 2021 г. республика приобрела несколько БПЛА Bayraktar TB2², которые были размещены в аэропорту Джалаал-Абада³. Позже были закуплены БПЛА Bayraktar Akinci и Aksungur⁴. С целью эксплуатации беспилотных летательных аппаратов в Киргизии была открыта база беспилотников. Помимо БПЛА, Киргизская Республика закупила у Турции 40 бронированных автомобилей и иную технику для охраны государственной границы с Таджикистаном и отражения возможной агрессии с таджикской стороны, неоднократно имевшей место в 2021 и 2022 гг. Военный бюджет Киргизии пополняется статьями, касающимися закупки вооружений, чего в предыдущие годы в республике не наблюдалось.

Спустя три десятилетия сотрудничества, киргизская и турецкая стороны выразили желание дальнейшего расширения и

¹ Ким А., Груздов Ю. Турецкий друг лучше новых двух // Сайт общественно-политической газеты «МСН». – URL: <http://www.msn.kg/ru/news/11011/> (дата обращения: 15.12.2022).

² Türkiyenin Türk devletleri teskilatı üyelerine ikili ilişkiler [Двусторонние отношения с членами Организации тюркских государств] // SETA (siyaset, ekonomi ve toplum arastirmalari vakfi. Ankara, 2022. – S. 18.

³ Kirgizistan'da Bayraktar TB2 SİHA Üssü Açıldı [В Кыргызстане открылась база беспилотников Байрактар TB2] / SavunmaSanayiST.com. – URL: <https://www.savunmasanayist.com/kirgizistanda-bayraktar-tb2-siha-ussu-acildi/>; Düz S. Türkiyenin SİHA endüstrisi üzerine tartışmalar [Обсуждения отрасли производства БПЛА в Турции] / SETA (siyaset, ekonomi ve toplum arastirmalari vakfi. Ankara, 2022. – S. 30.

⁴ Gonka вооружений. Кыргызстан станет третьей страной в Центральной Азии, разработавшей собственный беспилотник, – The Diplomat // Сайт интернет-портала «For.kg». – URL: <https://www.for.kg/news-790278-ru.html> (дата обращения: 22.12.2022).

углубления двусторонних контактов в области военного образования, оборонной промышленности и безопасности путем создания необходимой правовой основы и содействия развитию общего понимания военной подготовки и безопасности между соответствующими учреждениями двух стран¹. Возможно, двусторонние отношения выйдут на новый этап сотрудничества в военной сфере.

Одним из примеров реализации выше обозначенного взаимодействия в текущем десятилетии является участие Вооруженных сил Киргизии в международных военных учениях в Турции «Эфес-2022», в которых были задействованы военнослужащие из 37 государств. Воинский контингент Киргизской Республики в течение 45 дней отрабатывал учебные вопросы с помощью компьютерного моделирования и практически осуществил мероприятия в составе многонациональной группировки войск².

Проведение совместных учений не является чем-то новым в двусторонних киргизско-турецких отношениях. Учения с участием вооруженных сил двух и более государств проводились периодически, в том числе и по линии НАТО, поскольку Турция курирует взаимоотношения данной организации с Киргизской Республикой. Этому в значительной степени способствуют и некоторые турецкие военные круги, имеющие тесные связи со своими коллегами из Центральной Азии³. Примечательным является также то, что военный представитель Киргизии в Турции работает в штабе НАТО в г. Измир⁴.

Что касается взаимодействия Министерства обороны Киргизии с НАТО, то, как и в случае с многими государствами постсоветского пространства, оно развивается в рамках програм-

¹ Чотаев З. Внешняя политика Кыргызстана: общий взгляд на отношения с Турцией / Общее видение «турецкого вектора» внешней политики Кыргызстана. Бишкек: Кыргызско-Турецкий университет «Манас», 2021. – С. 58.

² Военные КР впервые приняли участие в учениях в Турции. Как это было (фото) / Сайт ОФ «ПроМедиа Плюс». URL: https://kaktus.media/doc/461587_voennyye_kr_vpervyye_priniali_ychastie_v_ycheniiyah_v_tyrcii._kak_eto_bylo_foto.html (дата обращения: 25.12.2022).

³ Peyrouse S. The Central Asian Armies Facing the Challenge of Formation [Центральноазиатские армии, стоящие перед проблемой формирования] / “Security and Defense Reform in Central Asia”. URL: <https://journals.openedition.org/pipss/3799#ftn75> (дата обращения: 25.12.2022).

⁴ Джумашева А. В 2016 году Турция вдвое увеличит квоты на обучение военных из Кыргызстана // Сайт газеты «Вечерний Бишкек». URL: http://www.vb.kg/doc/302479_v_2016_gody_tyrcii_a_ydvoe_yvelichit_kvoty_na_obychenie_voennyyh_iz_kyrgyzstana.html (дата обращения: 25.12.2022).

мы «Партнерство во имя мира» (с 1994 г.). Данное сотрудничество выражается в виде проведения совместных военных учений, различных конференций и семинаров.

За истекший период более тысячи военнослужащих Министерства обороны Киргизии приняли участие в мероприятиях в рамках указанной программы, которая включает в себя обучение по таким темам, как миротворчество, языковая подготовка, борьба с терроризмом и наркотрафиком, право вооруженных конфликтов и многое другое¹.

С 2000 г. Турция ежегодно в рамках программы «Партнерство во имя мира» проводит 12-недельные курсы вместе со специальными подразделениями Вооруженных сил Киргизии. В 2007 г. Киргизская Республика присоединилась к программе «Процесс планирования и анализа» (ПАРП), нацеленной на расширение дальнейшего сотрудничества с НАТО. Предпринимаются соответствующие меры по приведению киргизских вооруженных сил в соответствие с международными стандартами. Программой также предусмотрено привлечение к участию отдельных подразделений силовых структур Киргизской Республики в миротворческих операциях. Выделяются средства на участие военнослужащих Минобороны КР на курсах в рамках программы «Партнерство во имя мира» и Центре совершенствования методов борьбы с терроризмом, а также на затраты по участию в других мероприятиях НАТО «Партнерство во имя мира».

Ежегодно около 100 курсантов из КР получают образование и военную подготовку в таких военных учебных заведениях Турецкой Республики, как Высшая военная академия, Военно-медицинская академия «Гюльхане», Высшее общевойсковое военное училище, Высшая школа жандармерии и Военные лицеи².

Если сравнивать с возможностями получения военного образования, предоставляемыми Киргизией государствами постсоветского пространства, то наибольшее количество вузов предлагает Россия – 15. Среди других стран СНГ – Казахстан, готовый предоставить 2 вуза, Азербайджан – 1³).

¹ Сотрудничество с НАТО // Сайт Министерства обороны КР. – URL: <http://mil.kg/ru/military-cooperation/nato-cooperation.html> (дата обращения: 15.12.2022).

² Карымшиаков К., Богатырев В., Турдубаева Э. Роль и восприятие Турции в Кыргызстане. Бишкек: Фонд Ф. Эберта, 2012. – С. 30.

³ Отдел информационного обеспечения Министерства обороны КР. Офицерские горизонты // Сайт Министерства обороны Кыргызской Республики. –

Помимо подготовки армейских частей, Турция также обучает киргизскую милицию методам борьбы с преступностью и ведения военных действий с учетом опыта турецкой жандармерии.

Также периодически организуются 7-недельные курсы для обучения военнослужащих внутренних войск МВД и Пограничной службы Киргизии. Ежегодно проводится обучение по горной, специальной и снайперской подготовке. Таким образом, киргизские милиция и армия имеют значительные возможности по усвоению и применению турецкого вооружения и навыков ведения боя.

Развитие двусторонних контактов в военной сфере в первые годы независимости Киргизии не отличалось большой активностью. Однако на рубеже XX–XXI вв. ситуация начинает меняться в сторону усиления и углубления сотрудничества, что было вызвано «баткенскими событиями» в Киргизии, показавшими всю несостоятельность обороноспособности государства и требовавшими принятия незамедлительных мер по реформированию вооруженных сил республики.

Другим не менее значимым событием, совпавшим по времени с первым, были террористические акты 11 сентября 2001 г. в США и объявленная вслед за ним по всему миру война с терроризмом, которая активизировала военное сотрудничество с Турцией как на двусторонней основе, так и по линии НАТО.

Динамика киргизско-турецких отношений в военной сфере в последние годы претерпевает некоторые изменения. Во-первых, необходимость укрепления Киргизии обороноспособности своих южных рубежей, вызванная неоднократной военной агрессией со стороны Таджикистана, привела к покупке турецкой военной техники, в том числе и БПЛА. Таким образом, традиционная безвозмездная помощь Турции Киргизии стала сочетаться с военными коммерческими сделками, что однозначно способствует укреплению сотрудничества. Во-вторых, несмотря на намеченные в начале текущего десятилетия планы по углублению военного сотрудничества между двумя государствами, они пока не получили должного развития. Тем не менее к реализации данных намерений, возможно, стоит отнести прошедшие на турецкой территории военные учения «Эфес-22» с участием стран НАТО и других государств, в которых активное участие принимали также киргизские военные.

URL: <http://mil.kg/ru/ministry/news/532-oficerskiegorizonty.pdf> (дата обращения: 17.12.2022).

На данный момент преждевременно говорить о развитии нового этапа военного сотрудничества между Турцией и Киргизией, объявленного в 2020 г. в г. Анкара. Как будут развиваться двусторонние контакты – покажет время.

*Статья поступила в редакцию 26.12.2022.
Принята к публикации 16.01.2023.*

Kudayarov K.A.

Kyrgyz-Turkish cooperation in the military sphere

Kanybek A. Kudayarov,

PhD (History), Research Associate,
Center for Interdisciplinary Research,
INION RAN,
e-mail: kana8306@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the review of the development of Kyrgyz-Turkish relations in the military sphere. Attention is paid to the nature of bilateral cooperation, mainly represented in the form of logistical and educational assistance from Turkey to the Kyrgyz Republic.

Keywords: Kyrgyz-Turkish relations; military cooperation; material and technical assistance; weapons; UAVs.

Сченсович В.Н.*

МИГРАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.

(Аналитический обзор)

DOI: 10.31249/rimm/2023.01.05

Для цитирования: Сченсович В.Н. Миграционные особенности стран Центральной Азии. (Аналитический обзор). DOI: 10.31249/rimm/2023.01.05

* Сченсович В.Н., научный сотрудник, отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН, e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

***Аннотация.** В обзоре проанализированы отличительные особенности, присущие миграционным процессам государств Центральной Азии. Миграционные обмены с Таджикистаном оказывают влияние на корректировку этнического состава населения российских регионов. В Казахстане, который имеет развитую образовательную миграцию и высокопрофессиональные трудовые ресурсы, происходят трансформационные перемещения в другие страны. В Киргизии миграционный обмен населением с соседними странами уменьшился, но он усилился с рядом стран вне СНГ. На нынешнем этапе избыток трудовых ресурсов в Узбекистане требует регулирования внешней трудовой миграции.*

Ключевые слова: Россия; Таджикистан; Казахстан; Киргизия; Узбекистан; Туркменистан; межэтнические отношения; внешняя трудовая миграция; иностранная рабочая сила; уровень образования; квалификация; заработки; регулирование миграции; адаптация и интеграция мигрантов; отношение местного населения к мигрантам; постоянное и временное трудоустройство; легальная и нелегальная миграция; миграция в период пандемии COVID-19.

Введение

В разных регионах постсоветского пространства динамика миграционных процессов, соотношение внутрироссийских и международных перемещений имеют отличительные особенности. Миграционные обмены с Таджикистаном оказывают влияние на корректировку этнического состава населения регионов РФ. Многие выходцы из Таджикистана (ок. 446 тыс.) приняли российское гражданство. В Казахстане произошла активизация миграции, в том числе выбытие населения из республики в другие страны. В Киргизии миграционный обмен населением с соседними странами уменьшился, но он усилился с рядом стран вне СНГ. Для трудовых мигрантов из Киргизии наиболее привлекательными являются Россия, Казахстан, Турция, страны ЕС, Южная Корея. Основная цель правительства Узбекистана сегодня – создание условий, обеспечивающих управляемые и регулируемые потоки миграции.

Авторы опираются на социологические исследования, которые позволяют дать достоверную картину нынешней ситуации в сфере миграции, приводят суждения экспертов.

Миграция из Таджикистана в регионы азиатской части РФ

Кандидат исторических наук, доцент Челябинского гос. ун-та А.А. Авдашкин [1] рассматривает миграцию из Таджикистана в регионы азиатской части России на примере Челябинской, Свердловской, Омской, Новосибирской областей и Красноярского края. Для Уральского и Сибирского регионов все более ощутимой сегодня становится миграция из Таджикистана. Темпы создания новых рабочих мест в республике существенно ниже темпов естественного прироста населения. В этих социально-экономических условиях заработка в России являются одним из выходов для домохозяйств.

Миграционные обмены с Таджикистаном оказывают влияние на корректировку этнического состава населения российских регионов. В 1992–2013 гг. около 300 тыс. выходцев из Таджикистана приняли российское гражданство. В 2016–2020 гг. российский паспорт получили 146 тыс. таджикистанцев. Перед началом пандемии COVID-19 Таджикистан являлся одним из основных поставщиков иностранной рабочей силы в Россию. К регионам с наибольшей концентрацией выходцев из Таджикистана принадлежат Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань, Новосибирск.

Данные переписей населения 1989–2010 гг. демонстрируют динамику прироста числа таджиков в структуре населения регионов РФ. В Челябинской области их численность возросла примерно в 8 раз, в Свердловской области – в 7 раз. В Новосибирской области этот показатель вырос в 14 раз. Увеличение масштабов миграций из Таджикистана в постсоветский период привело к появлению таджикских общественных объединений. Они ориентированы на оказание правовой помощи мигрантам, реализацию принципов государственной национальной политики. В Екатеринбурге функционирует «Таджикская диаспора Дидор», культурный центр «Сомониен» – в Челябинске и «Авиценна» – в Новосибирске.

Отношение к иноэтничным мигрантам характеризуется как негативно-безразличное. Для уральских и сибирских регионов, переживающих миграционную и естественную убыль, возможным источником роста этнофобий служит также тренд на сокращение численности «славянского» населения. Кроме того, приезжие из Средней Азии не защищены от дискриминации, проживают изолированно, составляя группу мигрантов, наименее интегрированных в общество. Результаты социологических опросов показывают

ют, что в большинстве рассматриваемых регионов именно на выходцах из Таджикистана фокусируется отрицательное отношение. Помимо рисков, порождаемых собственно ростом ксенофобии, общественность тревожат места компактного расселения мигрантов. В общественно-политическом дискурсе, публикациях СМИ нередко можно встретить описания таких локаций, ситуаций, связанных с конфликтами «местные» / «приезжие» или «приезжие» / «приезжие». Как правило, это строения, расположенные поблизости от крупных рынков, и рабочие общежития.

Сокращение численности населения, особенно в азиатской части страны, заключает автор, ставит вопрос об источниках восполнения дефицита рабочей силы. Компенсировать нарастающую убыль возможно за счет миграции. Среднеазиатское направление на ближайшие годы является одним из приоритетных, несмотря на сокращение миграционного притока. Миграция из Таджикистана внесла заметные изменения в этнический состав населения и повседневную жизнь большинства регионов Урала и Сибири. Своевременное предупреждение рисковых сценариев, по мысли исследователя, требует ряда мер: системная интеграция детей мигрантов в образовательное пространство и российское общество; мониторинг межэтнических отношений в регионах; выявление потенциальных очагов напряженности; создание условий для взаимодействия различных групп мигрантского и не мигрантского населения.

Доктор политических наук, профессор З.А. Дадабаева, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН [2] исследует проблемы демографии и трудовых ресурсов Таджикистана. Стремительный рост населения привел к ситуации, когда РТ становится наиболее демографически активной, но и одновременно одной из бедных стран мира. Рост экономики на 7% ВВП позволял увеличивать количество рабочих мест только на 1,1%. Новых рабочих мест с достойной оплатой не хватало, особенно для молодежи. Почти 2 млн человек трудоспособного возраста не имеют работы, 21,4% из них – молодежь. По оценкам международных организаций, за чертой бедности во второй половине 1990-х годов оказалось более 83,5% населения Таджикистана. Рост бедности, потеря работы становятся катализаторами внешней трудовой миграции. Трудовая миграция связана, с одной стороны, с высоким естественным приростом населения и ростом числа лиц в трудоспособном возрасте. Численность населения в 2020 г. составила 9,6 млн человек. Из них больше половины – в трудоспособном возрасте, от 15 до 65 лет (59,8%). Главные внешние доходы страны

с начала 2000-х годов связаны с трудовыми миграциями, и как раз в этот период начинает формироваться миграционная модель отношений России и Таджикистана. Значительная часть трудоспособного населения получает доход, работая вне страны. В этом контексте демографический рост является неразрывной частью экономического роста. С другой стороны, трудовая миграция связана с деиндустриализацией и деурбанизацией, произошедшими в 1990-е годы. Миграционные процессы в Таджикистане начались сразу после завершения гражданской войны и сейчас имеют довольно широкую географию: Казахстан, Китай, ОАЭ, Афганистан, США, Южная Корея, но подавляющая их часть приходится на Россию.

Внешняя миграция населения Казахстана

Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики Комитета науки Минобрнауки РК З.К. Чуланова [5] отмечает, что современный миграционный процесс в Казахстане имеет свою специфику. В течение длительного времени внешняя миграция населения республики, как правило, ограничивалась эпизодическими поездками. С приобретением Казахстаном независимости произошла активизация миграции населения в другие страны.

В истории Казахстана исследователь выделяет несколько крупных миграционных волн, каждая из которых связана чаще всего с экономическими спадами. Общим сокращением численности населения отмечены 1990-е годы, что было вызвано естественными причинами и большой эмиграцией (более 2,2 млн человек). Проводимая политика «открытости» страны активизировала процессы перемещения из Казахстана в другие страны, что привело к потере трудового потенциала. За период 1996–2000 гг. большое число эмигрировавших пришлось на РФ и Германию, а также Узбекистан, Украину, Белоруссию, Киргизию и Израиль. С 1991 по 2001 г. отрицательное сальдо миграции не только полностью поглотило естественный прирост населения, но и превысило его более чем в 2 раза. Однако последующий экономический подъем в Казахстане и связанное с этим расширение возможностей рынка труда способствовали сокращению темпов отъезда населения из республики. Мировой кризис 2008–2009 гг. внес коррективы в интенсивность миграционных потоков. В течение этих лет чистая иммиграция добавила почти 30 тыс. человек к населению Казах-

стана. Однако с 2012 г. наблюдается повторное увеличение темпов чистой эмиграции из-за сокращения иммиграции и увеличения эмиграции из страны. Новый подъем миграционного оттока начался с 2014 г., отмеченного девальвацией национальной валюты. Данные Бюро по статистике Казахстана показывают рост количества эмигрантов с 2014 г. на 8–16% ежегодно. Если в 2015 г. из страны выехали 30 тыс. граждан, то по итогам 2019 г. этот показатель вырос на 30% и составил 45,2 тыс. человек. Это самая высокая цифра за последние десять лет.

Казахстан тесно связан с другими постсоветскими странами, на которые приходится почти 80% всей иммиграции и более 90% эмиграции. В 2019 г. 34,4% всех иммигрантов в Казахстан прибыли из Узбекистана, за которым следует Россия (30,6%), 10,7% приехали из Китая. Согласно данным официальной статистики за 2015–2020 гг., большая часть казахстанских эмигрантов уезжала в страны СНГ, при этом 88% переехали в Россию. РФ становится новой родиной для казахстанцев славянских национальностей из северных и восточных регионов страны. Доля в 1% занимает Узбекистан, куда уезжают казахстанцы из южных регионов республики (Туркестанская, Жамбылская области, Алматы, Шымкент). Среди стран дальнего зарубежья большая часть приходится на Германию.

Основываясь на данных Бюро национальной статистики, автор составил портрет среднестатистического эмигранта, переезжающего из Казахстана. Так, из 45,2 тыс. покинувших Казахстан в 2019 г. 72% – русские, 7% – немцы, 6% – украинцы, 4,8% – казахи. В подавляющем большинстве эмигранты – это городские жители (84%) в возрасте от 16 до 62 лет (70%). Статистика отражает невысокую долю казахов в общем объеме эмиграции, но имеющую тенденцию к росту. Уезжают представители титульной нации в Россию, Узбекистан (8%), Германию (6%), США (5%) и другие страны.

Ранжирование по уровню образования показывает, что из Казахстана мигрируют преимущественно люди с высшим или средним профессиональным (специальным) образованием, а приезжают в основном с общим средним уровнем образования. Наибольшую долю казахстанцев с высшим образованием, уехавших из страны в 2019 г., составляют специалисты технических профессий, а также граждане с экономическим и педагогическим образованием. Немало среди эмигрантов юристов, медработников, архитекторов, строителей. Для Республики Казахстан, подчеркивает автор, актуальной является утечка высококвалифицированных кадров. Изме-

нить ситуацию с эмиграцией высококвалифицированных специалистов могут: политическая и экономическая стабильность, накопление ресурсов для инвестиций в науку и инновационную деятельность.

Статистические данные за 2010–2020 гг. позволяют сделать вывод: сальдо миграции Казахстана имеет отрицательные значения уже более 10 лет. В целом, за этот период из страны безвозвратно выехали свыше 366 тыс. человек. Большинство из них – квалифицированные, образованные, с богатым человеческим капиталом. По этническому признаку наибольший удельный вес среди уехавших имеют русские (70%); 7% – украинцы, 4,5% – казахи. Большая часть эмигрантов – жители городов. 86% всех перееезжающих выбирают для нового места жительства Россию.

Почти 14,2 тыс. казахстанцев покинули страну за I полугодие 2021 г., что на 29,3% больше, чем в аналогичном периоде 2020 г. По национальностям из Казахстана за I полугодие выехали: 9553 русских, 1353 немца, 1061 украинец, 698 казахов, 438 татар, 206 белорусов, 177 поляков, 96 корейцев, 77 азербайджанцев, 72 узбека и др. При этом в страну переехали 1619 казахов, 1240 русских, 257 узбеков, 200 азербайджанцев, 150 каракалпаков, 141 украинец, 122 киргиза, 103 таджики, 101 турок, 94 немца, 86 татар, 79 корейцев, 78 афганцев.

Пандемия изменила динамику миграционных процессов в Казахстане: впервые за последние семь лет отмечено сокращение количества выезжающих. Эксперты убеждены, что пандемия коронавируса могла стать причиной отложенной миграции. Люди просто не смогли это сделать из-за закрытых границ. Учитывая текущую экономическую ситуацию и негативные прогнозы, эксперты ожидают дальнейшего продолжения преобладания эмиграции из страны. Специалисты Международной организации по миграции (IOM) в Казахстане и Центральной Азии считают, что основным фактором, влияющим на принятие решения о миграции, является экономический аспект. Согласно данным Фонда социальных и политических исследований «Стратегия», у трудящихся приоритеты с высокой зарплаты сменились на стабильность и перспективы роста. Эксперты отметили тенденцию, что уезжают не из-за маленькой зарплаты, а из-за невозможности найти достойное место на рынке труда. Люди с квалификацией заинтересованы в применении своих знаний и опыта, речь в основном идет о технических и редких специальностях.

Значимым трендом в вопросах межнационального перемещения молодежи является образовательная миграция. В 2019–

2020 гг. в вузах России учились 63 тыс. казахстанцев. С учетом же того, что в Казахстане всего 605 тыс. учащихся в университетах, каждый десятый казахстанский студент получает высшее образование за границей. Потенциал невозвратной миграции молодых людей, выехавших из стран региона на работу или учебу, оценивается в 30–35% с тенденцией к росту. То есть около 20 тыс. студентов, обучающихся за рубежом, в дальнейшем могут остаться за границей. На тенденции образовательной миграции оказывают определенное влияние этнические различия. Так, в славянских семьях Казахстана, отправляющих своих детей учиться в зарубежные вузы, часто ориентируются на то, чтобы выпускники, получив образование, нашли там работу, подали документы на гражданство. Родители студентов-казахов убеждены, что за границей более качественное образование, но молодых людей часто настраивают, что они должны вернуться и работать на родине.

Автор делает выводы: миграция обусловлена целым комплексом взаимосвязанных факторов социально-экономического и политического характера. В настоящее время в миграции населения определяющую роль играют социально-экономические факторы, прежде всего: низкий уровень промышленного производства в республике; изменения в структуре экономики, превалирование сферы торговли и услуг как следствие невостребованности квалифицированных кадров; высокий уровень безработицы – как явной, так и скрытой; рост молодежной безработицы, уровень которой складывается выше, чем среди всего трудоспособного населения; несоответствие профессиональной и квалификационной подготовки выпускников учебных заведений требованиям рынка труда, переизбыток гуманитарных специальностей; – отставание в уровне и качестве жизни от экономически развитых регионов РФ. Все это предопределяет объективную необходимость совершенствования механизмов регулирования миграционных потоков. Государственная миграционная политика должна быть ориентирована на цели социально-экономического развития страны в соответствии с демографической потребностью и спросом на рынке труда.

Внешняя миграция в Киргизии

Доктор исторических наук, и. о. профессора Киргизского государственного университета им. И. Арабаева (КР, г. Бишкек) А.Р. Джоошибекова [3] отмечает, что переориентация направлений внешней миграции в Киргизии началась в 1970-е годы, и в начале

1990-х годов произошла интенсификация давно наметившейся тенденции. Миграционные обмены населением с соседними странами уменьшились, но усилились со странами вне СНГ. Для трудовых мигрантов из Киргизии наиболее привлекательными являются Россия, Казахстан, Турция, страны ЕС, Южная Корея. Причем внешняя миграция сводится к поиску более предпочтительных условий, призванных повысить уровень и качество жизни выбывающих. Абсолютное большинство (89%) из выехавших в Россию эмигрантов составили киргизы, узбеки и русские; более половины выехавших в Казахстан – киргизы. Из числа выехавших в Узбекистан более двух третей – узбеки.

Тенденция, наблюдаемая с середины 2000 г. и характеризующаяся как увеличением интенсивности миграционного оттока населения, так и трансформацией мотивов территориального перемещения, является следствием ухудшения общего социально-экономического положения в Киргизии. Прежде всего, это несбалансированность национального рынка труда, находящая выражение в нехватке рабочих мест, соответствующих уровню и качеству подготовки рабочей силы; низкий прожиточный минимум занятого населения; недостаточный уровень социального обеспечения.

За последние годы в распределении эмигрантов по уровню образования отмечается увеличение удельного веса лиц с высшим и среднеспециальным образованием. Увеличение оттока из республики квалифицированных кадров подтверждает распространение неблагополучных в целом для общества тенденций, следствием которых может стать дефицит профессиональной рабочей силы. Анализ статистических данных 2009 г. свидетельствует о том, что из-за ограниченности сфер приложения труда, форм и видов профессиональной занятости граждан республики проблемы стабилизации потоков внешней трудовой миграции населения Киргизии продолжают оставаться актуальными.

Необходимо, по мысли автора, учитывать две разнонаправленные тенденции, которые определяют миграционные потоки в Россию и оказывают воздействие на ее рынок труда. С одной стороны, наблюдается долгосрочный демографический кризис, притягивающий в Россию иностранных рабочих; с другой – на миграцию влияет экономический кризис, выталкивающий трудящихся – мигрантов из России. При этом экономический кризис – временное явление, а демографические проблемы имеют долгосрочный тренд. В связи с этим автор прогнозирует, что сокращение количества трудоспособных россиян будет и в будущем притягивать ино-

странных рабочих из других стран: рынок труда освобождается, имеется дефицит рабочих рук. Именно поэтому в Россию приезжают рабочие из Центральной Азии, в том числе из Киргизии, с которой у России действует безвизовый режим.

Внешняя трудовая миграция в Узбекистане

Кандидат экономических наук Ш.Н. Исакулов [4] (Академия государственного управления при Президенте Республики Узбекистан, г. Ташкент) обращает внимание на необходимость эффективного регулирования внешней трудовой миграции в Узбекистане.

Демографические тенденции – за последние 50 лет население страны увеличилось в 2,86 раза и составило 35 млн человек. Большая доля молодежи (до 60% в структуре населения) и ежегодно высокий прирост трудовых ресурсов (500–600 тыс. человек) создают нагрузку на внутренний рынок труда. В связи с этим наблюдается существенный поток трудовых мигрантов в зарубежные страны, в котором ведущее место занимает Россия.

В условиях независимого развития Узбекистан столкнулся с новыми видами миграций, ранее не свойственными республике, такими как вынужденная миграция, потоки беженцев в страну, незаконная миграция. Учёт, регулирование, управление и минимизация стихийных форм миграционных процессов, снижение негативных факторов миграции являются важными задачами государства, требующими выработки эффективной государственной политики. В 1991–1997 гг. процессы миграции приобрели стихийный, нерегулируемый характер. Изучение миграционных процессов не имело системного характера и с трудом поддавалось прогнозированию. В последние годы Президентом Республики Узбекистан Ш. Мирзиёевым пересмотрена работа в области управления миграцией, созданы условия легализации потоков трудоустройства граждан за рубежом, направленные на решение назревших проблем в сфере трудовой миграции и безопасного выезда в зарубежные страны.

В целом Узбекистан является одной из наиболее обеспеченных трудовыми ресурсами страной среди государств мира. На его долю приходится более 40% трудовых ресурсов Центральной Азии, что определяет значимость трудового потенциала в регионе. В последние годы на рынок труда Узбекистана выходит около 500 тыс. человек в год. Эту возможность, считает исследователь, необходимо эффективно использовать в национальных интересах, в первую очередь на внутреннем рынке труда, а избыточные ре-

сурсы оптимально размещать на зарубежных высокопродуктивных рынках, направлять в процессе временной внешней трудовой миграции в индустриально развитые страны мира.

Анализ статистических данных по Узбекистану свидетельствует: в 1991–2005 гг. наблюдалось отрицательное сальдо – 75 тыс. человек в год. В последующий период в связи с проводимыми в стране реформами, улучшением социально-экономической ситуации, ускоренным созданием новых рабочих мест и снижением стимулов к эмиграции, ситуация в Узбекистане с постоянной эмиграцией стабилизовалась. Положительные тенденции в макроэкономическом развитии республики, подтверждаемые оценками международных организаций, а также целенаправленная работа по трудоустройству населения, повышение его доходов, по мысли исследователя, могут в будущем снизить масштабы трудовой миграции из страны.

Россия является основной страной притяжения для трудовых мигрантов из Узбекистана: тенденция ежегодного прироста шла до периода пандемии COVID-19. Пандемия привела к существенному снижению миграционных потоков в мире. В итоге многие трудовые мигранты приняли решение о возвращении в свои страны, в том числе и в Узбекистан. Проведенное автором статьи социологическое исследование потенциальных трудовых мигрантов показало: для большинства опрошенных в целях трудоустройства наиболее привлекательной страной является Россия, о чем сообщили более 60% респондентов. Это является следствием наличия безвизового режима между Узбекистаном и Россией, развитостью мигрантских сетей и этнической диаспоры.

Основными партнерами Узбекистана по трудовой миграции в странах СНГ традиционно являются Россия и Казахстан. В последние годы налаживаются централизованные направления трудовых миграций с Россией, Казахстаном, Республикой Корея, Турцией.

Автором статьи были разработаны проекты трех законодательных актов в миграционной сфере: «Закона о внешней трудовой миграции», Постановления Кабинета министров «О мерах по эффективному использованию (предотвращению утечки за рубеж) высококвалифицированных кадров для государственной службы и работы в отраслях экономики» и «О мерах по дальнейшему совершенствованию и коренному пересмотру системы организованного трудоустройства граждан Республики Узбекистан за рубежом». Наиболее важным документом является «Закон о внешней трудовой миграции». При подготовке проекта закона был проана-

лизирован международный опыт законодательного регулирования миграционных процессов, изучены концептуальные аспекты нормотворчества, исходя из соблюдения международных прав личности на свободу миграции.

Налаженные связи между Узбекистаном и Россией, готовность к совместной работе региональных властей и хозяйствующих субъектов, высокий уровень сотрудничества в регулировании миграционных процессов между странами формируют уникальные возможности создания новых методов и инструментов, обеспечивающих эффективные механизмы управления трудовой миграцией, отвечающей взаимовыгодным интересам наших стран.

Заключение

Миграция из Таджикистана внесла заметные изменения в этнический состав населения и повседневную жизнь большинства регионов Урала и Сибири. Стремительная убыль населения, особенно в азиатской части страны, считают эксперты, неизбежно ставит вопрос об источниках восполнения дефицита рабочей силы. Компенсировать нарастающую убыль возможно за счет миграции. Среднеазиатское направление на ближайшие годы является одним из приоритетных, несмотря на сокращение миграционного притока.

В Казахстане активизация миграции населения в другие страны привела к потере трудового потенциала. Из республики мигрируют преимущественно люди с высшим или средним профессиональным (специальным) образованием, т.е. высокообразованные специалисты. Значимым трендом в стране стала образовательная миграция. Эксперты отмечают, что люди часто уезжают из-за невозможности найти достойное место на рынке труда.

На современном этапе в Киргизии миграционный обмен населением усилился с рядом стран вне СНГ. Для трудовых мигрантов из Киргизии наиболее привлекательны Россия, Казахстан, Турция, страны Европы, Южная Корея. При этом доминирует поиск условий, призванных повысить уровень и качество жизни выбывающих.

В условиях независимого развития Узбекистан столкнулся с новыми видами миграций, ранее не свойственными республике, такими как вынужденная миграция, потоки беженцев в страну, незаконная миграция. Учет, регулирование, управление и минимизация стихийных форм миграционных процессов, снижение негативных факторов миграции являются важными задачами государства, требующими выработки эффективной государственной политики.

Список литературы

1. Авдашкін А.А. Миграция из Таджикистана в регионы азиатской части России: современная ситуация и риски // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2021. Т. 8. № 4 (32). С. 143–151.
2. Дадабаева З.А. Независимое развитие Республики Таджикистан в период с 1991 по 2021 год // Геоэкономика энергетики. 2022. № 1 (17). С. 61–79.
3. Джоошибекова А.Р. Социально-демографический портрет внешних трудовых мигрантов из Кыргызстана // Стратегические ориентиры развития Центральной Азии: история, тренды и перспективы. Сб. научных статей международного научно-образовательного форума. Екатеринбург. 2021. С. 254–259.
4. Исакулов Ш.Н. Проблемы и возможности эффективного регулирования внешней трудовой миграции в Республике Узбекистан // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 4. С. 161–174.
5. Чуланова З.К. Внешняя миграция населения Казахстана за годы независимости // The Scientific Heritage. 2021. № 76–2 (76). С. 37–45.

Обзор поступил в редакцию 02.11.2022.

Принят к публикации 17.11.2022.

Schensnovich V.N.*

Migration features of Central Asian countries.

(Analytical review)

Valentina N. Schensnovich,

Research Associate, Asia and Africa Department,

INION RAN,

e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

Abstract. The review analyzes the distinctive features inherent in the migration processes of the Central Asian states. Migration exchanges with Tajikistan have an impact on the adjustment of the ethnic composition of the population of Russian regions. In Kazakhstan, which has a well-developed educational migration and highly professional workforce, transformational movements to other countries are taking place. In Kyrgyzstan, the migration exchange of the population with neighboring countries has decreased, but it has intensified with a number of countries outside the CIS. At the current stage, the surplus of labor resources in Uzbekistan requires the regulation of external labor migration.

Keywords: Russia; Tajikistan; Kazakhstan; Kyrgyzstan; Uzbekistan; Turkmenistan; interethnic relations; external labor migration; adaptation and integration of migrants; legal and illegal migration; migration during the COVID-19 pandemic.

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Бозкурт Угур*

ЭМИГРАЦИЯ МУСУЛЬМАН КАВКАЗА В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ И ИХ РОЛЬ В СОЗДАНИИ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

DOI: 10.31249/rimm/2023.01.06

Для цитирования: Бозкурт Угур. Эмиграция мусульман Кавказа в Османскую империю и их роль в создании Турецкой Республики. DOI: 10.31249/rimm/2023.01.06

Аннотация. Среди причин, вызвавших и сделавших миграцию кавказских мусульман на территорию Османской империи в XIX в. довольно длительной (с 1860-х годов и до 1910-х годов), можно назвать политическую активность России на Кавказе и в Крыму. В свою очередь, Османская империя поощряла прибытие иммигрантов, чтобы увеличить численность мусульманского населения и защитить безопасность границ. Естественно, что переселение столь значительной массы иноязычных людей сопровождалось некоторыми проблемами. Однако и принимающая сторона, и иммигранты извлекли пользу во многих областях. Большинство иммигрантов, оцениваемых в соответствии с их квалификацией, в основном были задействованы в военной сфере, в строительстве, а также обеспечении безопасности железных дорог. Они внесли важный вклад в развитие анатолийского сельского хозяйства и животноводства. Некоторые из иммигрантов быстро адаптировались в новой ситуации, стали частью османского общества, и даже получили возможность работать во дворце. После Первой мировой войны, из которой Турция вышла проигравшей стороной, часть иммигрантов была на стороне дворца, а часть поддерживала тех, кто выступал за обновление

* Бозкурт Угур, научный сотрудник, Университет Van Юзунджю Йыл (Van-Турция). Bozkurt Ugur, Van Yuzuncu Yıl University (Van-Turkey), e-mail: ugurbozkurt@yyu.edu.tr

родины. Постепенно кавказцы ассимилировались. По некоторым данным их потомки сегодня составляют примерно третью населения Турции.

Ключевые слова: Кавказ; Крым; Османская империя; кавказские мусульмане; «мухаджисы», эмиграция в Турцию.

Введение

В 1865 г. между правительствами Российской и Османской империй было достигнуто соглашение о переселении ряда кавказских народов в Турцию. Это соглашение стало реализацией желания горских народов Кавказа переехать в мусульманскую страну после Кавказской войны (1817–1864). Переселение продолжалось несколько лет. Часть кавказцев была поселена на балканских территориях Османской империи, в частности, в районе Косово поле (Сербия), другая часть на территории Сирии и Заиорданья (современная Иордания), остальные – в разных местностях Анатолийского полуострова и арабских провинций.

Если анализировать причины переселения народов Кавказа и Крыма на османские земли, то следует отметить, что переселяющиеся, мигрируя в османские земли, хотели жить среди своих единоверцев. А. Ганич, российский исследователь, пишет, что в качестве причин, «побудивших горцев Северного Кавказа и Закавказья покинуть свою родину, за которую они воевали столько лет, и переселиться в Османскую империю, называют несколько: неспособность малочисленных народов противостоять регулярной русской армии, насчитывавшей сотни тысяч солдат; – неопределенность в земельном вопросе в связи с планировавшейся в России земельной реформой; – а также желание горцев жить в стране правоверных (*дар ал-ислам*) и не подчиняться “гяурскому” царю»¹.

В свою очередь Османская империя поощряла воинственное кавказское население переселяться на свою территорию, с тем чтобы расселить их в районы, где требовалось обеспечить безопасность земель, находящихся под властью Османской империи, особенно на Балканах².

¹ Ганич А.А. Меж двух империй: Военная и административная карьера генерала Мусы Кундухова // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. М., 2008, № 3. С. 111.

² Fuat Dündar, Modern Türkiye'nin Şifresi İttihat ve Terakki'nin Etnisite Mühendisliği (1913–1918), İletişim Yayıncılık, 2. Baskı, İstanbul, 2008. P. 45.

Кавказ несколько веков был центром соперничества разных цивилизаций. Османская Турция стала укреплять свои северные границы сразу после завоевания Константинополя (1453). В результате разные части Кавказского региона оказались в составе Османской империи: Грузия – в период 1480–1878 гг., Армения в 1553–1604 гг., 1724–1736 гг., Азербайджан – 1578–1604 гг. и 1724–1736 гг. Более длительный период – 354 года – в составе Османской империи состояли Дагестан, Северо-Западный и Центральный Кавказ, Анапа, Азов, Черкесия, Адыгея – в 1475–1829 гг.¹ Естественно, что столь длительное пребывание в составе Османской империи привело к тому, что значительная часть населения приняла ислам.

В 1475 г. османы вели войну с крымским ханом Менгли Гиреем и принудили его признать себя вассалом султана. Кроме того, Османской империи удалось покорить южные районы Крыма. В состав Османской империи вошли также степная и предгорная часть Крыма. В зависимости от Порты Крымское ханство оставалось до 1774 г.²

В начале XVI в. у османов на Кавказе появился соперник – государство Сефевидов. По окончании войны между Османской империей и сефевидским Ираном (1555) османы получили западные территории современной Грузии, а Картли и Кахетия отошли персам. Османская империя использовала разобщенность различных сил в Грузии и других районах для реализации своей политики, но уже вскоре главным конкурентом Турции на Кавказе стала Российская империя. Сложившаяся ситуация чрезвычайно беспокоила турецких султанов. Стамбул организовал множество экспедиций, пытаясь сохранить связь с мусульманским населением региона, одновременно заключив союз с крымскими ханами.

В свою очередь Российская империя присоединяла кавказские земли в несколько этапов. Наиболее активно военные действия происходили в период 1817–1864 гг., хотя присутствие русских в районе началось гораздо раньше. Еще в период правления царя Ивана Грозного (1530–1584) при поддержке кабардинского князя Темрюка (Темир-Гока) вдоль реки Терек было создано воен-

¹ Кавказские страны в составе Османской Империи. | Мусульманская Турция // <https://dzen.ru/media/id/5b10e98f48c85e2421e05394/kavkazskie-strany-v-sostave-osmanskoj-imperii-5b2d0baeb0e6cf00aaa5eb9c>. (дата обращения: 13.08.2022).

² Semen Esadze, Çerkesya'nın Ruslar Tarafından İşgalî, Kafkas-Rus Savaşlarının Son Dönemi, Çev: Murat Papşu, Kafkas Derneği Yayınları, Ankara, 1999. P. 5.

ное поселение. С расселением гребенских казаков¹ на Кавказе было образовано Терское воеводство России². Одновременно при Иване Грозном к России были присоединены Казань (1552) и Астрахань (1556).

Однако при Петре I влияние Османской империи в регионе значительно ослабло. Союз Петра I с кабардинскими князьями (1709–1710) сблизил регион с Россией³. Позднее в результате русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Османская империя вынуждена была подписать с Россией Кючук-Кайнарджийский договор. Продолжение военных действий в царствование Екатерины II ускорило процесс, приведший к присоединению Крыма (1783). Успехи на этом направлении стимулировали Россию активнее действовать на Кавказе и в Крыму. Тем не менее время правления Екатерины II было периодом, когда обострились религиозные разногласия на присоединенных территориях. Начались массовые миграции. В частности, между 1783–1893 гг. более 1 млн крымских татар покинули полуостров, поселившись на территории Румынии и Болгарии, находившихся под властью Османской империи⁴.

В 1785–1791 гг. на Кавказе вспыхнуло восстание под предводительством шейха Мансура Ушурма⁵, который стал первым имамом Северного Кавказа. Французский востоковед А. Беннигсен указывал, что Ушурма, после того как был объявлен имамом в 1784 г., уже на следующий год начал активно проповедовать и агитировать кавказцев против России. После нескольких неудачных попыток российским войскам все же удалось пленить шейха, он был отправлен в Санкт-Петербург и позднее заключен в Шлиссельбургскую крепость, где скончался в 1794 г. в возрасте 31 года.

Через 40 лет после этих событий движение мюридизма возглавил имам Дагестана и Чечни Гази Мухаммед (1795–1832), а за-

¹ Гребенские казаки – группа казаков, проживавшая на Северо-Восточном Кавказе, на территории современного Северного Дагестана, и позднее в среднем течении реки Тerek.

² İsmail Berkok, Tarihte Kafkasya, İstanbul Matbaası, İstanbul 1958. p. 338.

³ Halil İnalçik, “Osmanlı-Rus Rekabetinin Menşe’i ve Don-Volga Kanalı Teşebbüsü”, Belleten, Sayı 46, (Ankara, Nisan 1948), p. 362. (349–402).

⁴ Abdullah Saydam, Kırım ve Kafkasya Göçleri (1856–1876), Türk Tarih Kurumu Yayınları, Ankara 1997. p. 34.

⁵ Ушурма – Шейх Мансур – исламский проповедник, военачальник (1765–1794).

тем имам Хамза¹ (1832–1834) и шейх Шамиль (1797–1871), сумевший создать Северо-Кавказский эмират, в котором он объединил территории Западного Дагестана и Чечни (1834–1859)².

Османское государство постоянно поддерживало борьбу кавказских мусульман против русских. Стамбул посыпал своих эмиссаров, которые следили за происходящим в регионе и докладывали султану. В 1779 г. при султане Абдул-Хамиде I в Черкесию был послан паша Ферах-Али, османский паша грузинского происхождения. В его задачи входило отслеживание ситуации, а также распространение ислама в регионе. В докладах в Стамбул он отмечал, что мусульмане региона по-прежнему ориентируются на своих единоверцев в Турции³.

С пленением русскими шейха Шамиля (1859) Кавказская война закончилась в пользу России⁴. Тем не менее кавказцы продолжали сопротивляться российской власти. И тогда возник план переселения кавказских мусульман на территорию Османской империи⁵. Автором плана был Муса Кундухов (1818–1889), осетин, российский генерал-майор. После переезда в Османскую империю он принял турецкое подданство, получил титул паши и стал дивизионным генералом.

На самом деле переселение горцев в Турцию началось задолго до Кавказской войны. Известно, что кавказские женщины в Османской Турции славились своей красотой. Зачастую горцы привозили своих дочерей в Стамбул в надежде, что они смогут попасть в гарем, если не к султану, то к богатому турку. Кавказские мужчины также пользовались уважением в Турции, так как они были известны своей воинственностью и бесстрашием, умением ловко сидеть в седле и пользоваться оружием.

Естественно, что когда Россия начала военные действия на Кавказе, перемещение населения стало неизбежным. Это пересе-

¹ Имам Хамза, более известен как Хамзат-бек Гоцатлинский (1789/1801–1834) – имам Дагестана и Чечни (1832–1834).

² Alexandre Bennigsen-Chantal Lemercier *Quelquejay, Sufi ve Komiser*, Çev: Osman Türer, Akçağ Yayınları, Ankara, 1988. P. 49.

³ Rahmi Deniz Özbay, Kafkasya Ülkeleri ve Kırım'ın Sosyo-Ekonominik-Siyasi Statüleri ve Kısa Tarihleri, Marmara Üniversitesi Ortadoğu ve İslam Ülkeleri Ekonomik Araştırma Merkezi Yayınları, İstanbul, 1998. S. 402.

⁴ Русско-турецкие войны продлились (с перерывами) почти три с половиной века с 1568 по 1918 г.

⁵ Cemal Gökçe, Kafkasya ve Osmanlı İmparatorluğu'nun Kafkasya Siyaseti, Şamil Eğitim ve Kültür Vakfı Yayınları, İstanbul, 1979. S. 123, 124.

ление в литературе получило название «мухаджирство» (от арабского «мухаджир» – переселенец, эмигрант). Однако некоторые исследователи считают, что это слово можно применить только для тех, кто переселился в Турцию добровольно, т.е. до соглашения 1865 г., так как оно обозначает «добровольное переселение». Покидавшие Кавказ после 1865 г. уезжали принудительно.

Еще в 1857 г. власти Османской империи обратили внимание на то, что число прибывающих в Турцию кавказцев резко возросло. Было решено разработать особый документ «Кодекс переселенцев», в котором были перечислены льготы для переселенцев, а в 1860 г. была создана специальная Комиссия по вопросам беженцев. Первоначально им даже были обещаны земельные наделы, освобождение от налогов и воинской повинности на шесть лет.

Положение иммигрантов в Османском государстве

До сих пор точно неизвестно, сколько людей эмигрировало, в сохранившихся источниках имеются противоречивые данные. По официальным данным России, с 1858 по 1864 г. эмигрировало 398 955 человек¹. В архивах Османской империи, сообщается, что 311 333 человека, прибывшие группами в период с 1856 по 1864 г., были переселены в некоторые районы Дунайской долины, в Добруджу и Адану. В 1864 г. прибыло еще 280 000 человек. Известно также, что многие иммигранты, переправлявшиеся в Турцию морским путем, утонули². Кроме того, в 1865 г. прибыло еще 87 000 иммигрантов. Таким образом, за 9 лет в османские земли иммигрировало 678 333 человека³. При сравнении информации, предоставленной архивами России и Османской империи, становится понятно, что между данными существуют противоречия. Диапазон этого несогласия достаточно велик. Более того, по другим оценкам, из Крыма и Кавказа в османские земли в этот период переселилось 900 000 человек. Большинство иммигрантов были мусульманами, однако среди них были и евреи⁴.

Миграция населения Кавказа на османские земли продолжалась и в более поздние периоды. Война 1877–1878 гг. вызвала бо-

¹ Semen Esadze, Çerkesya'nın Ruslar Tarafından İşgali, Kafkas-Rus Savaşlarının Son Dönemi, Çev: Murat Papşu, Kafkas Derneği Yayınları, Ankara, 1999. P. 71.

² РГВИА, Ф. БУА, Д. 6696, Ч. 15. С. 268–271.

³ Takvim-i Vekayi, No: 760, 5 Rebiülevvel 1281 (8 Ağustos 1863), p. 2.

⁴ Takvim-i Vekayi, No: 804, 21 Muharrem 1282 (3 Haziran 1864), p. 3.

лее интенсивную миграцию. По некоторым оценкам, с 1859 по 1879 г. с Кавказа выбыло 2 млн человек, но из-за неблагоприятных условий только 1,5 млн из них смогли добраться до османских земель¹. После войны темпы эмиграции замедлились, но с 1881 по 1914 г. эмигрировали еще 500 000 человек. Таким образом, количество переселившихся в период с 1783 по 1922 г. составило 1,8 млн человек².

Миграционный процесс продолжился и в период Первой мировой войны. В частности, с 1914 по 1921 г. эмигрировало 270 тыс. человек. При этом сообщается, что около 470 тыс. человек погибли³. Действительно, данные о численности мигрантов во многих источниках различны, и это не позволяет оценить масштаб эмиграции кавказцев на территорию Османской империи.

Выходцев с Кавказа расселяли почти во всех регионах Османской империи⁴. В основном их направляли в районы с доминирующим мусульманским населением⁵. В этот период экономическое положение Османской империи было достаточно сложным. В частности, имелись проблемы, связанные с финансированием расходов по устройству иммигрантов. Были разработаны проекты по обеспечению проживания и способов финансирования иммигрантов. Однако на деле средств не хватало.

Кавказские беженцы, которых русские называют «горцами», были радушно приняты на османских землях. Государство предоставляло гражданство иммигрантам немедленно. В этом контексте численность мусульман в стране значительно возросла⁶. Социальная интеграция кавказских народов, которых османское общество считало единоверцами, происходила достаточно быстро. Естественно,

¹ Reşat Kasaba, Bir Konargöçer İmparatorluk: Osmanlı'da Göçebeler, Göçmenler ve Sığınmacılar, Kitap Yayınevi, İstanbul, 2005. P. 136.

² Fuat Dündar, Modern Türkiye'nin Şifresi İttihat ve Terakki'nin Etnisite Mühendisliği (1913–1918), İletişim Yayınları, 2. Baskı, İstanbul, 2008. P. 48.

³ İlhan Tekeli, “Involuntary Displacement and the Problem of Resettlement in Turkey from the Ottoman Empire to the Present” Seteney Shami (Ed.): Population Displacement and Resettlement Development and Conflict in the Middle East, Center for Migration Studies, New York, 1994. P. 209, 210. (202–227).

⁴ Justin McCarthy, Ölüm ve Sürgün (1821–1922), Çev: Fatma Sarıkaya, 2. Baskı, Türk Tarih Kurumu Yayınları, Ankara, 2014. P. 359.

⁵ Abdullah Saydam, Kırım ve Kafkasya Göçleri (1856–1876), Türk Tarih Kurumu Yayınları, Ankara 1997, P. 152.

⁶ James H. Meyer, İmparatorluklar Arası Türkler (1856–1914), Çev: Renan Akman, Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, İstanbul, 2021. S. 10.

венно, были проблемы из-за незнания турецкого языка, но больше беспокойства вызывали стычки кавказцев с оседлым немусульманским населением. В официальных документах Османского государства было зафиксировано, что, в частности, черкесы, действовавшие самостоятельно, пытались возделывать землю без официального разрешения, что приводило к возникновению проблем с соседями¹.

Многие выходцы из Кавказского региона были переселены в районы, расположенные вдоль строящейся в Анатолии железной дороги. Власти, таким образом, хотели повысить хозяйственную деятельность этих районов. В 1878 г. 25 тыс. черкесов были поселены в Южной Сирии, еще 20 тыс. черкесов – в районе Алеппо. В то же время многим кавказцам было предложено обслуживать железнодорожные пути в Анатолии и в Балканских странах². Для их обустройства были использованы пустующие земли, расположенные вдоль железной дороги.

Помимо обслуживания железнодорожной линии в регионе Центральной Анатолии, многие иммигранты участвовали в строительстве Хиджазской железной дороги³. Речь идет о построенной в 1900–1908 гг. железной дороге из Дамаска до Медины. Причем предполагалось, что иммигранты будут задействованы не только в строительстве, но и охране железнодорожных путей. (Дорога прошла по караванным тропам, которые традиционно контролировали бедуины. Железнодорожное сообщение со священными городами ислама лишила бедуинов заработка, так как обслуживание паломников приносило бедуинам доход, который был одним из главных источников их существования. – *Ped.*)

В докладе дипломатического представительства России в Дамаске по поводу строительства железной дороги отмечалось, что в Дамаск прибыли 260 выходцев с Кавказа. Предполагалось, что железная дорога пройдет из Дамаска в Медину и далее в Мек-

¹ James H. Meyer, İmparatorluklar Arası Türkler (1856–1914), Çev: Renan Akman, Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, İstanbul, 2021. S. 29.

² BOA, MV. 59/60.1, N. 20-04-1308 (1890); BOA, DH. MKT. 1980/47. 1, N. 06-01-1310 (1892); BOA, DH. MKT. 32/29. 1, 2, 3, 4, N. 21-02-1311 (1893).

³ Хиджазская железная дорога – Hicaz Demiryolu – узкоколейная (1050 мм) железная дорога, протяженностью 1320 км, построенная в период правления султана Абдул-Хамида II. Предполагалось, что дорога облегчит совершение хаджа паломниками, а также сделает более быстрой переброску войск и военных грузов в южные (арабские) провинции Османской империи, что позволило усилить контроль над ними.

ку (часть проекта из Медины в Мекку не была осуществлена. – *Ped.*) и что вдоль железнодорожного пути будут расселены иммигранты для ее охраны. Власти считали, что после строительства дороги престиж Дамаска возрастет¹. Таким образом, Османская империя пыталась рационально использовать труд иммигрантов.

Одновременно были предприняты важные шаги в решении проблем эксплуатации сельскохозяйственных земель, которые ранее были заброшены или не эксплуатировались. Согласно отчету, представленному Ферику Музффер-паше, 938 900 гектаров земли были признаны пригодными для расселения иммигрантов. Распределение этих земель было следующим: 178 000 акров в районе Азизие провинции Хюдавендигар (Бурса); 100 000 акров в районе Сейидгази (провинция Эскишехир). Еще 380 900 акров в Сиврихисарском ущелье в провинции Анкара; 280 000 акров в округе Хаймана. Известно также, что в провинциях Хюдавендигар и Анкара было выделено в общей сложности 938 900 акров земли².

Между 1885 и 1912 гг. производство в целом, особенно сельскохозяйственное, увеличилось. Характерно, что при этом цены оставались стабильными, а резервы площадей и инвестиции увеличивались. Именно в этот период в Османской империи возник новый класс предпринимателей. В записях Торговой палаты, учрежденной в Стамбуле в 1880 г., указано, что в этом городе, как и в других частях страны, появились новые предприниматели – из числа коренного турецкого населения. С 1880 по 1890 г. их число увеличилось и среди них постепенно появлялись выходцы из иммигрантской среды.

Развитие городов в тот период во многом зависело от роли иммигрантов. Характерно, что до этого времени верхние уровни османской иерархии в основном состояли из немусульман, которые объединяли сегмент богатых, а нижние уровни, представленные менее состоятельными гражданами, состояли из турок-мусульман³. В конце XIX в. ситуация изменилась.

Надо отметить, что на идеологию, формировалвшуюся в последние периоды существования Османской империи, оказывали влияние миграционные процессы. В частности, зарождение

¹ Donald Quataert, *Osmانlı İmparatorluğu 1700–1922*, (3. Baskı), İletişim Yayınları, İstanbul, 2004. P. 177–179.

² АВПРИ, Ф. 180, Посольство в Константинополь, О. 517/2, Д. 5084, Г. 1891–1913, 129, 130.

³ BOA.Y.A.HUS., 255/64, Н-23-06-1309, 10–12.

и развитие идеи тюркизма произошло благодаря активистам-мусульманам, переселившимся на османские земли. Впервые пантюркизм, как идеология, возник в среде крымских татар. Первым идею объединения всех тюркских народов выдвинул крымско-татарский общественный деятель Исмаил Гаспринский в конце XIX в. В Османской империи доктрину пантюркизма поддержали младотурки¹, в частности, Энвер-паша², Талаат-паша³ и Джемаль-паша⁴. Любопытно, что Гаспринский, живя в Российской империи, развивал идеологию культурного пантюркизма, которая совмещалась с идеями гармоничного сосуществования тюрок со славянами. В Османской империи пантюркизм развивался на фоне противостояния с Россией и процессов, приведших к распаду османского государства.

Многие представители младотурецкого движения пытались распространять пантюркистскую идеологию через прессу и издательскую деятельность в Стамбуле. После 1908 г. такие люди, как Юсуф Акчуря, Ахмет Агаоглу, Хусейнзаде Али-бей, Абдуррешид Ибрагимов, Мехмед Эмин Ресулзаде, Фатих Керими, Исмаил Гаспринский, Махмут-бей Гусейнов, считаются «пионерами тюркизма»⁵.

Часть крымских эмигрантов, перебравшихся на османские земли, привезли с собой определенный капитал и сумели довольно быстро включиться в османскую экономику. Развивая свою деловую активность, эти иммигранты заняли видное место в растущем классе торговцев и предпринимателей, который постепенно превратился в важный сегмент мусульманского среднего класса. Они смогли создать коммерческие предприятия во многих областях. В то же время выходцы с равнин поселились в степях Центральной

¹ Младотурки (Jön Türkler или Genç Türkler – турецк. яз.) – движение за политические реформы, с 1876 г. выступавшее за замену монархии в Османской империи конституционным правительством.

² Энвер-паша (1881–1922) – османский военный и политический деятель.

³ Мехмет Талаат-паша (1874–1921) – один из лидеров младотурецкой партии «Единение и прогресс», организатор массовой депортации армян.

⁴ Ахмед Джемаль-паша (1872–1922) – османский военный и политический деятель, полномочный военный и гражданский администратор Сирии (1915–1917); известный деятель движения младотурок.

⁵ Kemal H. Karpat, *Osmanlı'dan Günümüze Etnik Yapılanma ve Göçler*, Timaş Yayınlari, İstanbul, 2017. P. 189.

Анатолии и стали выращивать зерно и другие сельскохозяйственные культуры¹.

Иммиграция повлияла и на демографию Османской империи. Сегодня, учитывая естественный прирост населения за счет потомков тех, кто мигрировал на османские земли в XIX – начале XX в., иммигранты составляют 30% нынешнего населения Турции².

Политическая деятельность и текущее положение иммигрантов

Иммигранты из Российской империи оказались достаточно активны в военной, экономической, социальной и политической сферах. Интересно отметить, что кавказские иммигранты, которые пытались занять место в османском обществе, поселились в районе Баб-и Али (Высокая порта – квартал, прилегающий к дворцу Топ Капы в Стамбуле. – Ред.). Кроме того, в самом дворце, и даже в гареме, присутствовало много женщин-иммигранток. Многие матери султанов были черкешенками³. Из-за их влияния некоторые иммигранты смогли получить работу в дворцовых службах⁴.

Отметим также, что османские власти, учитывая военные навыки кавказских мужчин, изначально планировали использовать их исключительно в военных действиях. По этой причине возник даже проект создания военной колонии из переселенцев⁵. Однако проект не был осуществлен, хотя на практике кавказцы практически повсеместно занимались военной деятельностью как внутри империи, так и за ее пределами.

Османское государство пыталось рационально использовать воинские таланты иммигрантов. Такие важные полководцы, как Чачба Хасан, Берзег Керандук, сын шейха Шамиля Гази Мухаммед и Муса Кундухов, которые были выходцами с Кавказа, впо-

¹ Janet Klein, Hamidiye Alayları-İmparatorluğun Sınır Boyları ve Kürt Aşiretleri, İletişim Yayınları, 2. Baskı, İstanbul, 2014. P. 290.

² Kemal H. Karpat, Osmanlı'dan Günümüze Etnik Yapılanma ve Göçler, Timas Yayınları, İstanbul, 2017. P. 187.

³ Şevket Pamuk, Osmanlı Ekonomisinde Bağımlılık ve Büyüme (1820–1913), 1. Basım, Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, İstanbul, 2018. P. 72.

⁴ Jane Hathaway, Osmanlı Hakimiyetinde Arap Toprakları, çev. Gül Çağlı Güven, Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, İstanbul, 2018. P. 125.

⁵ Özcan Mert, Anzavur'un İlk Ayaklanması Ait Belgeler, Belleten, C. 56, S. 217, Aralık, 1992, p. 847 (847–962).

следствии сражались против России в составе османской армии¹. Султан Абдул-Хамид II ценил боевые качества кавказских мусульман, благодаря чему многие из них смогли занять важные должности в вооруженных силах Турции. В частности, кавказские переселенцы воевали в составе войск Османской империи в период Первой мировой войны.

Следует также признать, что кавказские иммигранты и их потомки внесли большой вклад в создание Турецкой Республики. Среди основателей и членов Партии союза и прогресса, действовавшей в последние периоды существования Османской империи, были кавказские иммигранты: доктор Мехмет Решид (Хануко), Хатко Исмаил Джанбулат, Шапли Хусейн Тосун, Шапли Хусейн Кадри, Зекерия Зихни, Эшреф Сенсер Кушчубаши, Селим Сами, Хасан Васфи, Омер Наджи, Азиз Мысли, Ибрагим Сурейя, Мюмтаз, Решит, Этхем, Сары Эфе Эдип, Йенибахчели Шюкрю и его брат Наиль. Естественно, что они были и среди тех, кто пытался спасти Османскую империю от распада, но не смогли добиться успеха.

И в последующий период уроженцы Кавказа участвовали в становлении Турецкой Республики, занимали высокие посты в ее руководящих органах. Среди них были: Хусейн Рауф Орбай, Шапли Хусейн Тосун, Шапли Хусейн Кадри, Закерия Минд, Хатко Исмаил Джанбулат, художник Шевкет Даг, Мустафа Невзат, Эсат Фуад, доктор Мехмед Решит, Миралай Бекир Сами Гюнсав, Юсуф Иззет-паша (Мет Чунатука Иззет), Ибрагим Сорейя Йигит, Азиз (Орбай) бей, Сулейман Иззет Цей, Джемиль Джахит Тойдемир, Исмаил Хакки Беркок, Берзег Казим, Берзег Экрем, Зешо Тахир, Шетох Муса, Шамседдин Сулар, Осман Онарак, Музаффер Кылыч, Бекир Кубат, Омар Мумтаз Танби, Хакки Бехич, Эмир Маршан-паша, Хикмет-бей, Камил Полат, Юсуф (Сангы) бей, Йебджин Ильяс Айдемир, маршал Дели Фуад-паша (Тугкуя), Карзег Салих Хулуси-паша, Ахмед (Хамди) Абук-паша, принц Мехмед Сабахаддин, Аслан (Тогузати) бей, Рушту Бозкурт, Бородатый Бедри (Басакынджи), Капитан Махмуд (Бад), Шефик Али (Оздемир), Дели Халит (Карсиалан), Ашир бей, Мехмед Фуад Карим, Хакки Хами Улукан, Мехмед Хулуси Акыйол, Касейко Махмуд Хендек, Хунч Али Сайд Паша, Хакки Мюрсель (Баку), Реджеп Пекер,

¹ Кавказ, Турция, №: 47, 21 Haziran 1864. С. 5.

Хасан Атакан, Рушту Кобаш, Расим Канбулат, Джевдет Керим Инджедай, Чакир Эфе Сефер и Этем бей¹.

Упомянутые выше люди принимали активное участие во многих важных проектах и мероприятиях, таких как «Циркуляр Хавзы», «Циркуляр Амасья», «Конгресс Эрзурума», «Конгресс Сиваса» и «Представительный комитет». Среди депутатов Великого национального собрания, открывшегося в Анкаре 23 апреля 1920 г., было много потомков уроженцев Кавказа. Именно тогда, выступая на втором заседании Великого национального собрания Турции, Мустафа Кемаль-паша (будущий Кемаль-паша-Ататюрк, считающийся основателем современного турецкого государства. – *Ped.*) подчеркнул значимую роль черкесов, как важной части нового турецкого общества². Он отметил, что иммигранты, занимающиеся политической и административной деятельностью, работают на всех уровнях государства и весьма эффективно участвуют в строительстве республики.

Кавказцы, сторонники провозглашения республики, понимая, что некоторые соотечественники не смогли вписаться в принимающий их социум и создают проблемы, пытались объяснить им идеологические установки Великого национального собрания Турции. Показательно, что когда в ноябре 1919 г. в городе Сивас проходил Конгрес, созданный по инициативе Кемаля-паши, сторонники сохранения монархии провели работу по объединению многочисленных региональных Ассоциаций защиты прав в «Ассоциацию защиты прав Анатолии и Румелии». Надо отметить, что в это время Стамбул, столица поверженной Османской империи, а также ряд городов находились под оккупацией союзных держав, которые уже готовили план раздела страны. Среди тех, кто поддерживал младотурок, был Эмир Маршан (1860–1940), который провел большую работу среди кавказцев, убеждая их поддержать Мустафу Кемаля³. Впоследствии он вошел в первый состав Великого национального собрания Турецкой Республики.

¹ Muhittin Ünal, Kurtuluş Savaşında Çerkeslerin Rolü, Cem Yayıncılık, İstanbul, 1996. P. 14.

² Есть много людей, имена которых я не могу привести. Подробную информацию об упомянутых лицах см.: там же. С. 15–166.

³ Маршан Эмир (1860–1940) – выходец из абхазского княжеского рода Маршан, поселившихся в Турции и Сирии. Член партии «Единение и прогресс». TBMM Zabit Cerideleri, Devre 1, Cilt 1, İçtima Senesi 1, İlkinci Celse, 24.4.1336 (1920). P. 16.

Действительно, в этот сложный период бывшие кавказские иммигранты разделились между Стамбульским и Анкарским правительствами, которые действовали с двух разных позиций. По этой причине кавказские иммигранты, осевшие в некоторых регионах, выполняли требования стамбульского правительства, но восставали против правительства Анкары. Ахмет Анзавур (1885–1921), иммигрант с Кавказа, офицер османской жандармерии, попытался противостоять кемалистскому движению. Он поднял восстание против правительства Анкары, отстаивая власть халифа.

Это и последовавшие за ним второе и третье восстания были подавлены. Причем победу над Анзавуром одержало войско, созданное кемалистами под командованием другого черкеса, известного как Черкес-Этхем¹. В результате кавказцы, жившие в районе восстаний (в деревнях в Адапазары и Дюздже), были депортированы в другие регионы². Позднее было принято решение наказать восставших путем изгнания. Был подготовлен список сотен черкесов, проживавших в 14 черкесских деревнях в Генене и Маньясе. Они были депортированы в Афьон, Сivas, Токат, Урфу, Муш, Битлис, Конью и Малатью³.

Понятно, что для многих кавказцев наступили трудные времена. Из общественного пространства исчезли названия их национальной принадлежности. Всех стали называть «турками». Так, Кериман Халис, которая в 1932 г. была выбрана Мисс мира, черкешенка по национальности, была заявлена как «турчанка». В прессе не было дано никакой информации о ее настоящем происхождении⁴.

Османское общество, имевшее до провозглашения национального государства многоязычную, поликультурную и полигетническую структуру, связанную с многочисленными миграциями, начало прокламировать идею единой нации во вновь установленном республиканском режиме. Однако стремление представителей многих этносов, особенно черкесов, сохранить свой язык и куль-

¹ *Doğan Avcioğlu*, Milli Kurtuluş Tarihi 1838'den 1995'e, Tekin Yayınevi, Cilt 3, İstanbul, 1978. P. 995.

² *Özcan Mert*, Anzavur'un İlk Ayaklanmasıın Ait Belgeler, Belleten, C. 56, S. 217, Aralık, 1992, p. 877–883 (847–962).

³ *Fahri Yetim*, Milli Mücadele Döneminde İsyancıların Gölgesinde Düzce ve Çevresinde Asayış Sorunları, Cumhuriyet Tarihi Araştırmaları Dergisi, Yıl 7, S. 13, Bahar 2011. P. 60. (54–69).

⁴ *Izzet Aydemir*, Gönen-Manyas Çerkeslerinin Sürgünü, Nart, Kasım Aralık 1999, p. 45, 46. (45–47).

туру поставило на повестку дня некоторые проблемы. Деятельность кемалистской идеологии породила общины, которые пытались сохранить свой язык и культуру через множество ассоциаций и организаций в многонациональном обществе.

В период с 1923 по 1946 г. однопартийное правительство, руководствуясь пониманием функций национального государства, не позволяло разным народам, населяющим Турецкую Республику, выступать за сохранение своего языка и культуры. Однопартийная администрация пыталась создать единую нацию, игнорируя богатые культурные ценности иммигрантских сообществ, переданных в свое время Османской империи¹. Естественно, что эта ситуация сформировала сегодняшнее общество, но одновременно она привела к значительной утрате национальной памяти.

Заключение

Военные действия, инициированные Россией на Кавказе, привели к перемещению населения в Османскую империю, которое шло до середины XX в. По окончании Русско-турецких войн, продолжавшихся в период 1568–1918 гг. и завершившихся решительной победой России, кавказские мусульмане массово переселялись в Анатолию. Приняв уроженцев Кавказа и Крыма, Османская империя, таким образом, увеличила численность мусульманского населения. Кроме того, взяв на себя задачу по переселению иммигрантов, Стамбул разработал программу по их обустройству, созданию рабочих мест, которые давали финансовый источник существования.

Особо отметим роль кавказцев, поселившихся на заброшенных и целинных землях; они поделились навыками выращивания ряда сельскохозяйственных культур с бедуинами, что способствовало переходу последних на полуоседлое существование.

Распад Османской империи привел к разделению кавказских сообществ. Часть из них оказалась на территории Сирии, Иордании и Балканских стран. Тем не менее навыки, приобретенные иммигрантами и их потомками в Османской империи, помогли им адаптироваться в новых условиях.

В самой Турции помнят о том, что миграционные процессы, произошедшие во время распада Османской империи, сыграли

¹ Caner Yelbaşı, Türkiye Çerkesleri Osmanlı'da Türkiye'ye Savaş, Şiddet, Milliyetçilik, İletişim Yayınları, İstanbul, 2019. P. 192–193.

важную роль в создании Турецкой Республики. Иммигранты, принимавшие активное участие в создании и деятельности Комитета «Единение и прогресс», способствовали развитию идеологии тюркизма. Эта ситуация продолжалась с периода Абдул-Хамида II до конца войны за национальную независимость.

После принятия в Турецкой Республике многопартийной системы некоторым этническим сообществам было разрешено создавать культурные ассоциации. Многие иммигранты сегодня работают над сохранением своего языка и культуры. В современном турецком обществе все чаще можно услышать критику методов, которые были применены к их предкам. Дети и внуки иммигрантов стараются восстановить память о прошлых событиях, наладить контакты с соотечественниками, оставшимися на Кавказе, с тем чтобы не утратить культуру своего этноса.

Статья поступила в редакцию 07.12.2022.

Принята к публикации 10.01.2023.

Bozkurt Ugur
Emigration of caucasian moslems
to the Ottoman Empire and
their role in the creation
of the Turkish Republic. (Abstract)

Bozkurt Ugur,
PhD (Hist.),
Van Yuzuncu Yıl University (Van-Turkey),
e-mail: ugurbozkurt@yyu.edu.tr

Abstract. Among the reasons that caused and made the migration the Caucasian Moslems to the territory of the Ottoman Empire in the nineteenth century quite long (from the 1860 s to the 1910 s), one can name Russia's political activity in the Caucasus and Crimea. In turn, the Ottoman Empire encouraged the arrival of immigrants in order to increase the Moslem population and protect border security. Naturally, the relocation of such a significant mass of foreign-speaking people was accompanied by some problems. However, both the host country and the immigrants have benefited in many areas. Most of the immigrants assessed according to their qualifications were mainly involved in the military sphere, in construction, as well as in ensuring the safety of railways. They made an important contribution to the development of Anatolian agriculture and animal husbandry. Some of the immigrants quickly

adapted to the new situation, became part of the Ottoman society, and even got the opportunity to work in the palace. After the World War I, from which Turkey emerged as the losing side, some of the immigrants were on the side of the palace, and some supported those who advocated the renewal of the motherland. Gradually, the Caucasians assimilated. According to some sources, their descendants today make up about a third of the population of Turkey.

Keywords: Caucasus; Crimea; Ottoman Empire; Caucasian Moslems; «muhajirs»; emigration to Turkey.

Кириченко В.П.*

ИРАНСКИЙ АЗЕРБАЙДЖАН: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

DOI: 10.31249/rimm/2023.01.07

Для цитирования: Кириченко В.П. Иранский Азербайджан: прошлое и настоящее. DOI: 10.31249/rimm/2023.01.07

Аннотация. В статье рассматривается история Южного, или Иранского Азербайджана, уделяется внимание тому, какое место занимали тюрки в истории Ирана. Рассматривается и политика Резы-шаха Пехлеви, направленная на ассимиляцию азербайджанцев Ирана. В целом азербайджанцы смогли преодолеть трудности и вписаться в политическую систему современного Ирана.

Ключевые слова: Иран; Азербайджан; тюрки; исламская революция.

В I тысячелетии до н.э. – начале I тысячелетия н.э. на территории современного Азербайджана и северных районов Ирана располагался ряд могущественных государств, в том числе Манна, Атропатена и Албания¹. После завоеваний Александра Македонского (330 г. до н.э.) представитель местной знати Атропат (несколько исследователи полагают, что слово «атропат» означало титул правителя) был назначен правителем Мидии. В 323 г. он был

* Кириченко В.П., научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, e-mail: black-whit@yandex.ru

© Кириченко В.П., 2023

¹ History//Republic of Azerbaijan Cabinet of Ministers // <https://nk.gov.az/en/page/34/> (дата обращения: 09.01.2023).

смещен, но сохранил власть над северной частью страны, получившей название «Атропатена»¹. Считается, что именно от названия Атропатена и произошло нынешнее название «Азербайджан»². В III в. нашей эры Азербайджан был завоеван персидской империей Сасанидов³. В VII в. арабское завоевание способствовало распространению на этой территории ислама. Стоит отметить, что на складывание азербайджанского этноса повлияли кутии, луллубеи, турккиты, хурриты, киммерийцы, саки-скифы, гунны, булгары, хазары, барсылы, печенеги, и другие народы⁴. С IX в. с территории Центральной Азии на территорию современного Азербайджана проникают тюрки-огузы⁵. Именно огузы оказали решающее влияние на азербайджанский этнос. С X в. тюрки начали играть важную роль в истории Ирана. Именно тогда Газневиды⁶ захватили Восточный Иран и стали первой тюркской династией, правящей территорией этой страны⁷.

Во времена правления тюркской династии Сефевидов⁸ шиизм в Иране получил статус государственной религии. Перв-

¹ Кошеленко Г.А. Атропотена // Большая российская энциклопедия // https://bigenc.ru/world_history/text/1839639 (дата обращения: 09.01.2023).

² Уланова О. «Азербайджан» или «Атропатена»? //AzerHistory.com <https://azerhistory.com/?p=10734> <https://azerhistory.com/?p=10734> (дата обращения: 08.01.2023).

³ Сасаниды – династия персидских правителей (шахиншахов), правивших в Сасанидском Иране и правителей отдельных областей (шахов, кушаншахов) этого государства и зависимых территорий, позднее Табаристана // Wikipedia. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сасаниды> (дата обращения: 01.01.2023).

⁴ Махмудов Я.М. Азербайджанцы: взгляд на этнополитическую историю // Современная научная мысль. 2017. – № 1. – С. 8.

⁵ Огузы или тюрки-огузы – средневековый тюркский народ, живший до XI в. в степях Средней Азии и Монголии // Wikipedia. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Огузы> (дата обращения: 01.01.2023).

⁶ Газневиды – тюркская династия эмиров и султанов города Газни (современный Южный Афганистан), правившая в 961–1186 гг. Они основали государство, которое занимало территории Хорасана, Афганистана, Хорезма, Бухары, Гурган и северные провинции Индии // Wikipedia <https://ru.wikipedia.org/wiki/Газневиды>

⁷ Агазаде М.М. Проблема статуса азербайджанских тюрков в Иране // Вопросы истории. 2019. – № 1 – С. 67.

⁸ Сефевиды – иранская тюркоязычная шахская династия, правители Сефевидского государства, располагавшегося на территориях современного Ирана, Азербайджана, Западного Афганистана, а также Пакистана. Правили с начала XIV в. районом Ардебиль на севере Ирана, а в 1501–1722 и 1729–1736 гг. – всей территорией Ирана // Wikipedia. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сефевиды> (дата обращения: 01.01.2023).

начально столицей государства Сефевидов стал г. Тебриз, находившийся на территории Азербайджана, однако вследствии из-за османского давления властям пришлось перенести столицу в г. Казвин, находящийся дальше от границы с Османской империей. Позднее шах Аббас Великий¹ перенес столицу в г. Исфахан².

На протяжении всего периода правления Сефевидов (нач. XVI – XVIII в.) азербайджанский язык был официальным языком шахского двора. Также этот язык использовался в армии³. При этом персидский язык применялся в дипломатической переписке и был языком художественной литературы и истории.

Династия Каджаров (1779–1925)⁴ стала последней азербайджанской династией тюркского происхождения в Иране. Первым правителем был Ага Мухаммад шах Каджар⁵, который установил гегемонию Каджаров на Иранском нагорье. В период правления Мухаммеда шаха Каджара (1741–1797) Иран начал испытывать иностранное влияние⁶. Вместе с тем именно при Каджарах влияние исламского духовенства стало в Иране более выраженным⁷.

Племянник Ага Мухаммеда шаха Каджара – Фетх Али-Шах⁸ – потерпел крупные поражения от России в двух русско-персидских

¹ Аббас I Великий (1571–1629) – шах Персии из династии Сефевидов, правивший в 1588–1629 гг. Крупный реформатор и полководец, Аббас провел административные, политические, военные и экономические реформы, в корне изменив государственное устройство // Wikipedia. https://ru.wikipedia.org/wiki/Аббас_I_Великий (дата обращения: 01.01.2023).

² Lorentz J.H. Historical Dictionary of Iran. Second Edition. The Scarecrow Press, Inc., Lanham, 2007. – P. 281–282.

³ Floor W., Jawadi H. The Role of Azerbaijani Turkish in Safavid Iran // Iranian Studies. 2013 – Volume 46, Issue 4. – P. 569.

⁴ Каджары – иранская династия, правившая с 1795 по 1925 г. // Wikipedia. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Каджары_\(династия\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Каджары_(династия)) (дата обращения: 01.01.2023).

⁵ Ага Мухаммед шах Каджар (1741–1797) – один из военных и политических вождей Ирана в 1779–1796 гг., шахиншах с 1796 г., основатель династии Каджаров // Wikipedia. https://ru.wikipedia.org/wiki/Ага_Мухаммед_Шах_Каджар (дата обращения: 01.01.2023).

⁶ Lorentz J.H. Historical Dictionary of Iran. Second Edition. The Scarecrow Press, Inc., Lanham, 2007. – P. 254.

⁷ Lorentz J.H. Historical Dictionary of Iran. Second Edition. The Scarecrow Press, Inc., Lanham, 2007. – P. 255.

⁸ Фетх Али-Шах (1772–1834) – второй шах Ирана династии Каджаров (годы правления: 1797–1834) // Wikipedia. https://ru.wikipedia.org/wiki/Фетх_Али-Шах (дата обращения: 01.01.2023).

войнах¹. Согласно Гюлистанскому (1813) и Туркманчайскому (1828) договорам Азербайджан был разделен между двумя империями. Россия получила северную часть Азербайджана, а южная досталась Персии. Так возникли новые политico-географические единицы: Северный Азербайджан (или Русский Азербайджан) и Южный Азербайджан (или Иранский Азербайджан)².

После прихода к власти Реза-хана³, первого шаха из династии Пехлеви⁴, в Иране началась политика иранизации. В связи с этим в школах Южного Азербайджана запрещалось преподавание на азербайджанском языке⁵. Персами было занято большинство важнейших должностей на территории Иранского Азербайджана⁶. Также в провинции переименовывались топонимы, имеющие азербайджанское происхождение. Властями проводилась политика экономической дискриминации региона. При этом граница с Советским Азербайджаном была закрыта, и иранские азербайджанцы не могли выезжать туда на сезонные работы. Поэтому азербайджанцам, исторически проживающим на севере страны, пришлось перебраться в крупные города, прежде всего в Тегеран⁷.

¹ Каджары // Большая российская энциклопедия https://bigenc.ru/world_history/text/2032011 (дата обращения: 01.01.2023).

² History of Azerbaijan // Azerbaijan-New Zealand Friendship Society. <http://www.azerbaijanz.com/Azerbaijan%20History.htm> (дата обращения: 01.01.2023).

³ Реза-хан Пехлеви (1878–1944) – 34-й шах Ирана – с 1925 по 1941, из династии Пехлеви // Wikipedia. https://ru.wikipedia.org/wiki/Реза_Пехлеви (дата обращения: 01.01.2023).

⁴ Пехлеви – иранская шахская династия мазендеранского происхождения, имя которой было взято Резой Пехлеви для напоминания о династическом доме Карин-Пахлевидов, к которому, однако, Реза отношения не имел. Годы правления: 1925–1979 // Wikipedia. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Пехлеви> (дата обращения: 01.01.2023).

⁵ Жизнь азербайджанцев в Иране при правлении Резы шаха Пехлеви (1925–1941) // AzerHistory.com <https://azerhistory.com/?p=33605> (дата обращения: 01.01.2023).

⁶ Тимкин Ю.Н. Идеология неоахеменизма в государственно-политической модернизации Ирана периода династии Пехлеви // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов, 2016. – № 3 (65): в 2 ч. Ч. 1 – С. 170.

⁷ Сажин В. Иранский Азербайджан – история и политика // Международная жизнь. – 26.10.2021. <https://interaffairs.ru/news/show/32232> (дата обращения: 09.01.2023).

Власти считали азербайджанцев «тюркизированными арийцами», персами по происхождению и поощряли чувство культурной и расовой неполноценности тюрков, как потомков кочевых варваров, в отличие от древних культурных персов. В связи с этим некоторые азербайджанцы с 1960–1970-х годов, дистанцировались от тюркской идентичности, заменив ее на персидскую¹.

Были и примеры того, как этнические азербайджанцы разделяли идеологию персидского национализма. Например, ученый и дипломат Сейид Хасан Тагизаде² (1878–1970), будучи азербайджанцем, поддерживал персидский национализм. Он возглавил созданный по инициативе немцев в 1915 г. «Персидский комитет», который располагался в Берлине. Целью деятельности организации было распространение националистической пропаганды и возможное создание националистического правительства в Иране³. О масштабах и влиянии Персидского комитета свидетельствует журнал на персидском языке под названием «Кавех»⁴.

Еще одним этническим азербайджанцем, оказавшим влияние на националистическое движение в Иране, был историк и лингвист Сейед Ахмад Касрави⁵. В своей работе «Азери, или древний язык Азербайджана» он пытался показать, что слово «азери», встречается в большинстве древних исторических книг, особенно в тех, которые относятся к первым векам ислама. Он полагал, что это было названием древнего языка Азербайджана и не имело ничего общего с тюркским. По его мнению, этот язык сложился в результате слияния двух древних языков – языка мидийцев (после их вторжения в Азербайджан) и языка коренных жителей страны – и близок к персидским языкам, а не к тюркским⁶.

¹ Souleimanov E. The Evolution of Azerbaijani Identity and the Prospects of Secessionism in Iranian Azerbaijan// The Quarterly Journal. Summer 2010. – P. 78.

² Сейид Хасан Тагизаде (1878 – 21 января 1970) – персидский политический и государственный деятель; дипломат, ученый // Wikipedia. https://ru.wikipedia.org/wiki/Тагизаде,_Сейид_Хасан (дата обращения: 01.01.2023).

³ Kagan J. Modern Iran Yale University Press. 1988. P. 74.

⁴ Rafi M. Universal Ideology in the Great War: Germany's Role in the Formation of Iranian Nationalism//Teleoscope. – 17.03.2015 // <http://www.telospress.com/universal-ideology-in-the-great-war-germanys-role-in-the-formation-of-iranian-nationalism/> (дата обращения: 01.01.2023).

⁵ Сейед Ахмад Касрави Тебризи (1890–1946 – ведущий иранский лингвист, националист, религиозный реформатор, историк. https://en.wikipedia.org/wiki/Ahmad_Kasravi (дата обращения: 01.01.2023).

⁶ Kasravi Ahmad III As Historian//Encyclopedia Iranica. <https://iranicaonline.org/articles/kasravi-ahmad-iii> (дата обращения: 01.01.2023).

Российский исследователь Ю.Н. Тимкин отмечает, что, несмотря на распространение при Реза-хане националистических идей, сам правитель «был связан с азербайджанцами многими узами. Так, к этнокультурной группе азербайджанцев, *айромлу*, принадлежала его мать Нуш Афарин Айромлу. Жена Реза-хана Тадж ол-Молук, родившая ему наследника престола Мохаммеда Резу Пехлеви¹, была дочерью весьма влиятельного в 1920-е годы в Иране бригадного генерала Теймур-хана Айромлу. Двоюродный брат Тадж ол-Молук стал начальником Главного управления иранской полиции в 1920-е годы»².

С 1918 по 1920 г. существовала независимая от России Азербайджанская Демократическая Республика³. Впоследствии она вошла в состав СССР. В 1945 г. при поддержке СССР на территории иранского Западного Азербайджана были созданы Курдская Республика и Азербайджанская Республика с доминированием коммунистов во власти. Однако иранские силы восстановили контроль над регионом в 1946–1947 гг. после того, как советские вооруженные силы отошли за свою границу⁴.

* * *

Еще до событий исламской революции (1979) один из важнейших городов азербайджанских провинций Тебриз стал центром протестной активности. Начиная с декабря 1977 г. студенты Тебризского университета проводили демонстрации. Студенты выбрали 12 декабря 1977 г. (21 азара по иранскому календарю) днем проведения одной из самых важных демонстраций протesta против режима шаха. Эта дата имеет важное значение для азербайджанцев, поскольку она отмечается как день создания, так и день падения правительства Азербайджанской Республики в Иране в

¹ Мухаммед Реза Пехлеви (1919–1980) – тридцать пятый и последний шах Ирана, правил с 1941 по 1979 г. // Wikipedia. https://ru.wikipedia.org/wiki/Мухаммед_Реза_Пехлеви (дата обращения: 01.01.2023).

² Тимкин Ю.Н. Идеология неоахеменизма в государственно-политической модернизации Ирана периода династии Пехлеви // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. – № 3(65): в 2 ч. Ч. 1. – С. 170.

³ History // Republic of Azerbaijan Cabinet of Ministers // <https://nk.gov.az/en/page/34/> (дата обращения: 01.01.2023).

⁴ Azerbaijan region, Iran // Britannica. <https://www.britannica.com/place/Azerbaijan-region-Iran> (дата обращения: 01.01.2023).

1945 и 1946 гг. соответственно. Примечательно, что правительственные газеты «Эттелаат», сообщила, что демонстрация состоялась 19, а не 12 декабря, чтобы не связывать демонстрацию с историческими событиями.

В Тебризе антишахская активность вступила в новую фазу 18 февраля 1978 г. Это связано с тем, что в ответ на убийство примерно 162 демонстрантов в Куме 9 января 1978 г. аятолла Мохаммад-Казем Шариатмадари¹ призвал народ Ирана к забастовке на 40-й день траура по погибшим². Нужно отметить, что в последние годы правления Мохаммада Резы Шаха, аятолла Шариатмадари (этнический азербайджанец) был старшим духовным лицом в важном религиозном центре г. Кум. Пока аятолла Рухолла Хомейни³ находился в изгнании, Шариатмадари являлся очень популярным и влиятельным религиозным деятелем в Иране. Аятолла возглавил ту часть шиитского духовенства, которая оставалось лояльной шаху и приняла участие в исламской революции лишь на финальном ее этапе⁴. Когда Хомейни вернулся, популярность Шариатмадари стала мешать новому исламскому режиму. Шариатмадари не соглашался с Хомейни по таким ключевым вопросам, как место и роль духовенства в управлении государством. Например, аятолле не нравилась идея прямого участия духовенства в политической жизни. Такие взгляды священнослужителя стали причиной конфронтации с Хомейни. Однако Шариатмадари полностью не отказывался от политической деятельности. Вместе с группой соратников аятолла участвовал в создании Мусульманской народно-республиканской партии (МНРП). Эта политическая сила делала упор на коллективное лидерство, ее члены призывали к сотрудни-

¹ Мохаммад Казем (1905–1986, Тегеран) – шиитский богослов и иранский общественный деятель, как один из пяти шиитских великих аятолл, был ведущим представителем духовенства в последние годы правления Мохаммада Реза-шах Пехлеви // Wikipedia. https://ru.wikipedia.org/wiki/Мохаммад_Казем_Шариатмадари

² Shaffer B. The Formation of Azerbaijani Collective Identity in Iran// Nationalities Papers. 2000. – Vol. 28, No. 3. – P. 451.

³ Сейид Рухолла Мостафави Мусави Хомейни (1902, по другим данным, родился в 1898 или 1900–1989) – иранский религиозный, духовный, государственный и политический деятель, великий аятолла, лидер исламской революции 1979 г. в Иране. Высший руководитель Ирана с 1979 по 1989 г. // Wikipedia. https://ru.wikipedia.org/wiki/Хомейни,_Рухолла (дата обращения: 06.01.2023).

⁴ Шариатмадари, Мохаммад-Казем // Исламская революция 1979. Вчера. Сегодня. Завтра. <https://iran1979.ru/shariatmadari-mohammad-kazem/>(дата обращения: 01.01.2023).

честву со светскими партиями и свободе СМИ.¹ Шариатмадари пользовался особой популярностью среди азербайджанцев Ирана. Он также опирался на поддержку со стороны вестернизированного делового сообщества и светских политических партий.

Российский исследователь В.И. Сажин отмечает, что «разногласиями между Хомейни и Шариатмадари попытались воспользоваться азербайджанские националисты, пытавшиеся установить в Иранском Азербайджане местную автономию. Противоборство между Шариатмадари и Хомейни достигло своего апогея в декабре 1979 г. и январе 1980 г., когда в Куме и Тебризе произошли столкновения между последователями обоих аятолл. На массовых демонстрациях, прошедших в декабре 1979 г. в Тебризе, было выдвинуто требование предоставления автономии азербайджанцам и другим этническим меньшинствам. Поскольку Шариатмадари придерживался религиозного принципа решения межнациональных проблем, то он не стал лидером автономистов»².

В 1982 г. аятолла был обвинен в заговоре против Хомейни и приговорен к тюремному сроку, а его партия была распущена. Аятолла окончил свои дни под домашним арестом в 1986 г.³ Один из сторонников Хомейни, аятолла Али Хаменеи⁴, также имеет азербайджанское происхождение. Аятолла Хаменеи был избран третьим президентом Исламской Республики в октябре 1981 г. После смерти аятоллы Рухоллы Хомейни в июне 1989 г., Хаменеи стал высшим руководителем Ирана (*рахбаром*) и является им по сей день⁵.

¹ Lorentz J.H. Historical Dictionary of Iran. Second Edition. The Scarecrow Press, Inc., Lanham, 2007. – P. 305.

² Сажин В. Иранский Азербайджан – история и политика // Международная жизнь. – 26.10.2021. <https://interaffairs.ru/news/show/32232> (дата обращения: 09.01.2023).

³ Lorentz J.H. Historical Dictionary of Iran. Second Edition. The Scarecrow Press, Inc., Lanham, 2007. – P. 305.

⁴ Сейед Али Хоссейни Хаменеи (р. 1939) – иранский религиозный, духовный, государственный и политический деятель. Второй Высший руководитель Ирана с 1989 г. по настоящее время. Третий президент Ирана в 1981–1989 гг. Один из ближайших соратников лидера Исламской революции, великого аятоллы Рухоллы Хомейни // Wikipedia. https://ru.wikipedia.org/wiki/Хаменеи,_Али

⁵ Lorentz J.H. Historical Dictionary of Iran. Second Edition. The Scarecrow Press, Inc., Lanham, 2007. – P. 165.

На протяжении большей части истории современного Ирана существовала одна провинция Азербайджан, расположенная вдоль горного хребта Загрос в районе плато на северо-западе Ирана¹. В 1937 г. провинция была разделена на Западный и Восточный Азербайджан. При этом некоторые традиционные территории Азербайджана вошли в состав других иранских провинций. В 1993 г. из части территорий провинции Восточный Азербайджан была образована новая провинция Ардебиль, в состав которой также передана часть северных территорий прикаспийской провинции Гилян². Провинции, традиционно населенные азербайджанцами, обладают развитой торговлей и промышленностью в сочетании с относительно процветающим сельским хозяйством. Развитию сельского хозяйства способствует достаточное количество круглогодичных осадков, поскольку фермерам не нужно полагаться исключительно на ирригационные системы для поддержки выращивания пшеницы, ячменя, табака и хлопка. В связи с этим Азербайджан нередко называют «житницей» Ирана. Промышленность Азербайджана представлена ковроткачеством, дублением, текстильной промышленностью и добычей меди³. Примечательно, что на территории Ирана проживало около 30 млн азербайджанцев, а в Республике Азербайджан – 10 млн (2015)⁴.

Когда бывшая Азербайджанская ССР стала независимой в 1991 г., среди иранских азербайджанцев усилилась популярность националистических идей. Этому способствовало и то, что иранские власти не разрешали преподавание азербайджанского языка в школе. Начиная с 1996 г. в Тебризе, Урмии и других преимущественно азербайджанских городах Северо-Западного Ирана примерно один раз в год проходили крупные демонстрации. Главным требованием было введение преподавания на азербайджанском

¹ Lorentz J.H. Historical Dictionary of Iran. Second Edition. The Scarecrow Press, Inc., Lanham, 2007. – P. 40.

² Томилов П.А. Иранская провинция Азербайджан глазами военного энциклопедиста начала XX века // Каспийский Вестник. <http://casp-geo.ru/iranskaya-provintsiya-azerbajdzhan-glazami-voennogo-entsiklopedista/>(дата обращения: 11.01.2023).

³ Lorentz H. Historical Dictionary of Iran. Second Edition. The Scarecrow Press, Inc., Lanham, 2007. – P. 41.

⁴ Где проживают 50 млн азербайджанцев // Sputnik. – 30.12.2015. <https://az.sputniknews.ru/20151230/403219542.html>(дата обращения: 12.01.2023).

языке и признание языковой автономии азербайджанцев¹. За акциями стояла организация «Национально-освободительное движение Азербайджана», основанная в 1994 г. Одним из видных ее представителей был профессор лингвистики Махмудали Чехрегани. В 2002 г. он основал «Движение национального пробуждения Южного Азербайджана» (ДНПЮА)².

В 2006 г. в районах проживания азербайджанцев в Иране вспыхнули массовые протесты. Их причиной стала публикация в одном из журналов рисунка, который сочли оскорбительным для азербайджанского народа и его языка: в зарисовке, предназначеннной для детей, мальчик произносит по-персидски несколько слов, означающих «таракан», а таракан, сидящий за столом, отвечает ему вопросом ««что?» по-азербайджански. Демонстрации протеста, вызванные этой публикацией, переросли в беспорядки, и иранские службы безопасности приняли жесткие меры. Согласно официальным источникам, 330 протестующих были арестованы, а четверо убиты³.

В 2005 г. в населенных азербайджанцами Тебризе, Урмии, Мараге, Ардебиле и некоторых других крупных населенных пунктах на севере Ирана вновь вспыхнули акции протеста. Причиной стал показ передачи «Фитиле» («Фитиль») в которой изображался азербайджанский мальчик, чистящий зубы туалетной щеткой и жалующийся на неприятный запах изо рта. Часть программы была на фарси, но некоторые диалоги были на азербайджанском языке⁴.

В 2019 г. в школах иранской провинции Восточный Азербайджан началось преподавание азербайджанского языка. Согласно новой учебной программе школьники получили возможность изучать азербайджанский язык 2 часа в неделю (всего 60 часов за

¹ Soleimanov E.A., Kraus J. Iran's Azerbaijan Question in Evolution Identity, Society, and Regional Security. Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program. 2017. – P. 40.

² Aghazada M., Goncharova A., Chernyavskiy S. Azerbaijani Turks in Iran: from the History to the Modernity // Вопросы истории. 2021. – № 5. Р. 150.

³ Iranian Azerbaijan and the Cartoon Cockroach Controversy//Geocurrents. <https://www.geocurrents.info/geopolitics/iranian-azerbaijan-and-the-cartoon-cockroach-controversy> (дата обращения: 01.01.2023).

⁴ Civil protests erupt in Iranian Azerbaijan//EurAsia Daily. – 10.11.2015. <https://eadaily.com/en/news/2015/11/10/civil-protests-erupt-in-iranian-azerbaijan> (дата обращения: 01.01.2023).

учебный год)¹. На смену отношения властей Ирана к преподаванию азербайджанского языка возможно повлияли внешние факторы. Вероятно, иранские власти опасаются, что США могут использовать азербайджанский вопрос в противостоянии с Ираном, и поэтому изменили языковую политику. Видимо данное решение также было направлено и на укрепление связей с Республикой Азербайджан².

Следует отметить, что большинство азербайджанцев сегодня идентифицируют себя как иранцев, а не по этническому признаку. То, что азербайджанцы занимают в Исламской Республике Иран важные посты, является фактором сдерживания этнонационалистических чувств. Бывшие премьер-министры Мехди Базарган и Мир Хусейн Мусави, а также аятоллы Абдул-Карим Мусави Ардабили, Абу аль-Касим Хойе и Садег Халхали являются яркими примерами того, как азербайджанцы встроились в политическую структуру Ирана³.

* * *

Азербайджан старается укреплять взаимовыгодные экономические, политические и культурные отношения с Ираном. С момента обретения Азербайджаном независимости в 1991 г. связи между Баку и Тегераном не были лишены проблем. Отношения с Ираном при президенте Гейдаре Алиеве были тесными, основывались на связях, установленных во время правления Алиева в Нахичевани (1991–1993). Но они стали напряженными после исключения американцами Ирана из Азербайджанской международной операционной компании, созданной для эксплуатации трех азербайджанских нефтяных месторождений на Каспии⁴.

¹ Гасанова М. Зачем Тегерану потребовался азербайджанский язык//Regnum. – 28.08.2019. <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/2701570.html> (дата обращения: 01.01.2023).

² Гасанова М. Зачем Тегерану потребовался азербайджанский язык // Regnum. – 28.08.2019. <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/2701570.html> (дата обращения: 01.01.2023).

³ Gubruz M. Can Iran's Minorities Be Used against the Regime?// Arab Centre Washington D.C. – 09.02.2018. <https://arabcenterdc.org/resource/can-irans-minorities-be-used-against-the-regime/> (дата обращения: 14.01.2023).

⁴ Gubruz M. Can Iran's Minorities Be Used against the Regime?// Arab Centre Washington D.C. – 09.02.2018. <https://arabcenterdc.org/resource/can-irans-minorities-be-used-against-the-regime/> (дата обращения: 14.01.2023).

Принятие Ирана в международный консорциум, созданный в 1996 г. для разведки каспийского месторождения Шах-Дениз, возможно помогло улучшить отношения. В прошлом Гейдар Алиев принял иранскую помощь в создании больших палаточных лагерей беженцев в Азербайджане. Иран опасался огромного притока азербайджанских беженцев, которые могли бы пополнить этническое азербайджанское меньшинство на севере Ирана. В феврале 1992 г. Азербайджан вступил в Организацию экономического сотрудничества, которую Иран рассматривал как предтечу Исламского общего рынка. В октябре 1996 г. Азербайджан и Иран подписали соглашение о строительстве газопровода из Ирана в Нахичевань¹.

Первая армяно-азербайджанская война, разразившаяся вокруг Нагорного Карабаха (1992–1994), выяснила позицию Тегерана. Первоначально Иран оказывал поддержку своим соратникам-шиитам в Азербайджане кредитами, оружием и боеприпасами (видимо, надеясь на успешный экспорт своих идей). Однако после того как Баку начал налаживать связи с Турцией, США и Израилем, Тегеран стал тяготеть к Армении².

Иран всегда признавал территориальную целостность Азербайджана и считал частью Азербайджана семь районов, которые перешли под контроль Армении во время Карабахской войны (1992–1994), но не были частью Нагорно-Карабахской автономной области в советское время. Однако он также поддерживал хорошие отношения с Арменией. Статус-кво, действовавший с 1994 по 2020 г., был выгоден Ирану. Иран служит связующим звеном между материковым Азербайджаном и Нахичеванью. Турецкие товары также попадают на азиатские рынки через Иран³.

Отношения Баку и Тегерана ухудшились после войны между Азербайджаном и Арменией в 2020 г. Тегеран неоднократно заявлял, что изменение границ на Кавказе будет равносильно «красной черте». На встрече с президентом России Владимиром Путиным и президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом, состоявшей-

¹ Azerbaijan – Iran Relations // GlobalSecurity.org. <https://www.globalsecurity.org/military/world/azerbaijan/foreign-relations-iran.htm> (дата обращения: 01.01.2023).

² Sazhin V. Iran-Azerbaijan: unity and struggle//The International Affairs. – 24.11.2022. (дата обращения: 01.01.2023).

³ Dermoyan H. The Escalating Tensions Between Iran and Azerbaijan // EVN Report. – 06.10.2021. <https://evnreport.com/politics/the-escalating-tensions-between-iran-and-azerbaijan/> (дата обращения: 14.01.2023).

ся 19 июля 2020 г. в Тегеране, Хаменеи заявил: «Если будут предприняты попытки перекрыть границу между Ираном и Арменией, Исламская Республика выступит против этого, потому что эта граница была коммуникационным маршрутом на протяжении тысяч лет»¹. Нужно отметить, что азербайджанцы на севере Ирана устроили публичные торжества после победы Азербайджана в нагорно-карабахском конфликте в 2020 г. и потребовали закрытия ирано-армянской границы после войны².

В конце лета 2020 г. в азербайджанских СМИ появились публикации, касающиеся Южного Азербайджана. «Пришло время: Южный Азербайджан должен отделиться от Ирана», – такой заголовок появился 26 августа 2020 г. на сайте Caliber.az, связанном с администрацией президента Азербайджана. Неизвестный автор писал, имея в виду иранских азербайджанцев: «Азербайджанское государство обладает достаточной мобилизационной силой для защиты прав своих соотечественников»³.

Нужно отметить, что Турция тоже использует азербайджанский фактор в своей антииранской политике. В декабре 2020 г. разразился политический скандал. Президент Турции произнес несколько строк из народной песни о воссоединении земель, проходящих вдоль азербайджано-иранской границы, во время военного парада в Баку 10 декабря 2020 г., вызвав критику со стороны Тегерана. После этого Министерство иностранных дел Ирана вызвало посла Турции в стране Дерью Орса, чтобы вручить ему ноту протеста⁴. В ответ на действия Эрдогана, у консульства Турции в иранском Тебризе прошла демонстрация. Участники выступили за

¹ Kucera J. Iran-Azerbaijan infowar heats up again //Eurasianet. – 02.09.2022. <https://eurasanet.org/iran-azerbaijan-infowar-heats-up-again> (дата обращения: 08.01.2023).

² Shalaby S. Iran-Azerbaijan: What is behind the recent tensions? // Middle East Eye. – 09.10.2021. <https://www.middleeasteye.net/news/iran-azerbaijan-tensions-explained> (дата обращения: 01.01.2023).

³ Kucera J. Iran-Azerbaijan infowar heats up again //Eurasianet. – 02.09.2022. <https://eurasanet.org/iran-azerbaijan-infowar-heats-up-again> (дата обращения: 08.01.2023).

⁴ Corso T. Iran Summons Turkish Envoy Over Erdogan's 'Separatist' Statements in Azerbaijan//Sputnik. – 11.12.2020. <https://sputniknews.com/20201211/iran-summons-turkish-envoy-over-erdogans-separatist-statements-in-azerbaijan-1081428856.html> (дата обращения: 08.01.2023).

территориальную целостность Ирана и осудили действия президента Турции¹.

Заключение

Тюрки, в том числе и уроженцы Азербайджана, оказали немалое влияние на историю Ирана. Несмотря на определенные трудности, связанные с дискриминацией, от которой страдали азербайджанцы в Иране после падения династии Каджаров (1925), после исламской революции (1979) представителям этого народа удалось занять свое место в политической структуре Ирана. К тому же большинство азербайджанцев ощущают себя иранцами, а этническое происхождение для них уходит на второй план.

Список источников и литературы

1. *Агазаде М.М.* Проблема статуса азербайджанских тюрков в Иране // Вопросы истории. 2019. – № 1. – С. 67–75.
2. *Буланова О.* «Азербайджан» или «Атропатена»? // AzerHistory.com (дата обращения: 08.01.2023).
3. *Гасанова М.* Зачем Тегерану потребовался азербайджанский язык // Regnum. – 28.08.2019. <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/2701570.html> (дата обращения: 01.01.2023).
4. Где проживают 50 млн азербайджанцев // Sputnik. – 30.12.2015. <https://az.sputniknews.ru/20151230/403219542.html> (дата обращения: 12.01.2023).
5. Жизнь азербайджанцев в Иране при правлении Резы шаха Пехлеви (1925–1941) // AzerHistory.com <https://azerhistory.com/?p=33605> (дата обращения: 01.01.2023).
6. Каджары // Большая российская энциклопедия https://bigenc.ru/world_history/text/2032011 (дата обращения: 01.01.2023).
7. *Кошеленко Г.А.* Атропотена // Большая российская энциклопедия // https://bigenc.ru/world_history/text/1839639 (дата обращения: 09.01.2023).
8. *Махмудов Я.М.* Азербайджанцы: взгляд на этнополитическую историю // Современная научная мысль. 2017. – № 1. – С. 7–17.
9. *Сажин В.* Иранский Азербайджан – история и политика // Международная жизнь. – 26.10.2021. <https://interaffairs.ru/news/show/32232> (дата обращения: 09.01.2023).

¹ Слова Эрдогана вывели иранцев на улицу. Акция протеста у консульства Турции в Тебризе// Sputnik. – 12.12.2020. <https://ru.armeniasputnik.am/20201212/Irantsy-protestuyut-u-konsulstva-Turtsii-v-Tebrize-25728104.html> (дата обращения: 13.01.2023).

10. Слова Эрдогана вывели иранцев на улицу. Акция протesta у консульства Турции в Тебризе// Sputnik. – 12.12.2020. <https://ru.armeniasputnik.am/20201212/Irantsy-protestuyut-u-konsulstva-Turtsii-v-Tebrize-25728104.html> (дата обращения: 13.01.2023).
11. Тимкин Ю.Н. Идеология неоахеменизма в государственно-политической модернизации Ирана периода династии Пехлеви // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 3 (65): в 2 ч. Ч. 1. – С. 169–172.
12. Томилов П.А. Иранская провинция Азербайджан глазами военного энциклопедиста начала XX века // Каспийский Вестник. <http://casp-geo.ru/iranskaya-provintsiya-azerbajdzhan-glazami-voennogo-entsiklopedista/> (дата обращения: 11.01.2023).
13. Шариятмадари, Мохаммад-Казем // Исламская революция 1979. Вчера. Сегодня. Завтра. <https://iran1979.ru/shariatmadari-mohammad-kazem/> (дата обращения: 01.01.2023).
14. Aghazada M., Goncharova A., Chernyavskiy S. Azerbaijani Turks in Iran: from the History to the Modernity // Вопросы истории. 2021. – № 5. Р. 145–156.
15. Azerbaijan-Iran Relations // GlobalSecurity.org. <https://www.globalsecurity.org/military/world/azerbaijan/foreign-relations-iran.htm> (дата обращения: 01.01.2023).
16. Azerbaijan region, Iran // Britanica. <https://www.britannica.com/place/Azerbaijan-region-Iran> (дата обращения: 01.01.2023).
17. Civil protests erupt in Iranian Azerbaijan//EurAsia Daily. – 10.11.2015. <https://eadaily.com/en/news/2015/11/10/civil-protests-erupt-in-iranian-azerbaijan> (дата обращения: 01.01.2023).
18. Corso T. Iran Summons Turkish Envoy Over Erdogan's 'Separatist' Statements in Azerbaijan // Sputnik. – 11.12.2020. <https://sputniknews.com/20201211/iran-summons-turkish-envoy-over-erdogans-separatist-statements-in-azerbaijan-1081428856.html> (дата обращения: 08.01.2023).
19. Dernoyan H. The Escalating Tensions Between Iran and Azerbaijan // EVN Report. – 06.10.2021. <https://evnreport.com/politics/the-escalating-tensions-between-iran-and-azerbaijan/> (дата обращения: 14.01.2023).
20. Floor W., Jawadi H. The Role of Azerbaijani Turkish in Safavid Iran // Iranian Studies. 2013 – Volume 46, Issue 4. 2013. P. 569–581.
21. Gubruz M. Can Iran's Minorities Be Used against the Regime? // Arab Centre Washington D.C. – 09.02.2018.<https://arabcenterdc.org/resource/can-irans-minorities-be-used-against-the-regime/> (дата обращения: 14.01.2023).
22. History // Republic of Azerbaijan Cabinet of Ministers // <https://nk.gov.az/en/page/34/> (дата обращения: 09.01.2023).
23. Iranian Azerbaijan and the Cartoon Cockroach Controversy // Geocurrents. <https://www.geocurrents.info/geopolitics/iranian-azerbaijan-and-the-cartoon-cockroach-controversy> (дата обращения: 01.01.2023).

24. Kagan J. Modern Iran Yale University Press 1988. 448 p.
25. Kucera J. Iran-Azerbaijan infowar heats up again // Eurasianet. – 02.09.2022. <https://eurasianet.org/iran-azerbaijan-infowar-heats-up-again> (дата обращения: 08.01.2023).
26. Lorentz J.H. Historical Dictionary of Iran. Second Edition. The Scarecrow Press, Inc., Lanham, 2007. – 479 p.
27. Rafi M. Universal Ideology in the Great War: Germany's Role in the Formation of Iranian Nationalism // Teleoscopy. – 17.03.2015. // <http://www.telospress.com/universal-ideology-in-the-great-war-germanys-role-in-the-formation-of-iranian-nationalism/> (дата обращения: 01.01.2023).
28. Sazhin V. Iran-Azerbaijan: unity and struggle // The International Affairs. – 24.11.2022. (дата обращения: 01.01.2023).
29. Shaffer B. The Formation of Azerbaijani Collective Identity in Iran // Nationalities Papers. 2000. – Vol. 28, No. 3. – P. 449–477.
30. Shalaby S. Iran-Azerbaijan: What is behind the recent tensions? // Middle East Eye. – 09.10.2021. <https://www.middleeasteye.net/news/iran-azerbaijan-tensions-explained> (дата обращения: 01.01.2023).
31. Soleimanov E.A., Kraus J. Iran's Azerbaijan Question in Evolution Identity, Society, and Regional Security. Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program. 2017. – 75 p.
32. Souleimanov E. The Evolution of Azerbaijani Identity and the Prospects of Secessionism in Iranian Azerbaijan // The Quarterly Journal. Summer 2010. – P. 77–84.

Статья поступила в редакцию 09.01.2022.
Принята к публикации 18.01.2023.

Kirichenko V.P.
Iranian Azerbaijan: past and present

Vladimir P. Kirichenko,
Research Associate,
IOS, RAS,
e-mail: black-whit@yandex.ru

Abstract. The article examines the history of Southern or Iranian Azerbaijan, pays attention to the place occupied by the Turks in the history of Iran. The policy of Reza Shah Pahlavi aimed at assimilation of the Azerbaijanis of Iran is also considered. In general, the Azerbaijanis were able to overcome difficulties and fit into the political system of modern Iran.

Keywords: Iran; Azerbaijan; Turks; Islamic revolution.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Садыкова Э.Л.*, Галимов Т.Р.**

МЕСТО И РОЛЬ МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ДИАЛОГА В СТАНОВЛЕНИИ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

DOI: 10.31249/rimm/2023.01.08

Для цитирования: Садыкова Э.Л., Галимов Т.Р. Место и роль межрелигиозного диалога в становлении русского централизованного государства. DOI: 10.31249/rimm/2023.01.08

Аннотация. Данное исследование, выполненное на основе широкого круга исторических источников, а также спектра научно-исследовательской литературы по соответствующей тематике, призвано уточнить место и роль межрелигиозного диалога в историческом процессе становления древнерусского централизованного государства. Исследование затрагивает вопрос о значении фактора межрелигиозного диалога в развитии государственности, как во внешнеполитическом, так и внутреннем аспектах. Авторы ставят перед собой задачу рассмотреть наиболее важный, на наш взгляд, спектр исторических сюжетов, происходивших в X–XVI вв. в контексте формирования цивилизационной идентичности централизованного государства Древней Руси.

* Садыкова Э.Л., доктор политических наук, исполнительный директор Фонда содействия стратегическому диалогу и партнерству, начальник Центра межрелигиозного диалога Болгарской исламской академии, e-mail: richone@rambler.ru

** Галимов Т.Р., кандидат исторических наук, независимый исследователь, секретарь международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды», e-mail: galimov_t_r@mail.ru

© Садыкова Э.Л., Галимов Т.Р., 2023

Ключевые слова: Московское государство; Древняя Русь; Золотая Орда; православная церковь; ислам; межрелигиозный диалог; единое централизованное русское государство.

Введение

Новые геополитические вызовы и угрозы безопасности России актуализируют исследование концептуальных подходов к вопросам сильной государственности, способной обеспечить ее суверенитет. При рассмотрении указанной проблематики важное значение приобретает цивилизационная парадигма генезиса российской государственности. Особую значимость научным исследованиям в этом направлении придает роль межрелигиозного взаимодействия, уделяемая во внутренней и внешней политике нашего государства. Президент России В.В. Путин в своем выступлении на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в 2022 г. отметил: «У нас в России за тысячу лет сложилась уникальная культура взаимодействия между всеми мировыми религиями. Не надо ничего отменять: ни христианские, ни исламские, ни иудейские ценности»¹.

Повышение роли России в мировых политических процессах обусловлено прошлым историческим опытом объединения народов, представляющих различные национальности и вероисповедания. В процессе исторического развития на евразийском пространстве происходил синтез обычаем, духовных ценностей, культур, сохраняющих свою значимость в современной жизни российского общества. Задача настоящего исследования заключается в том, чтобы в многочисленных исторических событиях во всем их разнообразии выделить ключевые факторы, повлиявшие на формирование опыта культуры диалога и согласия, как альтернативы конфронтационно-кризисным тенденциям в политической системе государства. Диалектика становления государственности в контексте создания предпосылок для обладания политической властью на определенной территории, обусловлена определением ее культурно-цивилизационной основы, поиском ценностей и идеалов. Исторически культурные связи русских земель, сохраняющиеся в этнической памяти, создавали для этого лишь определенные благоприятные предпосылки, которые еще должны были реализо-

¹ Путин В.В. Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» // <http://kremlin.ru/events/president/news/69695>

ваться. В то же время само объединение в единое централизованное государство являло собой трудный и противоречивый процесс, который был связан с междуусобными войнами XII–XIII вв. и изменением уклада местной жизни, сменой идентичности населения¹.

В рамках системного подхода нами предпринята попытка сформировать целостное представление об истории формирования традиционных ценностных компонентов, таких как межкультурный и межрелигиозный диалог, общие взаимосвязи и отношения, которые сформировались еще в период становления и развития древнерусского государства, на что обратил внимание В.В. Путин².

Вопрос о культурно-цивилизационной парадигме становления и развития российской государственности предполагает рассмотрение места и роли в данном процессе межрелигиозного диалога средневекового русского государства, как внешних, так и внутренних контактов. В научных исследованиях, посвященных основам формирования цивилизационной идентичности древнерусского государства, особое место занимает тема византизма. В период становления славянских государств Византия являлась самой высокоразвитой цивилизацией мира, вобравшей в себя наследие Древней Греции и Рима, Ближнего Востока и Египта. Византия создала этот вселенский цивилизационный феномен, в формирование которого внесли свою лепту и славяне³. С другой стороны, нельзя не отметить роль Востока, тюркского мира и ислама, одной из основных монотеистических религий, внесших свой вклад в формирование системы духовно-ценостных координат целой плеяды народов России. На протяжении тысячелетней российской истории происходили процессы объединения различных этносов и культур, которые вне зависимости от внутренних и внешних факторов, растворяя преграды и преодолевая их, сохраняли свою самобытность и привносили в общий культурный знаменатель собственные ценностные ориентиры и традиции.

Активная информационная пропаганда западных идеологов направлена на распространение искаженных фактов о прошлом

¹ Задохин А.Г. Национальная идея России в историческом аспекте // <http://viperson.ru/wind.php?ID=238291&soch=1>

² Выступление Президента РФ В.В. Путина на XVIII заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2022 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/66975>

³ Садыкова Э.Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 // <http://dlib.rsl.ru>

народов, входящих в состав России, и разрушение единства российского народа и деформацию исторической памяти.

Религиозные аспекты становления централизованного русского государства

Принятие крещения Древней Русью произошло в период, когда Византия, унаследовавшая традиции античной культуры, стала не только центром христианской религии, но и достигла высочайшего расцвета в развитии искусства, в особенности иконописи¹. Византия обоснованно выступала также образцом высокой культуры, что привлекало внимание русских князей, которые активно осуществляли контакты с Византией.

Византийская империя оставалась крупным центром христианской культуры до середины X в., и после принятия Древней Русью православного христианства их связи укрепились, на основе сотрудничества в политической, культурной, торговых сферах. Одновременно через Византию осуществляется выход русских протогосударств в мировую политику и культуру². Исторические обстоятельства создавали благоприятные условия для сохранения тесных русско-византийских союзнических отношений вплоть до 1453 г., когда Константинополь был захвачен турками-османами, при этом поддерживались связи Константинопольской патриархии и русской Церкви. Византия как центр развития мировой культуры, в том числе архитектуры, различных жанров искусства: мозаики, иконописи, книжной миниатюры и других форм, оказала широкое влияние также и на русскую культуру.

Стоит отметить, что первоначально в отношениях Византии и восточнославянских, а позднее русских княжеств имели место конфликты. Так, в известных летописных источниках упоминаются военные походы русских князей в Византию в IX–X вв. Целями отмеченных нашествий была, прежде всего, военная добыча. Одна-

¹ В X–XI столетиях сверкающая златом порфироносная Византия была культурной метрополией мира, по отношению к которой Западная Европа – продукт ассимиляции варварами осколков Римской империи, была задворками. Это обстоятельство неоднократно находило отражение в работах, см.: Православный палестинский сборникъ. 31-й (94-й) выпускъ. Издание Императорского Православного Палестинского Общества. М., 1992, с. 64; *Ле Гофф Жак*. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 27, 35, 140.

² См.: *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси. Смоленск, 1995. С. 49–50, 69.

ко вместе с трофеями происходило также и освоение культурных ценностей. Последующие контакты предпринимались в угоду дипломатическим интересам Византии, находившей в этом единственное верное решение в борьбе со славянскими ордами. Вопросы распространения собственной культуры, насаждение христианства были для Византии отнюдь не миссионерскими и носили экспансионистский характер. Существуют свидетельства современников этого периода, подтверждающие неприязненное отношение к славянам в целом. Благодаря историческим летописям сохранились сведения о набегах на Константинополь князей Олега, Игоря, Святослава и Владимира. Византийский писатель Михаил Псевдопсеул пишет про русских, что «это варварское племя всегда питало яростную и бешеную ненависть против греческой *игемонии*; при каждом удобном случае изобретая то или иное обвинение, они создавали из него предлог для войны с нами»¹. Военные походы завершались порой заключением мирных договоров, но разные религиозные верования приводили к тому, что стороны не воздерживались от их нарушения. Несмотря на все вышеуказанные обстоятельства развивались торговые контакты и взаимоотношения Византии и русских княжеств.

Мировоззренческая и консолидирующая роль религии в период возникновения российской государственности подтверждается историческим опытом создания Владимиром, крестителем Руси, православного государства². Академик Г. Вернадский писал: «Согласно сообщению летописца, в 986 году Владимира посетили религиозные миссии от различных вер и церквей: мусульмане – от волжских болгар, римские католики – из Германии, хазары, проповедовавшие иудаизм, и, наконец, проповедник греческой православной веры»³. По его мнению, «принятие того или другого из этих вероучений неизбежно должно было стать определяющим

¹ Цит. по: Лихачев Д.С. Национальное самосознание Древней Руси. М., 1945. С. 19.

² Неудивительно, что данные исторические обстоятельства вызвали особый интерес у президента В.В. Путина, который отметил высокую роль крещения Руси в создании централизованного государства и последующего межрелигиозного единства и согласия, утвердившегося на 1000-летии. См.: Речь Президента Российской Федерации В.В. Путина на приеме в Кремле в честь праздника Крещения Руси и дня памяти по случаю 1000-летия преставления великого князя Владимира // <https://www.tvc.ru/news/show/id/73343>

³ Вернадский Г.В. Русская история: учебник. М.: Аграф, 1997. С. 41.

для будущего культурного и политического развития России¹. После встреч князя Владимира с религиозными миссиями мусульман, католиков, православных, иудеев из соседних с Киевской Русью территорий, он, согласно Повести временных лет, отправил в 987 г. на проверку каждой из верований группу доверенных мужей и по итогам получил совет о введении на Руси православного христианства как официальной религии. Согласно ПВЛ, по итогам взятия Корсуни (Крым) в 988 г. произошел ряд событий, которые повлияли на окончательный выбор Владимира в пользу православия².

Как уже было указано, Византийская империя рассматривала Русь в качестве «варварского» народа и вслед за обращением в христианство предполагала восприятие на Руси церковной структуры, подобной и подчинявшейся византийскому патриарху, возглавляемой либо поставляемым митрополитом, либо епископом-греком³. Стоит упомянуть об историческом факте, свидетельствующем, например, о том, что Анастас Корсунянин, став духовником князя, упоминается в ПВЛ в роли учителя и стяжателя страсти Владимира. Однако на момент принятия крещения на Руси уже начала формироваться своя организация княжеской власти на определенной территории, что означало обязанность делить полномочия епископа или митрополита с местными князьями. Самы принципы христианского римского права Византии требовали признания власти князя как в гражданском, так и, в какой-то мере, в церковном отношении. При этих обстоятельствах «самого князя Империя стремилась ввести в состав византийской чиновничьей иерархии, а Русскую землю сделать провинцией Византии, под управлением посылаемых из Византии митрополитов»⁴. По мнению Д.С. Лихачева, такая постановка вопроса, безусловно, была опасна для сохранения политической независимости Руси и по существу означала лишение ее права самостоятельной церковной организации.

И действительно, при всей активности и пастырского служения народившегося местного священства, при существенной

¹ Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 42.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 109–116; Толочко П.П. О месте и времени крещения и канонизации Владимира Святославича // ВВМ. 2011. 70(95). С. 92–93.

³ История дипломатии: в 3 т. / под ред. В.П. Потемкина. М., 1941. Т. 1. С. 120.

⁴ Лихачев Д.С. Национальное самосознание Древней Руси // <https://statehistory.ru/books/Natsionalnoe-samosoznanie-Drevney-Rusi/3>

помощи служителей Болгарии и Балкан в целом, по существу, митрополичий двор выполнял исключительно дипломатическую функцию, а миссионерство первосвященников ограничивалось древнерусской элитой¹. Епископы некоторых княжеств активно выступали в качестве переговорщиков в самых сложных хитросплетениях межкняжеских распрай, неоднократно гонимые и унижаемые, выполняли свой пастырских долг², в отличие от митрополитов, редко выезжавших за пределы Киева³. Подобное отношение вызывало некоторое недовольство и настраивало на приведение к митрополичьему столу собственных выходцев и служителей.

Указанные обстоятельства в период великого княжения Ярослава Мудрого привели к острой борьбе Древнерусского государства и Византии. Несмотря на то что значительных военных успехов в этом противостоянии Ярославу добиться не удалось, были достигнуты определенные условия для укрепления политической силы Руси в отношениях с внешним миром и созданы предпосылки для некоторой самостоятельности Русской церкви. Так, Иларион Руцин стал первым митрополитом славянского происхождения лишь при существенной поддержке и давлении Ярослава Мудрого и прослужил в этом качестве вплоть до смерти собственного ктитора в 1054 г. Именно Ярослав, спустя более полувека православия на Руси, стал тем первопроходцем, кто издал «Устав о церковных судах», выводящий митрополию на новый уровень, закрепляя за церковью ряд существенных прав⁴. Однако, по мнению исследователей, даже в этих условиях церковь так и не смогла выстроить собственный полноценный институт, он был во многом зависим от представителей княжеской власти, являвшихся основателями

¹ Гайденко П.И. Место киевского митрополита в системе политических отношений Киевской Руси (988–1037): дис. ... канд. ист. н. Казань, 2005. С. 145–151; Галимов Т.Р. Киевские митрополиты между Русью и Ордой (вторая половина XIII в.) / Т.Р. Галимов; Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2019. С. 91–93.

² Тероновский Ф.А. Участие древнерусских архиереев в делах общественных (в период удельно-вечевой). Киев, 1870.

³ Гайденко П.И. Архиерейские поездки в домонгольской Руси: к вопросу о механизмах церковного управления... С. 43–44.

⁴ Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972; Щапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.

большинства соборов, ктиторами и вкладчиками монастырей¹. Обоснованно полагать, что таким образом древнерусские князья отстояли свое право на равное положение с Византией.

Общая религия способствовала процессам консолидации восточнославянского общества и формированию единой народности. В этот важный исторический период, как отмечал Л. Гумилев, «русская держава имела мало друзей и много врагов»². Изучение отношений зарождающегося Русского государства с соседними странами представляет интерес не только в историческом контексте, но и в определенной степени для осмыслиения процесса накопления духовного потенциала, традиций и опыта культуры многообразных человеческих отношений и оценки важности их сохранения в современном российском обществе.

XI век завершает особый этап в развитии русских земель, когда с принятием христианства и созданием своей государственности приходит чувство собственной самодостаточности, ставшей по сути новым витком развития государственности, выраженным в период феодальной раздробленности. Любечский съезд 1097 г. приводит к формированию целого ряда суверенных княжеств, принявших на себя обязательность «держать отчину свою».

В то же время в XI в. происходило и формирование основ современного состояния межнациональных отношений народов, предки которых проживали по соседству сотни, тысячи лет назад. Так, например, в 2022 г. отмечалось важное историческое событие – 1100-летие принятия ислама Волжской Булгарией. Изучение культурных связей Руси и Волжской Булгарии представляет интерес для понимания уникального единства народов России, связанных общей исторической судьбой. В отечественной исторической науке вопросы взаимоотношений между Древней Русью и Волжской Булгарией рассматривались такими дореволюционными учеными, как Карамзин В.Н., Ключевский В.О., Соловьев С.М., Татищев В.Н. и др.

¹ Пётр (Гайденко), иером. Были ли епископат и духовенство Киевской Руси феодалами? // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: материалы всероссийской научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.) / отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2010. С. 85–89.

² Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Айрис-Пресс, 2011. С. 140.

Волжская Булгария в период своего существования до монгольского завоевания имела экономические, политические и культурные партнерские отношения с Древней Русью, несмотря на то что происходили и военные столкновения. Л.Н. Гумилев в своем труде «От Руси до России» отмечает: «Различие между двумя этносами было не антропологическим, не расовым и даже не экономическим, ибо хозяйственные системы в Волжской Булгарии и Северо-Восточной Руси были очень похожи. Эти отличия были религиозными. Но религиозный мусульманский фанатизм в Волжской Булгарии еще не восторжествовал, и вера служила лишь индикатором отличий волжских булгар от славян»¹.

В отечественных научных исследованиях отмечается, что «самый древний из известных договоров о мире между Волжской Булгарией и Киевской Русью относится к 985 г., который стал следствием похода великого князя Владимира I на Волжскую Булгарию. После первого же контакта с отрядом булгарских разведчиков князь решил, что мир с этими соседями принесет больше пользы, нежели война»². Тогда «с сотвори мир Володимер с Болгаре толи не будет межью нами мира велико камень начнет плавати, а хмель почнет тонути»³. После этого булгары сделали предложение киевскому князю принять ислам. Помимо договорных отношений, как свидетельствуют источники, были и примеры оказания гуманитарной поддержки. «Так, своевременная помощь булгарами была оказана при голодае в русских землях в 1024 г. Нечто подобное повторилось и в 1229 г., когда «болгары, учиняя мир, возили жито по Волге и Оке во все грады Русские и продавали, и тем великую помочь сделали»⁴. Булгарский князь сделал нужный подарок в этот неурожайный год, прислав Юрию Всеволодовичу 30 насадов с житами. Этот действительно «щедрый подарок», как выражение доброй воли, был оценен по достоинству: «...князь великий принял с благодарением, а к нему послал сукна, парчи с золотом и серебром, кости рыбы и другие изящные вещи»⁵. Ученые приводят примеры из летописных источников о существовании «многочис-

¹ Гумилев Л. От Руси к России // <https://knijky.ru/books/ot-rusi-k-rossii>

² Мухамадиев А.Р. Волжская Булгария и Русь: правовое обеспечение интересов.(Х – начало XIII) // История государства и права. 2012. № 15. С. 40.

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ Татищев В.Н. История Российской. Т. 3. С. 225 // https://librebook.me/istoriya_rossiiskaia__chast_2/vol37/1

ленных колоний русских в Волжской Булгарии и булгар на русской территории¹. Аналогичные процессы взаимного расселения русских народов и булгар продолжались и в период монгольского владычества, что оказывало влияние на возникновение сходства культуры и бытовой жизни.

Не менее интересными являются русско-половецкие отношения. Начавшиеся с серьезного противостояния, они завершились в союзных браках между половецкими ханами и князьями, использовавшими силу половецкого (кипчакского / степного) войска в пожарище межкняжеских распреяй. Как некоторое доказательство стоит отметить, что Мстислав Мстиславич Удалой, женившийся на дочери половецкого хана Котяна Марии, родившей Ростиславу Мстиславну, будущую жену Ярослава Всеволодовича, будущую мать Александра Ярославича Невского.

В истории развития территории древнерусских земель был непростой период, связанный с разведывательным вторжением орд Чингисхана в 1223 г. и последовавшим широкомасштабным нашествием орд Батыя в ходе его западного похода 1237–1242 гг. Среди ученых нет единой точки зрения на характер и последствия взаимоотношений Руси и империи Чингисхана, а впоследствии ее части – Золотой Орды. Однако последние изыскания дают совершенно иное понимание², нежели насаждаемый советской историо-

¹ Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии: М.: Наука, 1984. С. 91

² Трапавлов В.В. «Русский улус» Золотой Орды / В.В. Трапавлов // Российская история. 2021. № 1. С. 3–15; Трапавлов В.В. Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в Российской государственности // Восток. 1994. № 2. С. 49–62; Почекаев Р.Ю. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2010; Трапавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010; Еникеев Г.Р. Шихаб Китапчы. Наследие татар. М., 2012; Горский А.А. «Всего если исполнена земля русская...»: Личность и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001; Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001; Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998; Подсальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996. Т. 1; Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV в. М., 2009; Сочнев Ю.В. Православная церковь в системе взаимоотношений Руси и Золотой Орды // История в подробностях. 2013. № 8 (38). С. 72–79; Селезнёв Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV вв. Воронеж, 2013; Камалов И.Х. Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию). Казань, 2016.

графией миф об исключительно негативном влиянии¹. Стоит отметить, что дореволюционные русские ученые неоднократно указывали на те доброкачественные контакты и процессы, которые были запущены вследствие самого нашествия и дальнейшего господства Орды на Руси². В предмет настоящего исследования не входит конкретный разбор исторических аспектов и фактов взаимовлияния, связанных с русско-ордынскими отношениями – традиционной темой отечественной историографии. Для нас важно выделить культурно-цивилизационные вопросы межкультурного и межрелигиозного диалога, его места и роли в развитии Руси в золотоордынский период.

Народы, которые составляли основу империи Чингисхана, а впоследствии Золотой Орды, в начальный период представляли собой достаточно широкий этнорелигиозный спектр, включавший несториан, язычников и мусульман. Присутствовали также покоренные народы, имевшие, в том числе, последователей иудаизма. Малочисленными, но все же имевшими место были миссии католиков, пришедшие по своей воле в ходе собственной разведывательной миссии и постоянного представительства в столице Империи. Уже при хане Берке, золотоордынская элита была во многом мусульманизирована. Несколько позже при хане Узбеке Золотая Орда принимает ислам. «Распространение ислама на территории Золотой Орды связывают с именами шейхов – приверженцев суфийских братств ясавийя и кубравийя. Их духовная работа в рам-

¹ Подобное мифотворчество следует из безусловного следования цитированию трудов К. Маркса. Увы, в своем сочинении «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» Маркс затронул вопросы русско-ордынских отношений и наследия Орды, что в итоге стало главным лейтмотивом всех фундаментальных советских исследований по тематике. Стоит отметить, что сам текст сочинения далек от норм научного исследования, он имеет скорее публицистический характер, например: «Колыбелью Московии было кровавое болото монгольского рабства, а не суровая слава эпохи норманнов. А современная Россия есть не что иное, как преображенная Московия» (Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII в. // Вопросы истории. № 4. 1989. С. 5; Marx Karl. Secret diplomatic history of eigtheen century. London, 1899. P. 77). Что удивительно, даже в 1989 г., в эпоху перестройки, данное сочинение хоть и вышло впервые, но в редакции Института марксизма-ленинизма с дополнительными пояснениями, например: «Маркс имел ввиду...»: Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII в. // Вопросы истории. 1989. № 1–4. Ср.: Marx Karl. Secret diplomatic history of eigtheen century. London, 1899. 96 р.

² Карамзин Н.М. История государства Российского... Кн. 2. Т. IV. С. 80; Татищев В.Н. История Российской. Т. 2. С. 331.

ках традиционной религиозности региона обусловила положительное отношение к ним государственной элиты Золотой Орды¹.

Первые контакты с империей Чингисхана проходили в эпоху межкняжеских распрай и по итогам завершились плачевно для многих древнерусских князей. Основной причиной был отказ принять условия мирного договора и предпочтение оказаться военную помощь половецкому хану Котяну против орд Субэдэ и Джэбэ, вторгшихся по приказу Чингисхана на половецкие земли и преследовавших половецкого хана, как уже было отмечено выше, родственному множеству княжеских семей. В одном из сочинений того времени «Слово о погибели Русской земли», хоть и не имеет полного текста, говорится о понимании современниками всей полноты существующей угрозы и результатов нашествия 1237–1240 гг.²

В период нашествия орд Чингисхана на территории русских земель важную объединяющую идеологическую и политическую роль играло православие. Во время осады и захвата Владимира особую роль утешителя и духовного спасения принял на себя епископ Митрофан, погибший вместе с укрывавшимися в Успенском соборе, последнем пристанище выживших горожан. Несколько позже и находя необходимым подчеркнуть отсутствие авторитета среди княжеских элит, Серапион Владимирский в своем Слове выразил общее негодование разобщенностью князей перед лицом угрозы полного уничтожения³. Итогом нашествия стала, с одной стороны, политическая зависимость от воли ханской власти золо-

¹ Сайфетдинова Э.Г. Суфийские традиции в духовной культуре Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1. С. 75–78.

² Соловьёв А.В. Заметки к «Слову о погибели Русская земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 78–115; Тихомиров М.Н. Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 235–244; Гудзий Н.К. О «Слове о погибели Русская земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 527–545; Данилов В.В. «Слово о погибели Русская земли» как произведение художественное // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 132–142; Колобанов В.А. К вопросу об участии Серапиона Владимирского в соборных «деяниях» 1274 г. // ТОДРЛ. Т. 16. М.; Л., 1960. С. 442–445; Лихачёв Д.С. Слово о погибели русской земли и «шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского // Русско-европейские литературные связи. М., Л., 1966. С. 92–96; Горский А.А. Проблемы изучения «Слова о погибели Русская земли»: к 750-летию со времени написания // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 18–38.

³ Галимов Т.Р. Церковная иерархия и церковно-ордынские отношения в период татаро-монгольского вторжения 1237–1240 гг. В оценках современников / Т.Р. Галимов // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 1. С. 29–55. DOI: 10.22378/2313–6197.2017–5-1.29–55

того рода Чингисхана, с другой – введение сложенной системы наследия княжеских прав.

Стоит подчеркнуть, что этот период был довольно сложным с точки зрения безопасности русских земель. Так, известны исторические факты о запрете католическим государствам торговать с русскими городами, объявленном римскими папами Гонорием III и Григорием IX. Ливонский орден, ставивший целью продвижение на Русь, создавал реальную угрозу практически у границ Новгорода. В результате православной вере на Руси реально угрожало западное католичество. В этом отношении весьма интересным является переписка Ярослава Всеволодовича и Александра Ярославича Невского с папским Римом, в которой кроются не столько существовавшие реальные желания принять католицизм, а скорее политическая хитрость и pragmatizm на случай нарушения существующих договоренностей на княжеские права, которые еще предстояло получить в Каракоруме, столице Монгольской империи¹. Победа на Чудском озере не остановила планы Рима, и в 1256 г. был объявлен «крестовый поход» против православных и татар, подразумевая при этом православную Русь и Орду. В связи с этим необходимо отметить роль Александра Невского, который в отличие от Даниила Галицкого сделал выбор в пользу союза с монголами, в целях противостояния крестоносцам. И в этом отношении поворот в сторону поиска военной защиты со стороны Орды стал тем спасением, которым воспользовалась Северо-Восточная Русь от западной угрозы. Одним из исторических следствий этого поворота на Восток было разделение Руси в результате политики Даниила Романовича Галицкого, окончательно принялшего латинскую веру, ознаменовавшее вхождение Южной Руси в состав Литовского государства и т.д.

¹ Галимов Т.Р. «Желают иметь господина папу своим преимущественным господином и отцом»: к проблеме возникновения церковной унии на южнорусских землях (середина XIII в.) / Т.Р. Галимов // Церковь. Богословие. История: Материалы III Международной научно-богословской конференции, посвященной 130-летию Екатеринбургской епархии и памяти Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской, Екатеринбург, 06–07 февраля 2015 года / Екатеринбургская митрополия, Екатеринбургская духовная семинария Миссионерский институт Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт гуманитарных наук и искусств, Лаборатория археографических исследований. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2015. С. 95–100.

Монголо-татарское нашествие XIII в., как отмечают исследователи, несмотря на военное разорение, не сопровождалось религиозными притеснениями¹. Церковь в полной мере использовала возможности мощного политического и идеологического института в период ордынского владычества, что позволило ей значительно укрепить духовный авторитет². Исследователи приводят документальные свидетельства веротерпимости золотоордынских ханов: «Ханы под смертною казнию запрещали своим подданным грабить, тревожить монастыри»³. Понятно, что риторика веротерпимости и реальная политическая практика не всегда совпадали, однако аксиология российской государственности формировалась в сложных условиях борьбы за существование, и период Золотой Орды – часть российской истории, что не исключает и культурного взаимовлияния и христианско-мусульманского диалога.

Действительно, несмотря на итоги нашествия, в городах Владимирской и Киевской Руси продолжали сохраняться православные монастыри и церкви. Дело в том, что, согласно Яссе Чингисхана, Основного закона Монгольской империи и основы для последующих законодательных актов Золотой Орды, объявлялась религиозная веротерпимость на всей территории Империи с условием благоположительного отношения религий к ханской власти. Первый в новую эпоху ордынского владычества на Руси русский митрополит славянского происхождения, Кирилл II (III), являясь ставленником Даниила Романовича Галицкого, понимая всю бесыходность для себя нахождения в Киеве, устремил свое служение ко двору владимирских князей, чем в свою очередь снискал возможность дальнейшего укрепления собственного авторитета. Вероятнее всего, Кирилл не получил должного благословления и поставления в Никее (вследствие невозможности в 1251 г. совершить подобное путешествие через территорию Византии, завоеванную латинянами), лишь ханский ярлык подтверждал право последнего на митрополичью кафедру.

Также особо интересными являются и церковно-ордынские контакты оказавшие влияние на Византию. «В 1263 [1261 г. – Прим. авт.] году при хане Берке (правил в 1257–1266 гг.), первом

¹ Фролов А.С. Философско-религиозные основы русской культуры.

² Садыкова Э.Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: дис. ... д-ра полит. наук // <http://dlib.rsl.ru>

³ Асадуллин Ф.А. Москва Мусульманская / В.А. Асадуллин. – М., 2004. – С. 15.

хане-мусульманине, в Сарае, столице Орды, была открыта новая православная епископия, названная Сарской»¹. Именно Сарайская епископия стала, с одной стороны, дипломатическим представительством Византии, находящейся на грани гибели после латинского удара, с другой стороны, представительством древнерусских митрополитов в ставке хана² и еще одним подтверждением веротерпимой политики Золотой Орды. Для Византии итогами открытия и возможных переговоров была уверенность в защищенности восточных рубежей и возможности возвращения Византией военным путем ранее оставленных территорий и восстановления в прежних границах, что и было совершено в том же 1261 г.³

Первый из ряда сохранившихся ханских ярлыков, данных русским митрополитам, датируется 1267 г., хотя, по всей видимости, ярлыки им выдавались и ранее⁴. За всю историю русско-ордынских отношений, к сожалению, сохранены лишь несколько ханских ярлыков, даровавших церкви особые льготы и защиту от посягательства как со стороны Орды, так и от представителей княжеского рода. Безусловно, это выводило древнерусскую церковь на новый, более высокий уровень, равный с княжеским домом. Последующий рост как влияния православной церкви, так и ее экономического могущества не заставил себя долго ждать. Уже в XIV в. можно отметить небывалое активное монастырское строительство (основано около 200 обителей), при этом устремленное в глубь территорий, порой занимая лучшие княжеские земли, становясь торговыми и постоянными объектами на важных

¹ Мухетдинов Д. Межрелигиозный диалог – основа стабильного процветания России // Диалог и партнерство цивилизаций: межконфессиональное и кросскультурное измерения. М. – Бейрут. Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2010. С. 43.

² Соловьев Н.А., протоиерей. Сарайская и Крутицкая епархия // ЧОИДР.М., 1894. Кн. 3. С. 91–95; Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 3. С. 18, 78; Голубинский Е.Е. История Русской церкви. Т. 2. Ч. 1. С. 41, 60–61.

³ Галимов Т.Р. Еще раз к вопросу о христианской миссии Сарайской епископии (XIII – начало XIV в.) // Палеороссия. 2015. № 4. С. 138–158.

⁴ Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам... С. 41–42; Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009. С. 72–73; Почекаев Р.Ю. Правовая культура Золотой Орды... С. 186–187; Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 3. М., 1995. С. 18; Сочнев Ю.В. Формирование и трансформация золотоордынской политики по отношению к русской церкви (XIII–XIV вв.)... С. 141.

стратегических дорогах, в том числе на въезде в города Северо-Восточной Руси¹.

Принятие Золотой Ордой ислама не повлияло на прежние договоренности и ханы продолжали издавать льготные и защитные ярлыки для первоиерархов Руси. Это скорее является следствием наличия в исламских канонах принципов доброжелательного отношения к людям Писания, к коим относились и христиане. «Священный Коран особо выделяет христиан в качестве «людей Писания», да еще как «наиболее близких по духу к мусульманам»². Многие отечественные исследователи отмечают укрепление православия на Руси в период власти Золотой Орды. Известный отечественный ученый Н.М. Карамзин, отмечая негативные факторы периода Золотой Орды, в то же время видит и положительные стороны от Ига для Руси. «Одним из достопамятных следствий Татарского господства над Россией было еще возвышение нашего Духовенства, размножение Монахов и церковных имений»³, – отмечает историк. Ученые-евразийцы Вернадский Г.В., Савицкий П.Н., Трубецкой Н.С. придерживались позиции о значительном влиянии Золотой Орды на формирование и развитие Московского государства.

Л.Н. Гумилев в книге «Древняя Русь и Великая Степь» сформулировал следующую точку зрения: «Нет, конечно, монголы не были добряками! Иначе они не могли поступать, ибо на всех трех фронтах – китайском, переднеазиатском и кумано-русском – против них стояли силы, значительно превышавшие их по численности и вооружению. Важно другое: столкновение разных полей мироощущения всегда порождает бурную реакцию – избыточных пассионариев, носителей разных традиций»⁴.

В последующее XV столетие, когда русские земли объединились вокруг Московского княжества, судьбы мусульманских правителей пересекались службой в конных полках русского вой-

¹ Галимов Т.Р. Каноническое-правовое положение древнерусского монашества в первые десятилетия монгольского господства на Руси (постановка проблемы) / Т.Р. Галимов // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. № 8. С. 111–122; Галимов Т.Р. Ещё раз к вопросу о христианской миссии Сарайской епископии (XIII – начало XIV в.) // Палеороссия. 2015. № 4. С. 138–158.

² Мухетдинов Д. Межрелигиозный диалог – основа стабильного процветания России. С. 43.

³ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1616–1829. С. 309.

⁴ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1997. Часть 4. Глава XX.

ска, браками, родством и семейными отношениями. Важным историческим выводом является то, что несмотря на длительный золотоордынский период в истории России, Русская церковь не только сохранилась, но за счет ордынской протекции укрепила свои позиции и авторитет среди собственной паствы, а благодаря своеобразной миссионерской деятельности рассчитанной в основном на элиты, также распространила духовно-культурное влияние на отдельные группы ослабляющейся Золотой Орды, а именно: части военно-служилых татар, перешедших на службу к московскому государю. В процессе создания Русского централизованного государства (вторая половина XIV в. – первая половина XVI в.) происходило не только объединение земель, но также формировались государственные культурно-цивилизационные основы, вобравшие в себя лучшие достижения западной и восточной культур.

Несмотря на продолжающиеся в этот период княжеские междуусобные распри, тем не менее Русская православная церковь олицетворяла и поддерживала единство мира. В этот период произошло ослабление и затем падение Константинополя, означавшее конец византийского господства и укрепление Римской церкви. В 1439 г. была «подписана Флорентийская уния – соглашение между представителями католической и православной церквей на условиях признания верховенства папы над всеми христианами в обмен на обещанную помощь в отражении османской агрессии против Византии. Уния не вошла в силу ни в Византии, ни в России, хотя Московский митрополит Исидор и поставил под ней свою подпись»¹. В другом литературном памятнике – «Повести о взятии Царьграда» уже присутствует намек о будущем освобождении Константинополя русским народом и о переходе к Руси исторического величия Византии»². Идею помочи Константинополю развили различные греческие и другие православные богословы. Об этом, в частности, писал Максим Грек³, нашедший, как и многие православные деятели Балкан, свое постоянное местожительство в России. Исторические события создали предпосылки для взаимопроникновения различных культурных пространств. Ферраро-Флорентийская уния с католическим миром была в конечном

¹ Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. Исторический словарь. 2-е изд. М., 2012. С. 538.

² Цит. по: Задохин А.Г. Национальная идея в историческом аспекте // https://i-sng.ru/observer/observer/N8_2004/8_04.HTM

³ Сочинения Максима Грека. Казань. 1860. Ч. 2. С. 318–319.

итоге отвергнута Русью, которая стала единственным независимым государством, где православие было признано официальной религией.

Свидетельством усиления в XVI в. могущества Московского великого княжества было то, что к русскому царю обращались за поддержкой Александрийский и Антиохийский патриархи. «В начале 1509 г. в Московское княжество прибыли монахи с посланием от всех афонских монастырей, в котором были призывы победить “иноплеменные языки”, а именно – мусульман. Приезжали и посланцы из Сербии»¹.

Исторически сложилось так, что Московский великий князь стал единственной опорой в защите православия, и произошло перемещение Рима на Русь как страну истинного, православного христианства. Идея византийского наследства оказывала в этот период все большее влияние на мировоззренческие основы политических элит. Примерно к этому времени относится возникновение легенды о культурно-религиозной природе происхождения династии Рюриковичей. По мнению исследователей, этот вымыселенный факт «позволял повысить статус династии Рюриковичей на международной арене, что и требовалось Ивану Грозному в условиях острой борьбы с сепаратистами за централизацию и укрепление международного авторитета России»². Символическим актом подтверждения происхождения русских князей от византийских императоров и их монархической власти начиная с XV в. стала «шапка Мономаха», как царский венец³.

Укрепление политической самостоятельности Московского княжества, повлияло на то, что русская церковь получила статус самостоятельной собственной патриархии от Вселенского константинопольского престола. «На стадии зарождения (конец XV в.) теория «Москва – Третий Рим» имела религиозное содержание. Митрополит Зосима в «Изложении пасхалии», говоря о

¹ Цит. по: Задохин А.Г. Национальная идея в историческом аспекте.

² Плотникова О.А. История одного мифа. Легенда династии Рюриковичей. Актуальные исследования № 2 (18). 2015. С. 50.

³ Трапавлов В.В. Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в Российской государственности // Восток. 1994. № 2. С. 49–62.; Лаврентьев А.В. Казанская шапка и казанские цари // Анфологион. Славяне и их соседи. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. Выпуск № 12. М., 2008. С. 99–117.

конце света и призывая соотечественников сделаться истинными христианами, называл Москву «новым Иерусалимом»¹.

В религиозных кругах Москвы начинают сравнивать великого князя Московского с византийским императором Константином. Впоследствии Москву стали сравнивать с «новым Римом»², что вполне укладывалось в русле старого мифа о происхождении одного из основателей русской государственности – Рюрика – от римского Августа-cesаря³. В свою очередь, династический брак Ивана III с византийской принцессой Софией Палеолог и предложение Рима стать наследником византийского трона, а также постоянная финансовая поддержка Константинопольского патриаршего двора давали все основания для развития политических идей вселенского и мессианского характера. В начале XVI в. Василий III, сын Софии Палеолог, осуществляя прямые связи с греками, поддерживал у них надежду на освобождение от османского господства с помощью Москвы⁴.

Представляется, что указанная доктрина выходит за рамки только лишь религиозного аспекта. Утверждение патриаршества в Москве имело важное внешнеполитическое значение (приближало и московское государство к статусу Византийской мировой империи), а также в целом для укрепления централизованной власти Московского княжества. «С этого исторического момента легитимность русского царя освящалась не вселенским церковным иерархом, а русским патриархом. Кроме того, это нарушило планы Польши утвердить собственного патриарха в Киеве. Следует учитывать, что в этот период церковные и политические отношения тесно переплетались, оказывая влияние друг на друга»⁵. В XIV–XVI вв. русское православие утверждало себя в споре с Константинопольским престолом, претендующим на вселенский характер и на высшую иерархию на Востоке. Это стало традицией, которая сохраняется и по сей день.

Экспансия Османской империи на Ближнем Востоке и в бассейне Черного моря придала российской самоидентификации но-

¹ Баузер Е.А. Идея «Москва – Третий Рим» в русской общественной мысли конца XV – начала XVII в.

² Скрынников Р.Г. Государство и церковь..., С. 150.

³ Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.;Л., 1955. С. 80–81.

⁴ Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. Очерки политической истории России первой трети XVII в. М., 1972, с. 81.

⁵ Задохин А.Г. Русская православная церковь в политических процессах России: историко-идеологический контекст. Мир и политика № 8 (35). 2009. С. 67.

вые культурологические черты. Русская православная церковь, уже вступившая в непосредственную конкуренцию с Римом, стараясь не отстать от него, попыталась придать своей деятельности характер «священной борьбы» против неверных «агарян»¹ и ислама и в защиту всех восточных христиан. В частности, это было и реакцией на осуществляемое Ottоманской империей массовое и насильственное обращение болгар, сербов, албанцев, грузин и других в мусульманство. Это свидетельствовало, что Русская церковь стремилась занять ведущее место не только в Московском государстве, но и в православном мире.

Установление патриаршества в Москве в конце XVI в. еще более вдохновило религиозных философов и политических публицистов. Они стали развивать идею «перемещения» Византии и «Святой земли» на территорию Руси, одновременно проводя мысль о том, что Россия стала теперь главным сосредоточением вселенского православия. Наконец, в начале XVII в. теологическая и мировоззренческая идея, культивируемая в течение нескольких столетий в российском национальном сознании, попадает в правительственный документ², т.е. было положено начало превращения ее в официальную внешнеполитическую идеологию. Это произошло в период правления Бориса Годунова и не без его участия. Тогда его дядя Дм. Годунов разослал монастырям церковные книги, где говорилось, что они изготовлены «в богохранимом и преименитом и в царствующем граде Москве – в третьем Риме, благочестием цветущу»³. Возникшая на Руси в XVI в. политико-религиозная доктрина «Москва – Третий Рим» вызывает растущий интерес у историков до настоящего времени.

Продолжалось и материальное «перемещение» Византии на российскую почву. Известный религиозный и политический деятель, патриарх Никон, не только начал процесс возвращения русской православной церкви к ее «чистым» истокам – переписывал религиозные тексты, сверяя их с греческими оригиналами. Он буквально начал строить под Москвой Новый Иерусалим, повторяя в деталях известный Храм над «гробом господним» на Святой земле Иерусалима⁴. Именно тогда в Москве отказались от мифа о цезарском (т.е. от римских цезарей. – А. З.) происхождении Рюрика. Бы-

¹ Скрынников Р.Г. История Российской. IX–XVII вв. С. 247.

² См.: Вопросы средневековой культуры. Л., 1974. С. 274.

³ Цит. по: Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 1983. С. 59.

⁴ Любимов Л.Д. Искусство Древней Руси. М., 1981. С. 323.

ла разработана новая мифологическая версия о родословной линии русских князей непосредственно уже от библейских героев. В результате национальная самоидентификация включает в себя нечто большее, чем просто соперничество с Империей. Теперь речь идет о претензиях на самые истоки человеческой цивилизации в христианской интерпретации.

Заключение

Религиозные основы становления русского централизованного государства являются важной составляющей национальной идентификации российского общества. Для российского государства вопрос о цивилизационной идентичности имеет глубокий смысл в условиях, когда представители «коллективного Запада», открыто объявляют о своих целях по уничтожению России, как конкурента. Несмотря на объективный процесс изменений социокультурной динамики, особенно в периоды острых мировых потрясений, ведущих к нарушению исторических основ единства народов, аксиологическая основа цивилизационной идентичности сохраняется и является важной скрепой единства общества. В связи с этим является весьма важным развивать понимание роли и места диалога в историческом процессе формирования многонационального российского государства.

Список литературы

1. Асадуллин Ф.А. Москва Мусульманская //В.А. Асадуллин – М., 2004. – С. 15.
2. Баузер Е.А. Идея «Москва – Третий Рим» в русской общественной мысли конца XV – начала XVII в.: отечественная историография XX столетия: Монография. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2011. 127 с.
3. Вернадский Г.В. Русская история: учебник. М.: Аграф, 1997. С. 41.
4. Выступление Президента РФ В.В. Путина на XVIII заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2022 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/66975>
5. Гайденко П.И. Архиерейские поездки в домонгольской Руси: К вопросу о механизмах церковного управления // Гайденко П.И. Москалёва Л.А., Фомина Т.Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы: монография. – М.: Университетская книга, 2013. С. 43–54.
6. Гайденко П.И. Место киевского митрополита в системе политических отношений Киевской Руси (988–1037): дис. ... канд. ист. н. – Казань, 2005. 239 с.
7. Галимов Т.Р. Ещё раз к вопросу о христианской миссии Сарайской епископии (XIII – начало XIV в.) // Палеороссия. 2015. № 4. С. 138–158.

8. Галимов Т.Р. «Желают иметь господина папу своим преимущественным господином и отцом»: к проблеме возникновения церковной унии на южнорусских землях (середина XIII в.) / Т.Р. Галимов // Церковь. Богословие. История: Материалы III Международной научно-богословской конференции, посвященной 130-летию Екатеринбургской епархии и памяти Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской, Екатеринбург, 06–07 февраля 2015 года / Екатеринбургская митрополия, Екатеринбургская духовная семинария Миссионерский институт Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт гуманитарных наук и искусств. Лаборатория археографических исследований. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2015. С. 95–100.
9. Галимов Т.Р. Каноническо-правовое положение древнерусского монашества в первые десятилетия монгольского господства на Руси (постановка проблемы) / Т.Р. Галимов // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. № 8. С. 111–122.
10. Галимов Т.Р. Киевские митрополиты между Русью и Ордой (вторая половина XIII в.) / Т.Р. Галимов; Институт истории им Ш. Марджани АН Республики Татарстан. Казань : Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан, 2019. 256 с.
11. Галимов Т.Р. Церковная иерархия и церковно-ордынские отношения в период татаро-монгольского вторжения 1237–1240 гг. В оценках современников / Т.Р. Галимов // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 1. С. 29–55.
12. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 2. Период первый, Киевский или домонгольский: Ч. 1. М.: Московский университет, 1900. – 919 с.
13. Горский А.А. «Всего еси исполнена земля русская...»: Личность и ментальность русского средневековья: Очерки. М.: изд-во «Языки славянской культуры», 2001. 176 с.
14. Горский А.А. Проблемы изучения «Слова о погибели Русская земли»: к 750-летию со времени написания // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 18–38.
15. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: источниковедческий анализ золотордынских документов. СПб.: СПБГУ, 2004. – 276 с.
16. Гудзий Н.К. О «Слове о погибели Русская земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 527–545.
17. Гумилев Л. От Руси к России // <https://knijky.ru/books/ot-rusi-k-rossii>
18. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1997. 508 с.
19. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Айрис-Пресс, 2011. 839 с.
20. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М.: Аспект Пресс, 1998. 339 с.
21. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М.: Аспект Пресс, 2001. 389 с.
22. Данилов В.В. «Слово о погибели Русская земли» как произведение художественное // ТОДРЛ.М.; Л., 1960. Т. 16. С. 132–142.
23. Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 80–81.
24. Еникеев Г.Р. Шихаб Китапчы. Наследие татар. М.: Алгоритм, 2012. 256 с.
25. Задохин А.Г. Национальная идея в историческом аспекте // https://i-sng.ru/observer/observer/N8_2004/8_04.HTM

26. Задохин А.Г. Национальная идея России в историческом аспекте // <http://viperson.ru/wind.php?ID=238291&soch=1>
27. Задохин А.Г. Русская православная церковь в политических процессах России: историко-идеологический контекст // Мир и политика № 8(35). 2009. С. 68–76.
28. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. Очерки политической истории России первой трети XVII в. М., 1972. 452 с.
29. История дипломатии. В 3 т. / под ред. В.П. Потемкина. М., 1941. Т. 1. 567 с.
30. Камалов И.Х. Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию) / пер. с турецк. яз. И.М. Миргалеев; отв. ред. А.В. Аксанов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – 304 с.
31. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1816–1829. 828 с.
32. Карамзин Н.М. История государства Российского: XII томов в 4 книгах. Книга 2. Т. IV–VI. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1997. – 656 с.
33. Колобанов В.А. К вопросу об участии Серапиона Владимира в соборных «дениях» 1274 г. // ТОДРЛ.Т. 16. М.; Л., 1960. С. 442–445.
34. Лаврентьев А.В. Казанская шапка и казанские цари // Анфологион. Славяне и их соседи. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. Выпуск № 12. М., 2008. С. 99–117.
35. Ле Гофф Жак. Цивилизация средневекового Запада. М. 1992. 376 с.
36. Лихачев Д.С. Национальное самосознание Древней Руси. М., 1945. 119 с.
37. Лихачев Д.С. Слово о погибели русской земли и «шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского // Русско-европейские литературные связи. М.; Л., 1966. С. 92–96.
38. Лихачев Д.С. Национальное самосознание Древней Руси // <https://statehistory.ru/books/Natsionalnoe-samosoznanie-Drevney-Rusi/3>
39. Любимов Л.Д. Искусство Древней Руси. М., 1981. 336 с.
40. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). Отдел первый. Состояние Русской Церкви от митрополита Кирилла II до митрополита святого Ионы, или в период монгольский (1240–1448). М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Кн. 3. 704 с.
41. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. № 1–4 за 1989 г. 68 с.
42. Мухамадиев А.Р. Волжская Булгария и Русь: правовое обеспечение интересов. (Х – начало XIII в.) // История государства и права. 2012. № 15. С. 39–43.
43. Мухетдинов Д. Межрелигиозный диалог – основа стабильного процветания России // Диалог и партнерство цивилизаций: межконфессиональное и кросскультурное измерения. М. – Бейрут. Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2010. С. 41–47.
44. Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. Исторический словарь. 2-е изд. М., 2012. 966 с.
45. Пётр (Гайденко), иером. Были ли епископат и духовенство Киевской Руси феодалами? // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: материалы всероссийской научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.) / отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2010. С. 85–89.
46. Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси. Смоленск, 1995. 320 с.

47. Плотникова О.А. История одного мифа. Легенда династии Рюриковичей // Актуальные исследования № 2 (18). 2015. С. 47–54.
48. Подсальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб.: Византинороссика, 1996. Т. 1. 572 с.
49. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды / отв. ред. И.М. Миргалиев. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 260 с.
50. Почекаев Р.Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М.: Юрлитинформ, 2015. 312 с.
51. Почекаев Р.Ю. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2010. 408 с.
52. Православный палестинский сборникъ. 31-й (94-й) выпускъ. Издание Императорского Православного Палестинского Общества. М., 1992. 160 с.
53. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.
54. Путин В.В. Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» // <http://kremlin.ru/events/president/news/69695>
55. Речь Президента Российской Федерации В.В. Путина на приеме в Кремле в честь праздника Крещения Руси и дня памяти по случаю 1000-летия преставления великого князя Владимира // <https://www.tvc.ru/news/show/id/73343>
56. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV вв. М.: Квадрига. 2009. 248 с.
57. Садыкова Э.Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: дисс. докт. полит. наук // <http://dlib.rsl.ru>
58. Сайфетдинова Э.Г. Суфийские традиции в духовной культуре золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1. С. 75–78.
59. Селезнев Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV вв. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. 472 с.
60. Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 1983. 192 с.
61. Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. Подвижники русской церкви. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 397 с.
62. Скрынников Р.Г. История Российской. IX–XVII вв. М.: Издательство «Весь Мир», 1997. 496 с.
63. Соловьев А.В. Заметки к «Слову о погибели Русыя земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 78–115.
64. Соловьев Н.А., протоиерей. Сарайская и Крутицкая епархия // ЧОИДР. М., 1894. Кн. 3. С. 91–95.
65. Сочинения Максима Грека. Казань. 1860. Ч. 2. 552 с.
66. Сочнев Ю.В. Формирование и трансформация золотоордынской политики по отношению к русской церкви (XIII–XIV вв.) // Золотоордынское наследие. Материалы II Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды». Казань, 7 марта 2009 г. / сост., отв. ред. И.М. Миргалиев. Вып. 1. – Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. – С. 137–150.
67. Сочнев Ю.В. Православная церковь в системе взаимоотношений Руси и Золотой Орды // История в подробностях, 2013. № 8 (38). С. 72–79.

68. Татищев В.Н. История Российской в 3 т. Т. 2. – М.: АСТ, 2003. 723 с.
69. Татищев В.Н. История Российской. Т. 3. С. 225 // https://librebook.me/istoriya_rossiiskaia_chast_2/vol37/1
70. Тероновский Ф.А. Участие древнерусских архиереев в делах общественных (в период удельно-вечевой). Киев, 1870. 38 с.
71. Тихомиров М.Н. Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 235–244.
72. Толочко П.П. О месте и времени крещения и канонизации Владимира Святославича // ВВ. М., 2011. 70 (95). С. 92–93.
73. Трапавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. – М.: Квадрига, 2010. 72 с.
74. Трапавлов В.В. Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в Российской государственности // Восток. 1994. № 2. С. 49–62.
75. Трапавлов В.В. «Русский улус» Золотой Орды / В.В. Трапавлов // Российская история. 2021. № 1. С. 3–15.
76. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии: М.: Наука, 1984. 216 с.
77. Фролов А.С. Философско-религиозные основы русской культуры: автореф. дис. ... доктора филос. наук. 42 с.
78. Щапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976. 240 с
79. Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М.: Наука, 1972. 340 с.
80. Marx Karl. Secret diplomatic history of eigtheen century. London, 1899. 96 p.

*Статья поступила в редакцию 15.12.2022.
Принята к публикации 16.01.2023.*

**Sadykova E.L., Galimov T.R.
The place and role of interreligious dialogue
in the formation of the russian centralized state**

Elmira Sadykova,
PhD (Political Science),
Executive Director of the Foundation for the Promotion
of Strategic Dialogue and Partnership,
Head of the Center for Interreligious Dialogue,
Bolgar Islamic Academy
e-mail: richone@rambler.ru

Teymur R. Galimov,
PhD (Hist.), Independent researcher, Secretary,
IPO “Association of Researchers
of the Golden Horde”
email: galimov_t_r@mail.ru

Abstract. This study, based on a wide range of historical sources, as well as a range of research literature on relevant topics, is designed to clarify the place and role of interreligious dialogue in the historical process of the formation of the Ancient Russian centralized state. The study raises the issue of the importance of the factor of interreligious dialogue in the development of statehood, both in foreign policy and domestic aspects. The authors set themselves the task of considering the most important, in our opinion range of historical subjects that took place in the X–XVI centuries in the context of the formation of the civilizational identity of the Ancient Russian centralized state.

Keywords: Muscovite State; Ancient Rus; Golden Horde; Orthodox Church; Islam; interreligious dialogue; unified centralized Russian state.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
1 (327) – 2023**

Научно-информационный бюллетень

**Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам**

Корректор О.В. Шамова
Компьютерная верстка
К.Л. Синякова

Подписано к печати 19 / III – 2023 г. Формат 60×84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 7,4 Уч.-изд. л. 7,1
Тираж 250 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 122

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: shop@list.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литер У